

ДЕНИС ШАБАЛОВ

ЧЕЛОВЕК
ИЗ
ПРЕИСТОДНЕЙ

МИР – ДОМУ

Денис Шабалов

**Человек из преисподней.
Часть 1. Дом**

«Издательские решения»

Шабалов Д. В.

Человек из преисподней. Часть 1. Дом / Д. В. Шабалов —
«Издательские решения», — (МИР – ДОМУ)

ISBN 978-5-44-987657-7

Паутина. Царство тьмы. Джунгли из стали и бетона, где вот уже которое поколение обитают люди. Сотни километров коридоров и галерей, где во мраке, тускло отсвечивая металлом брони, поджидает смерть. И Дом, самое безопасное место, куда враг, регулярно пробуящий людей на прочность, так и не сумел пока пробиться. Что есть паутина? Информации нет, лишь гипотезы и предположения. Как люди оказались здесь, в этой мрачной черной преисподней? Зачем пришли? И можно ли выбраться?.. Ответа нет. Сергей Сотников — офицер подразделения специальных операций. Основная задача ПСО — охота и война. Лишь бойцы ПСО ходят в Джунгли, и лишь они могут выжить там и вернуться с добычей. В одном из выходов обойма находит человека. Что странно — пришелец не числится в базах Дома... И не означает ли это, что община не одинока в паутине? И не пора ли, наконец, попытаться найти ответы на вопросы, благо в рюкзаке человека лежит то, что может приоткрыть завесу тайны — Путеводитель... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-987657-7

© Шабалов Д. В.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА или К ПРОЧТЕНИЮ ОБЯЗАТЕЛЬНО	6
Часть 1. Дом	9
Пролог	9
Глава 1. ОХОТА	11
Глава 2. АРМЕЙСКИЕ МЕЧТЫ	32
Глава 3. В ДОРОГУ?..	50
Глава 4. СКАЗКИ О ПРОШЛОМ	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Человек из преисподней

Часть 1. Дом

Денис Владимирович Шабалов

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление обложки Александр Смоляков

Рисунки Сергей Балятинский

Ответственный редактор Д. Шабалов

Корректор А. Кулапова

© Денис Владимирович Шабалов, 2020

© Александр Смоляков, оформление обложки, 2020

© Сергей Балятинский, рисунки, 2020

ISBN 978-5-4498-7657-7 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-7658-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА или К ПРОЧТЕНИЮ ОБЯЗАТЕЛЬНО

Здравствуйтесь, дорогие друзья.

Вот и случилось то, чего все мы так долго ждали – вы держите в руках первую книгу новой серии «МИР – ДОМУ».

Традиционно первым делом хочу поблагодарить всех, кто принял участие в выходе этой книги, помогал мне выпустить ее, участвуя в ПРЕДЗАКАЗЕ. Дорогие друзья, огромное спасибо за поддержку! Без вас ничего этого не было бы. Без сбора средств мы не смогли бы сделать ни обложку (рисунок ее), ни отдать книгу редактору и корректору на вычитку, ни напечатать ее на бумаге – ни-че-го. Ваша помощь **НЕОЦЕНИМА**, спасибо огромное!

Эта книга, как и все последующие в серии, издается мной самостоятельно. Кто следит за моим творчеством – тот знает почему. А кто не в курсе – поясню: я издаю свои книги сам, с помощью и поддержкой моих читателей. Тут все очень просто. В Контакте есть группа под названием «Авторская группа Дениса Шабалова», где собралось уже довольно большое количество читателей, которым нравятся мои книги. Адрес ее: https://vk.com/konst_apocalypse Там вы можете в подробностях познакомиться с обстоятельствами этого решения – все это лежит в одной из тем в Обсуждениях.

Заглядывайте☺

Процедура предзаказа проста. После того, как новая книга написана, мы начинаем собирать средства на издание – как на бумажный вариант, так и на аудиоверсию. После окончания сбора средств я провожу все необходимые мероприятия: редакторские и корректорские правки, рисунки, оформление обложки, подготовку макета, озвучку, печать в типографии – словом, веду книгу до самого выхода из печатного станка. И после этого рассылаю всем сделавшим предзаказ. Так оно как-то лучше, когда всем процессом руковожу я сам, а не издатель, которому не особо интересно, какой будет книга, а нужна лишь прибыль с ее продажи. К тому же в книгах, распространяемых таким образом, есть небольшой, но приятный довесок – автограф. В этот раз, кстати, к оформлению книги добавились и небольшие бонусы в виде автографов прототипов всех персонажей, задействованных в книге (да-да, они вполне реальные люди).

То же самое касается и электронной версии и аудио – в этот раз я не планирую выкладку на «Литрес», приобрести книгу можно будет только у меня. Либо – выкладка все же будет, но через довольно долгий промежуток времени: может быть, год-полтора, когда книга перестанет быть новинкой и мои читатели будут ждать уже вторую, а то и третью книгу серии.

Тем не менее, я понимаю, что наверняка она окажется в открытом доступе... Что ж, по зрелым размышлениям это тоже не так уж плохо. Мне писало немало людей, кто, прочитав книгу с торрентов, обращался ко мне и заказывал ее уже на бумаге. И это действительно приятно – это значит, что я сумел так зацепить человека, что он захотел поблагодарить лично автора. Это обычная ответственность перед автором – но как же она важна!.. Это действительно много значит!

Я понимаю, что все вы ждете немного информации о серии «МИР – ДОМУ»... Так вот. Серия планируется масштабная, одних только моих книг – семь. Построена она будет по такой схеме: основную ветку о главном герое веду я; но в серии будут принимать участие и другие писатели, которые тоже будут развивать свои локации и своих героев – и которые будут встроены либо взаимосвязаны с основным персонажем: иметь отсылки к событиям в основной ветке, захватывать ее краем, соприкасаться с ней, либо даже принимать непосредственное участие, но с другого ракурса... Словом, мы постараемся сделать так, чтобы читатель видел события не только глазами собственно моего ГГ, но и глазами героев других авторов. И получать ответы на вопросы, которые встали перед ГГ, читатель будет и со страниц книг других авторов тоже. Таким образом мы достигнем большей полноты картины и куда большей ее масштабности, заплетем все книги серии в одну сеть перекликающихся событий.

Все книги, которые будут выходить в серии, будут проходить жесткую вычитку. Мной. Во-первых – я хочу и буду сам бороться за качество. Я не имею ввиду орфографию и пунктуацию, ей будет заниматься специальный редактор. Я имею в виду сюжет, логику его и правдоподобность, язык изложения в книгах. А во-вторых, это необходимо для того, чтобы быть в курсе, чтобы встроить сюжет каждой очередной книги в серию. Это касается как авторов-новичков, которые захотят попробовать себя в серии (смелее! если серия захватит вас настолько, что захочется написать свое – дерзайте, поможем и подскажем), – так и опытных авторов. Стараться мы будем для читателя.

Серия не будет бесконечной или растянутой на множество лет. Количество книг будет конечно. Я не знаю пока – сколько. Может, пятнадцать, может и двадцать. Пока я вижу лишь свои семь и две-три сторонних авторов. Но растягивать «Санту-Барбару» мы не станем – это и дурной тон, и читатель устает от произведения, да и автором завладевают новые идеи, которые хочется реализовать. Нужно понимать, когда закончить историю, чтоб она осталась в умах читателей. Впрочем – это будет еще совсем не скоро, ибо вы держите пока лишь первую книгу.

Теперь что касается собственно нового мира. Прежде всего отмечу вот что. Когда я отдавал книгу на прочтение бета-ридерам, некоторые сразу же говорили о том, что многое не понятно. «Кадавры», «контрôллеры», «паутина», «горизонты», «Дом»... Сразу неясно, что это такое, где происходит действие, что там вообще и как... Но, позвольте, ребята... Это – новый мир! Естественно, что не всё сразу от и до в нем будет ясно! Входить в этот мир и понимать его придется постепенно, не сразу. Помнится, когда я начинал читать С. Логинова «Многорукий бог далайна», я тоже далеко не сразу врубился во все эти «шавары», «далайны», «тесеги», «ыльки», «жанчи» и прочее и прочее... А теперь это одна из моих любимейших книг. Наберитесь терпения. Уже к середине книги вам все станет ясно, вы воспримете этот мир от и до, привыкнете к терминологии, войдете в него. Так даже интереснее, ибо книга от этого становится не одноразовой – ее интересно открывать снова и снова, потому что с каждым разом ты понимаешь что-то еще и еще. Логинов читан раз десять и минимум раз в год я опять открываю книгу. Я уверен, что через два-три месяца – или тем более перед выходом второй – вы откроете «ЧиП» заново и прочитаете с большим пониманием, ибо некоторые знания уже уложатся в голову и восприятие будет уже заточено под этот мир.

В книге довольно большое внимание уделено оружейной специфике, тактике, работе с оружием и т. п. Что поделать... такова особенность моих книг. Я стремлюсь знакомить читателя (а основной мой читатель – именно мужская аудитория, хотя есть и представители

прекрасной половины человечества) с оружейно-стрелковой тематикой, стремлюсь избегать голливудщины, стремлюсь прививать оружейное понимание. Это – дань правдоподобности. И должен отметить, что многим такая специфика очень нравится. Как сказал один из читателей: «Ваши книги можно читать не только как художественную литературу, но и как образовательную в области стрелковки и тактики». Приятно же! Впрочем, что-то я расхвастался... ☺ Продолжим.

Первая книга построена по тому же принципу, что и первая книга серии «Право на...» – есть главы о настоящем главного героя и есть главы о его прошлом. Почему так? Я считаю, чтоб понять и полюбить персонажа, читатель должен видеть его путь с младых ногтей. Тем более в такой масштабной серии, как «Мир – Дому». Герой не должен выскочить как чертик из коробочки и ожидать, что читатель безусловно поверит в его силы и возможности, в его, если можно так выразиться, крутость. Все это желательно показать. Но кроме того, есть и еще одно соображение: в прошлом ГГ скрываются события, влияющие на его настоящее – и о них обязательно нужно рассказать не просто мельком, отсылкой в одном абзаце, а подробно. Только тогда читатель поймет характер героя и его сущность, начнет с увлечением следить за его дорогой, верить в его мотивы и логику поступков. А вот во второй книге и последующих этого не будет – в первой и без того сказано все, что необходимо. Дальше ГГ нужен нам уже нынешний.

А по конфигурации и строению так. Главы о настоящем (само название главы) идут обычным шрифтом, главы о прошлом – курсивом. Это нужно для большей ясности, ибо некоторые читатели могут запутаться.

Что сказать еще?.. Даже не знаю. Да и хватит болтовни. Перед вами новый мир, новая серия, над которой еще работать и работать. В данный момент пишется вторая и третья книга, а также – пятая. Вторая – моя. Третья и пятая – других авторов. Мы уже работаем для вас и очень надеемся, что уже первая книга заинтересует вас так, что вы с нетерпением будете ожидать последующих. А потому – приятного чтения, дорогие друзья.

И помните: все только начинается.

Денис Шабалов
Август 2019 г.

Часть 1. Дом

Пролог

Фонарь тонко пискнул – и красный огонек, индикатор уровня заряда, потух. Диод моргнул и начал медленно гаснуть, превращаясь в уголек, словно отдавая последний свет, что у него еще был. Потом исчез и он – и вокруг человека сомкнулась тьма.

Лишь непроглядная тьма и его хриплое, срывающееся дыхание.

Отпустив увесистый цилиндр, гулко брякнувший о бетон, человек продолжал ползти. Алюминий очень стойкий металл, особенно если рядом нет воды – и фонарь останется здесь до конца времен. Ему не нужно куда спешить. А вот человек торопился. Выбрасывая правую руку, он опирался локтем левой, чуть приподнимая тело – и рывком подтягивался вперед. И снова. И опять. Времени оставалось совсем мало – ремень, стягивающий культю, порвался окончательно, и человек полз, оставляя за собой смазанную алую дорожку. Кровь уходила, а вместе с ней уходила и жизнь.

Человек знал, что он уже мертв – но это было неважно. Он умер еще тогда, когда сделал выбор, понимая, что кроме него никто не сможет победить эту преисподнюю. Снова. В который раз. Но цель – та цель, к которой он шел всю свою жизнь, – была совсем близко. Пятнышко призрачного света впереди, мелкое, не больше булавочной головки. Там, где заканчивался тоннель. Там, где закончится и все остальное.

Но сначала нужно дойти. Добраться. И донести то, что лежало сейчас в его рюкзаке. Казалось бы – мелочь, бумага, упакованная в тонкий прозрачный целлофан... но сколько же силы заключено в ней! Именно она, эта сила, и нужна людям. Чтобы поставить наконец точку в войне, которая тянется уже не один десяток лет.

Человек полз вперед – но не дорогу он видел перед собой. Узкая кишка вентиляции сама выведет к цели. Говорят, что перед смертью вся жизнь словно проходит заново – и сейчас перед глазами его одна за другой проплывали картины прошлого, что выпало ему пережить. А выпало на его долю куда как не мало...

Стылые морозы и ураганные ветра нового мира, убивавшие быстрее, чем ты успеваешь это понять; тьма Преисподней, в которой, тускло отсвечивая сталью брони, таилась смерть; резервации, где люди звались «бревнами» и различались только по штриховому коду на шее; лаборатории Ордена, где царствовал жуткий «Монарх», огненный ад Ржавого Пояса, полные щемящего кошмара пространства Территории; фантастические красоты и мерзости Колыбели... лишь малая доля того, что довелось ему испытать. Все это было в его жизни, все это он прошел. Не слишком ли много для одного человека?..

Достойная смерть – отличный конец достойной жизни. А его жизнь была таковой. Мудрецы говорят, что мир не делится на черное и белое, что он многоцветен, раскрашен множеством цветов. Но человек верил в обратное. Черное – это черное. Зло. Белое – это белое. Он знал это просто потому, что всю свою жизнь стоял за белое. Уже очень давно он желал только одного, жил и боролся, приближая именно эту цель: те, кто стоял у истоков, кто принес раздор и вражду в его дом, когда брат шел на брата, а сын на отца, кто долгие-долгие годы пользовался плодами жутких своих дел – должны уйти. Бывшие когда-то элитой, они выродились, превратившись в кошмар этого мира. Они сумели подчинить его себе, перекроить по своему желанию – но теперь у них был только один путь: сгореть в пламени, исчезнуть, дав начало новому миру, чистому и справедливому. Маятник, качнувшись когда-то в одну сторону, в крайнее свое положение, стремительно летел к центру равновесия. К той самой цели, к которой и шел сейчас человек.

Мир снова изменится.
Время богов закончилось.
Пришла пора платить по счетам.

Глава 1. ОХОТА

Нож был хорош.

Клинок – словно угловатый римский меч-гладиус. Широкий, обоюдоострый, с ломаной геометрией лезвия, по одному ребру жесткости на каждой плоскости, по паре широких кро-востоков с обеих сторон ребра. Два боевых упора, чтоб рука не скользила, рукоять из какого-то чудного материала – пористого, словно губка. Крепко в перчатке лежит, ни кровь, ни жир не помеха. На пяте клинка с одной стороны надпись: «Extrema Ratio»¹. С другой – «Praetorian ПТ». Нашел Серега этот нож в энциклопедии, оказалось – авторитетнейшая фирма. Ну оно и сразу видно – не самодел, вещь добротная, заводская, еще До сделана. А уж как резал – сказка! Полосовал агрессивно, только держись – уже и опробован третьего дня, когда случилось с контроллером сойтись.

В тот раз попался кадавр². Жиру в них ни грамма, сплошные жилы, мышцы и сталь – но в шею, между броневыми пластинами, клинок вошел как в масло. После уж, когда распо-трошили его, всю броню, оружие, снарягу поснимали, осмотрел Серёга свой новый тесак – и ни единой щербинки не нашел. Хотя когда бил, все ж скрежетнул по металлу. Щели между пластинами узкие, попробуй попади... Да и бил-то спереди, впопыхах, когда организм уже обернулся, и кулачищем своим бронированным в голову саданул. Хорошо, рефлексy спасли. Наставник эти его рефлексy всегда отмечал и в пример ставил. Серёга вправо голову дернул – кулак мимо и прошел, лишь ухо слегка задел. А не успеy он уклониться – все, привет Отра-ботка. Железным-то кулачищем со всего маху в голову.

Вот и теперь. Распластавшись на трубе вентиляции под потолком в одном только обтя-гивающем черном термобелье и наушниках, вслушиваясь в далекую и вялую пока еще пере-стрелку, Серёга правой рукой еще раз с любовью ощупал нож, закрепленный слева на пузе. Тронул пальцами пластиковые ножны, погладил шероховатую рукоять... Не зря он за дедом в дыру полез, ой не зря... Но не оставлять же его было!

История странная, что и говорить. *Попахивающая*, прямо скажем. Не сказать чтоб такое в первый раз, и раньше людей в Джунглях находили – однако то были свои, люди Дома, когда-то потерявшиеся в галереях, коридорах и переходах, или отверженные, вне закона, кого изгнали по разным причинам. Но в этот раз...

Возвращались с позапрошлой охоты. И на самом подходе к Дому, когда оставалось мет-ров пятьсот прямого пути, уже виднелся вдали прожектор Внешнего Периметра и слышалось побрёхивание собак патруля, из темной щели под потолком – стон... Пацаны сразу стойку: четверо стволы на щель, остальные сектора разобрали, по сторонам зыркают. Ждут командира: какие будут указания? И Наставник молчит, смотрит на Сотникова. У него всегда так, не пой-мешь – то ли решение увидеть хочет, то ли сам растерялся. Серёга сбросил снарягу, достал веревку с кошкой, закинул за трубу вентиляции, влез, посветил в щель фонарем... Сначала не разобрал ничего: куча тряпья, волосня спутанная, приклад торчит... А после пригляделся – мать честная!.. Дед! Весь в грязи, в тряпках изгвазданных, морда черная, словно трубочист, бородищей по самые глаза зарос... А уж шибает от него – за сто шагов учуешь! Тут тебе и пот застарелый, и моча, и кровяца... Как он сюда пролез, почти к самому Внешнему Периметру, как блокпост в транзитной галерее обошел – поди знай. Вот только что проходили Западный

¹ Боевой нож от известной итальянской фирмы Extrema Ratio. Выпускаются два варианта – Praetorian II и Praetorian ПТ, различающиеся формой клинка. ПТ – это клинок с ломаной геометрией, углы которого позволяют наносить более глубокие резаные раны. Нисколько не реклама, а лишь для того, чтоб читатель имел представление. С чем привык работать автор, то и описывает.

² **Кадавр**. Устаревший медицинский термин, означающий труп, мертвое тело. Однако в Доме этот термин носит иную смысловую нагрузку.

КПП – тихо, спокойно, без происшествий. Муха не пролетала. А тут нате вам... И второй вопрос, еще похлеще – почему этот лаз не замурован? Неужели пропустили коммунальщики, не заметили?!

Вытащили старика – он и сознания сразу лишился. Но пока тянул его Серёга из щели – очень даже активно помогал. Трясется весь, как припадочный, в руку вцепился – не отдерешь, бормочет что-то, подбадривает... даже сынком разок назвал. То есть – в памяти бродяга из паутины вышел, в своем уме, что само по себе невероятно.

Ладно. Вытащили его, погрузили на платформу, осмотрели. Всего из конечностей и осталось-то у него, что левая рука в целости. Правой по середину предплечья нет – причем видно, что свежее, кровит. И обе ноги по середину бедра. Обрубок, не человек. Как он полз, как добирался... с ума сойти!

Снял Серёга отпечатки – благо, осталось откуда снимать, – погонял базу данных в коммуникаторе, попробовал опознать. Снова странное... Нету! Не значится такой! Это как же такое может быть?! Правда, тут Наставник его успокоил: вполне возможно, по секретным архивам проходит.

Обшарили его. Рюкзак при нем был почти пустой: бумаги какие-то внутри, калаш с гнутым стволом и без патронов, противогаз, серебрянка, ополовиненный рацион питания, парочка хисов³, фонарь-жужжалка с собственным генератором, светивший кое-как себе под нос. И нож. И тесак Серёга сразу себе забрал – имел полное право, по Закону охоты. Деда вместе со всем его безобразием дотащили до Комендатуры – да там и сдали, пусть начальство разбирается. А нож – трофей. Добыча верная. И расставаться с ним Сотников не собирался.

Удачу им этот нож принес. Три выхода назад охота криво пошла, нарвались на ППК с боевой тройкой из четырехсотых и паука, и десятком кадавров сопровождения. И хотя отбились без потерь – но и добычи не получилось. Позапрошлая – тоже неудача, разве вот мужика нашли. А на прошлой сразу двух пятисотых добыли. Целехоньких! И ведь где – на своем же горизонте, где территории на семьдесят километров вокруг хоженые! Едва вышли – и двух часов не прошло, как шлепнули. Оборвали-таки черную полосу, Наставника порадовали и на Совете похвалу получили. И с такой добычей вернувшись, полное право имели на недельный отдых – но Серёга своей командирской волей снова обойму в Джунгли увел. Чужалось, что успех закрепить надо, непременно показать, что снова они в строю, снова обойма одна из лучших, и Дому от нее одна только польза.

Охота на контроллера – дело непростое. Это не ящера шлепнуть... Контроллеры, они разные бывают. Есть такие, что и крупным калибром употеешь, какая-нибудь ППК⁴, много-тонная боевая платформа. Этой опасен только тридцатый⁵ или пятьдесят седьмой⁶, а еще вернее – РПГ⁷ или ПТРК⁸. К ним без тяжелого вооружения и не совались даже: во-первых, ручная

³ **ХИС**. Химический источник света. Обычно представляет собой пластмассовую палочку с ампулой внутри, наполненную химическими реагентами. При повреждении ампулы реагенты смешиваются и палочка начинает светиться. Свет разный – зеленый, синий, красный, желтый. Светимость до 12 часов, иногда и больше.

⁴ **ППК**. Платформа Поддержки Контроллеров. Это общее название всех боевых платформ – тяжелой техники, которая встретится в книге. Градации такие. ППКБЛ (Б – значит «боевая», Л – «на лапах», т.е. способ передвижения – лапы); ППКБГ (Б – значит «боевая», Г – «гусеничная», т.е. способ передвижения – гусеницы); ППКУ (У – значит «усиления»); ППКО (О – значит «обеспечения»); ППКОР (ОР – «обеспечения ремонтная») и ППКОЭ (ОЭ – значит «обеспечения энергетическая»). Здесь даны предварительные расшифровки. Что обозначает та или иная – дальше, на страницах книги.

⁵ **Тридцатый**. Имеется в виду калибр 30х165мм, предназначенный для автоматических пушек 2А42, 2А72 и т.п., стоящих на вооружении у ВС РФ, либо 30х173мм, стоящий на вооружении НАТО.

⁶ **Пятьдесят седьмой**. Калибр 57х348. Незаслуженно забытый, но в данный момент, кажется, возвращающийся в российскую систему артиллерийского вооружения. Пушка представляет собой усовершенствованный вариант орудия зенитного артиллерийского комплекса С-60. Для такого калибра на поле боя если и есть непоражаемые цели – то разве что тяжелые танки и стационарные ДОТы.

⁷ **РПГ**. Ручной противотанковый гранатомет.

⁸ **ПТРК**. Противотанковый ракетный комплекс.

стрелковка для нее – тьфу, мелочи; во-вторых – огневая плотность запредельная; а в-третьих – их всегда пехота сопровождает, просто так не подберешься. Но платформы и встретить не просто – в боковые коридоры им не протиснуться, они транзитных галерей держатся, там просторнее, есть где развернуться. Здесь же, в глубине паутины, чаще попадались механизмы до двухтонника включительно, у них габариты куда меньше. Или кадавры.

Но даже и КШР-400, боевой механизм самого низшего класса, просто так не возьмешь. Пять-сорок пять против него почти не работает – там броня корпуса по фронту до пятнадцати миллиметров, а пятерка, даже и 7Н39 «Игольник»⁹, берет максимум десятку. Да и то вплотную. Тут разве что М993¹⁰ или 7Н37¹¹ в лобовину пробьет... Но эти номенклатуры – редкие, как свет в паутине, их только с кадавров можно снять, да и то не со всякого. Куда чаще работали простыми бронебойными, послабже – М61 или 7Н26. И здесь уже приходилось учитывать слабость патрона по броне, брать с умением, не абы куда лупить, а с толком: уязвимости выцеливать, сенсоры и камеры, решетки вентиляции... Либо туда, где броня тоньше – боковые пластины корпуса, например. При этом – максимум старания приложить, чтобы добыча с пользой была, чтобы он целенький остался.

Иначе что получится... Ну отработал ты по нему куда попало, разом в пять-шесть стволов, пробил броню, достал уязвимый узел, завалил, наконец... Так ведь пластины броневые на выброс. Да еще электронику повредишь или топливный элемент. Какая же это охота? Это уже война.

Тут всякая обойма по-своему изгалялась. Кто-то по ногам срезал, разбивая шарнирные элементы голени или колена с крупного калибра; кто-то в яму загонял и караулил неделю, пока заряд сядет; кто-то топливные элементы отстреливал, кто-то путанкой¹² загон выстилал – хитрили как могли. Но Серёга считал все это детскими игрушками.

Положим, отстрелил ты ему ногу... А дальше что? Контроллер, понятное дело, мобильность теряет – но огневая мощь та же. Заползет в щель, которых в этих каменных джунглях до черта, щитами укроется, стволы выставит, как рак клешни – попробуй выковырай. Не подступишься. И если после всего этого и добудешь его – некомплект получается. Ноги-то нет. А с ней и сервоприводов, и броневых пластин. И половины боезапаса, который он, отстреливаясь, на тебя же и потратил.

Топливные элементы глушить – те же яйца, только в профиль. К тому же не каждый и отстрелишь – у которого нет контура гашения, тот и сам рванет, корпус вдребезги, и соседей покалечит. Аккумулятора, если экономно расходовать, семье из четырех человек надолго хватает. Особенно если он от двухтонника и выше. И жилье обогреть-осветить, и еду сготовить, и на прочие необходимости. Кто же от такой добычи отказывается? Только идиот. Да и Сове-

⁹ **7Н39 (индекс ГРАУ) «Игольник».** Патрон калибра 5,45х39 для автоматов серии АК. Разработка завершена в 2013 году. Данный боеприпас представляет собой заостренный остроконечный сердечник из сплава карбида вольфрама и кобальта, заключенный в свинцовую рубашку. По пробивным характеристикам в 1,8 раза превосходит существующий бронебойный патрон 5,45х39 7Н24, на данный момент имеющийся в войсках.

¹⁰ **М993.** Винтовочно-пулемётный боеприпас стран-участниц НАТО, калибр 7,62х51. М993 – армейский патрон с бронебойной пулей с сердечником из карбида вольфрама. Одна из последних разработок, по бронебойности в полтора-два раза превосходящая «старую» бронебойную пулю М61. Фактически – аналог российского «игольника» (выше калибром), но на вооружение НАТО принят раньше.

¹¹ **7Н37 (индекс ГРАУ).** Винтовочно-пулемётный боеприпас ВС РФ, калибр 7,62х54. Аналогично «Игольнику» калибра 5,45х39, патрон с такой же технологией разработан и в калибре 7,62х54. Используется в СВД, ПКМ и т. п. Бронебойность его, соответственно, возросла примерно в те же 1,5–1,8 раз по сравнению с 7,62х54 7Н26. Для простоты восприятия в книге он так же именуется «Игольником», просто калибр выше.

¹² **Путанка.** Малоаметная проволочная сеть (МЗП). Объемное заграждение из колец сталистой проволоки. Проволока очень тонкая, поэтому ее почти не видно. Относится к инженерным невзрывным заграждениям задерживающего типа. Опутывая колеса или гусеницы, наматываясь на оси, останавливает механизм, частично обездвигивая его. Также опасна и для пехоты противника.

том не одобрялось на охоте по топливным элементам лупить – аккумуляторы считались стратегическим продуктом, почти как оружие или боезапас.

А уж яму делать Сергей почитал сильно ниже достоинства. И своего, и своей обоймы. Бабский вариант какой-то... Оно и долго; и сил много уходит; к тому же и бабка надвое сказала, загонишь ты его в яму или нет. Ты сначала эту яму сооруди – употеешь плиты вынимать и камень долбить, разве что мягкая порода попадется или расщелина... Потом замаскируй – пленку найди или наподобие. Потом еще сиди жди или приманивай. А в итоге – вот комедия! – если ты на боевую тройку нарвешься, в составе которой паук или кентавр. Они яму за пятьдесят шагов засекут – и местоположение, и размеры – и напарникам информацию тут же скинут. И накрылась западня. Можно сниматься и домой не солоно хлебавши.

Бухало где-то невдалеке, не иначе за два-три зала. Громкость выстрелов была все еще не критична, активные наушники¹³ пропускали звук и потому Серега различал сейчас и калашни бойцов, и резкий выстрел АСВК¹⁴ Одноглазого, и даже КОРД¹⁵ Железного Дровосека. Хотя Дровосек, согласно приказа, должен мимо пару очередей положить и сразу отходить. Ну, если попортил бронепластины, сволочь, – ответит по полной программе! Двое суток сюда шли, в такие дебри, на четыре горизонта поднимались – и все зачем? Чтоб тушку вдребезги?..

Грохот выстрелов меж тем приблизился. Били одиночными, для экономии боезапаса, стрельба шла уже через зал – и в ответ время от времени коротко долбили пулеметы контроллера. Четырнадцать с половиной, по звуку определил Серёга – слишком уж жутко бухало. Кентавр. Добыча ценная. С него, если аккуратно сработать, много можно собрать. Мало того что крупнокалиберный – так там вторым оружием ПКТМ¹⁶ и больше восьми тысяч боезапаса. Вот это да, по-настоящему свезло!

Чтобы валить такую крупную дичь, обойма Сотникова свою методику имела. Хоть и риск очень уж высок, но если четко сработать – добыча будет. Расчет прост: подманить максимально близко, вплотную – и попытаться до уязвимости добраться. До порта обслуживания на макушке. И это уже куда как не просто...

ШМП-2000 «Кентавр» – машина страшная. Человека издалека чует. Этот механизм и лазерный сканер¹⁷ имеет, и сканер плотности, радар на обратно-рассеянном излучении¹⁸ –

¹³ **Активные наушники.** Наушники, имеющие в своем составе устройства для защиты органов слуха от баротравм во время стрельбы из различного стрелкового (особенно с использованием ДТК и особенно в замкнутых помещениях) и артиллерийского вооружения, подрыва взрывчатых веществ и т. п. Имеют встроенные микрофоны и динамики, что позволяет одновременно уменьшить воздействие шумов, слышать окружение и комфортно общаться. Возможно подключение радиостанций и прочих внешних устройств.

¹⁴ **АСВК.** Армейская Снайперская Винтовка Крупнокалиберная. Российская крупнокалиберная снайперская винтовка, созданная в 2004 году коллективом конструкторов завода имени В. А. Дегтярёва. Технически представляет собой пятизарядную винтовку с продольно-скользящим поворотным затвором (т.е. стреляет одиночными, не полуавтомат), скомпонованную по схеме булл-пап. Общая длина оружия 1420 мм. Заявленный производителем средний поперечник рассеивания составляет порядка 160 мм на дальности в 300 м без использования специального боеприпаса. Калибр 12,7×108 мм.

¹⁵ **КОРД.** Российский крупнокалиберный пулемет калибра 12,7×108мм. Предназначен для борьбы с легкобронированными целями и огневыми средствами, уничтожения живой силы противника на дальностях до 1500—2000 м и поражения воздушных целей на наклонных дальностях до 1500 м. Энергия пули достигает порядка 18000 Дж. Для сравнения – пуля калибра 7,62×54 имеет в среднем 3200—3600 Дж.

¹⁶ **ПКТМ.** Пулемет Калашникова Танковый Модернизированный. Используется для комплектации танков, бронемашин, вертолетов, бронекатеров и других объектов военной техники. Принят на вооружение в 1998 году. Калибр 7,62×54. Емкость ленты 250 патронов.

¹⁷ **Лазерный сканер.** Устройство, позволяющее сканировать внутреннее пространство помещения не заходя в него – через проем двери или через неплотно прикрытую дверь, через щель в стене – и «увидеть» полностью пространство внутри, а также конфигурацию объектов, находящихся в комнате. Таким образом человека в броне и с оружием очень легко отличить от человека без такового. Но при этом, если человек будет сидеть внутри другого объекта – например, в ящике с крышкой, – данное устройство покажет только ящик, но не человека. Конечно, плотность сканирования зависит от многих факторов и не всегда может быть получена полная картина, бывают и темные пятна.

¹⁸ **Сканер плотности или ОРРИ-сканер.** Технология на обратно-рассеянном излучении, при которой рентгеновские лучи от источника не проходят сквозь объект, а отражаются от него и формируют изображение на приемнике, расположенном

словом, все те устройства, которые буквально видят за стеной. Конечно, можно и их обмануть – толща бетона, предельное расстояние в сотню шагов, либо укрытие замкнутого объема, чтоб лазерный луч не смог ощупать... или как сейчас, попытаться ящеру уподобиться, симитировать общие контуры. А лучше – все вместе, чтоб вероятность увеличить. Правда, гарантии нет, удастся ли обмануть устройство – но без серьезного риска и добычи хорошей не получишь.

Учуял он, скажем, шевеление за стенкой. Просканировал. Абсолютных данных не получил. Дальше нужна визуальная идентификация. Входит в зал – а тут по нему ребята начинают работать, из укрытий метров со ста. Причем стреляют в корпус, по груди, где броня толще всего, а чаще просто рядом кладут. Контроллер, конечно, сразу в бой, первоочередная цель для него – человек. Но и пространство вокруг начинает ощупывать, пусть и с некоторой задержкой. И тут главное момент не просрать...

В общем – ничего так, неплохо пока выходило. Правда, тут до первой промашки. Если механизм после такой засады выпустить, он информацию воспринятую остальным передает. Самообучаются, твари. Раз что узнал или увидел – всё, уже в блоках памяти. И как только с соседом в контакт войдет – сразу ему пуляет. А тот дальше по цепочке. Так и получается: пока методика действует, пока горячо – надо железо ковать. Причем чтоб без срывов было.

Вот они и ковали. Лежал Серега, прижавшись к трубе вентиляции над дверью в соседний зал, мёрз и ждал, когда пацаны контроллера подманят. С собой только нож, наушники и ничего больше. Даже УПЗО¹⁹ нет – какой же ящер железяку на башке таскает? Неудобно, конечно, ребятам из-за этого с фонарями работать приходится, цель подсвечивать – но деваться некуда. А что сам – так это потому, что никому больше войти с машиной в прямой контакт он не доверял. У него и реакция, и рука на удар лучше других в обойме поставлена – как-никак чемпион Дома по рукопашке три года подряд. А может, и четыре, если в этом году не обосрется и снова Рыкова уделает. Да и вообще, командир должен пример подавать, самые сложные цели забирать. Теперь главное, чтоб ребята в соответствии с планом отработали, тогда будет обойма с добычей.

Первым в дверной проем влетел Ставр. Тут же упал на правое колено за стеной, вывелился корпусом из-за угла, отсек пару коротких.

– Готов! Пошли!

Следом ввалился Дровосек. В правой лапище пулемет, знаменитый КОРД-буллпап²⁰; в левой – короб с питанием; на загравке трубы РПГ висят... Паша мужик не просто здоровый – гигант. И раньше был не мал, силушкой не обижен, запредельная мощь его давно вошла в поговорку Дома – а уж после, как в экзу вставили, так и вовсе. Огромен, аки Титан, и сотворит же

с той же стороны, что и источник. Технология ОРПИ позволяет эффективно обнаруживать вещества с малыми атомными номерами (предметы, содержащие такие элементы, как углерод, водород, кислород и азот). К числу веществ с малой атомной массой относятся взрывчатые, ткани тела человека, алкоголь и т. п. Работает на ограниченном расстоянии.

¹⁹ **УПЗО**. Универсальный прибор зрительного ориентирования. Совмещает в себе ПНВ, тепловизор и бинокль, имеет форм-фактор тактических очков (не путать с баллистическими/стрелковыми очками, которые один в один с очками от солнца или спортивными, и пригодны для повседневного ношения). Выдумка автора. Имею полное право – у нас тут, скажем так, немного отдаленное будущее, поэтому можем самую малость и облегчить боевые будни солдата.

²⁰ **Булл-пап (или буллпап)**. Такая схема компоновки механизмов винтовок и автоматов (пулемет КОРД штатно в таком исполнении не выпускается), при которой спусковой крючок вынесен вперед и расположен перед магазином и ударным механизмом. Благодаря такой компоновке существенно сокращается общая длина оружия без изменения длины ствола и, соответственно, без потерь в кучности и точности стрельбы, а также и в эффективной дальности стрельбы. Преимущества: компактность, а значит, и мобильность и удобство обращения, что особенно актуально для замкнутых пространств; гораздо меньшая отдача, что положительно влияет на кучность; меньше утомляемость переднего плеча даже при долгой работе с оружием, так как центр тяжести вынесен не вперед, за переднюю руку, а находится между руками. В качестве недостатков же называют и неудобство выброса гильз, и меньшую чувствительность спускового крючка, и грохот выстрела прямо под ухом, так как ударный механизм находится близко к голове стрелка, и т. д. и т. п. Однако все эти недостатки субъективны и устранимы – сам я, перейдя со стандартной компоновки на булл-пап, почувствовал только преимущества. Разве что да, барабанным магазином неудобно пользоваться – упирается в ребра под рукой.

природа такое... Ростом за два метра, вес под две сотни. Потому и таскает тяжелое на благо обоймы – без крупного калибра на выходах кисло бывает.

Дровосек, глянув коротко вверх, нащупал Серегу во тьме под потолком, прошипел:

– Кентавр, командир! Принимай! – и побежал дальше.

Сергей промолчал. Ну что с ним поделаешь? Ведь сказано же – игнорировать! Так нет!.. Ладно, на потом отложим балбеса.

Пашка замешкался было, решая, куда податься – но сообразил правильно: прогрохотал в самый конец зала, к дальнему выходу, улегся за бетонной тумбой. Помелькал там фонариком, устраиваясь, затих. И – будто прорвало. Следом по одному, по двое, пошли ребята. Рас-текались по залу, занимая позиции за бетонными блоками, за агрегатами, ныряли в каналы в полу, в темные проемы переходных коридоров к соседним узлам. Вся обойма, полностью, в количестве четырнадцати бойцов.

У Сереги сразу от сердца отлегло – без потерь. Кентавр – механизм предельно опасный. Хоть и дуболом, но огневой мощью, бронированием и чувствительностью своей компенсирует. Четырнадцатый калибр в упор – смерть. Крошит бетон, кирпич шьет навывлет, ребра тубинга дырявит. И бывает, что немало людей теряет группа, особенно если в прямое соприкосновение войти. В третьей обойме хоть и редко такое бывало, очень редко – тренировкам и слаженности Серёга много времени уделял – но всегда сердце сжималось. Каждый из них свой, со многими с детства в одной казарме. И гибель любого потеря невосполнимая.

Накрыв рукоять ножа ладонью, Сергей аккуратно вытянул клинок из ножен. И снова отметил, как мягко и беззвучно он выходит. У контроллера слух чуткий, даже в грохоте боя звуковую дорожку на составляющие раскладывает, анализирует. Может и уловить звяканье металла, и отреагировать соответствующе. Механизм его наверняка уже чувствует – но пока точно не идентифицировал, все внимание на противника с оружием и в броне. Сейчас главное сразу в дверях буратинку принять, когда он щиты выставит и на бойцах сконцентрируется. Всего один шаг в комнату, этого будет достаточно.

Мандраж бил дай боже. Он буквально чувствовал капающий в кровоток адреналин. Капля за каплей, капля за каплей, повышая и повышая концентрацию, словно пружину взводя тело, чтоб в нужный момент сорваться с предохранителя и вложиться в один единственный точный и мощный удар. В голове вдруг, нарушая сосредоточенность, мелькнула картинка из глубин памяти – детский сад, экзамен, маленький Сережка держит карточку, на которой нарисован контроллер... и страх. Запредельный ужас, что чувствовал он тогда... Очень уж боялся их в детстве. Скажи ему в то время, что однажды он врукопашку механизм будет валить – счел бы сказками, наподобие тех, что батяня рассказывал.

Тьма внизу шевельнулась и в зал из проема вдвинулась темная громадина. В рассеянном свете фонарей, упертых ребятами в потолок, двухтонник казался огромным рыцарем, с ног до головы закованным в доспех. В нижней паре конечностей – два изогнутых щита-скутума²¹, сомкнуты, прикрывают переднюю полусферу, на верхней паре КПВТ²² и ПКТМ закреплены. Пацаны, выполняя приказ, тотчас же ответили короткими очередями и одиночными, стараясь занижать трассы или даже стрелять под нижние кромки щитов, чтоб командира рикошетами не посеколо. Запело-завизжало по бетону пола, засверкали искры, выбиваемые пулями, загрохотал от тяжелых ударов щит... Вреда это машине не принесет – так и не на то ставка. Контроллер, загудев сервоприводами, сделал еще один шаг, остановился, поводя стволами пулеметов

²¹ **Скутум**. Изогнутый ростовой щит римских легионеров.

²² **КПВТ**. Крупнокалиберный пулемёт Владимирова танковый. Разработан в 1944 году, принят на вооружение в 1949 году, находится в войсках до сих пор и будет еще работать и работать. Удачно сочетает в себе скорострельность станкового пулемёта с бронебойностью противотанкового ружья и предназначен для борьбы с легкобронированными целями, огневыми средствами и живой силой противника, находящейся за лёгкими укрытиями, а также в качестве зенитного пулемёта. Дульная энергия КПВ достигает 32000 Дж.

и выбирая наиболее опасную цель, – и тогда Серёга, который именно этого и ждал в страшном напряжении, мягко перевалился через край и с пятиметровой высоты упал на механизм.

Контрбллер хоть и машина, но и он свой предел грузоподъемности имеет. И центнер, прилетевший сверху, все ж нагрузил его сервоприводы. Кентавр просел, принимая дополнительную нагрузку и выравниваясь – и те доли секунды, пока он стабилизировал центр тяжести, Серёга использовал для удара. Пробив тонкое железо заглушки, клинок вошел в мозг. Сверкнуло разрядом, гулко хлопнуло, повалил дым – и механизм, содрогнувшись всем корпусом, замер. Только сервоприводы ног, опуская тело, укоризненно запищали.

Готов.

Сергей прыгнул на землю. Отсюда, снизу, ШМП-2000 казался и вовсе уж огромным. Да, собственно, так оно и было. Здоровенная хреновина на шести лапах, высотой почти три метра и весом больше двух тонн: боевое шасси, броня, средства обеспечения, оружие, боезапас... Серьезная добыча, такого завалить – почет и всеобщее уважение. И доля солидная.

Пока в пассивник²³ влез, пока шинель надел, пока осматривал и ошупывал нож, пытаюсь определить, нет ли каких повреждений – когда бил, кажись, всю свою массу на самом кончике сконцентрировал! – вокруг собрались пацаны. Шлема и наушники поснимали, стволы в пол, галдят восторженно, хлопают друг друга по плечам. Сергей это безобразие немедленно пресекает. Глянул только недоумевающе на Злодея, повел взглядом вокруг – и Пашка тут же замакнул.

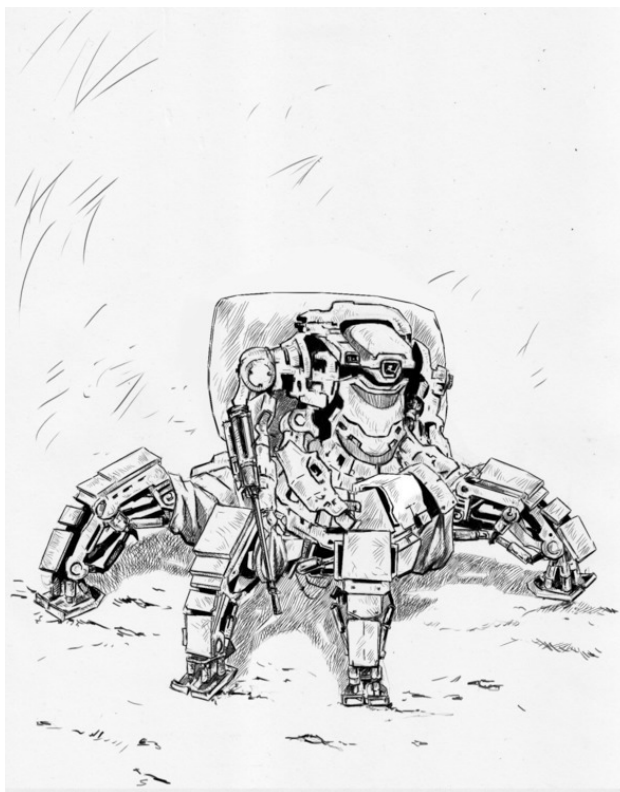
– Вашу мать! Че за херня, ребят! – зарычал он на весь зал. – Подходы кто держит?! Коридоры разобрали, быстро! Расслабляться команды не было!

Рык еще гулял под потолком, а бойцы уже бросились врассыпную, занимая позиции. Из зала четыре выхода, считая и тот, что вел к временному лагерю, и все нужно под контролем держать. Всякое бывает. Расслабишься на минуту, а в это время из соседнего узла по переходу смерть притопаёт. Ладно механизмы, у них хоть и надеты на лапы тапки резиновые, чтоб по бетону не скользить – все равно за сотню шагов слышно. А, к примеру, те же кадавры – они мягко ступают, беззвучно крадутся. Подойдет такой поближе, да и положит половину обоймы.

Пихнув клинок в ножны – целый, без повреждений, только закоптился малость, – Серёга удовлетворенно кивнул. Паша дело свое знал, как зам полностью на своем месте. Рывкнет порой – уши закладывает. И у ребят в авторитете.

– Четверо на прикрытии, остальные впрягаемся, – скомандовал он. – Шустрее, мужики. Валим отсюда. Скоро со всего горизонта бурагины сбегутся.

²³ **Пассивник.** Разговорное название пассивного экзоскелета. Данный вид экзоскелета не обеспечивает усиление мышечной силы человека, а только лишь за счет системы рычагов и шарниров принимает нагрузку (например, массу рюкзака на спине) и передает ее в пол, тем самым почти полностью разгружает человеческий скелет от излишних вертикальных осевых перегрузок. Не требует источника энергии. Компактен, легок, удобен в применении. В данный момент образец такого экзоскелета (КА-2 от ООО «Транспортные шагающие системы») проходит обкатку нашими военнослужащими в Сирии. Видео можно увидеть в группе книги.

Пока обойма суежилась вокруг контроллера, выковыривая топливный элемент и опрокидывая дохлый механизм для более удобной транспортировки, Серега, дернув Леху Маньяка, велел ему заняться миной. Пути отхода желательно минировать. Наследили порядком и лучше поставить мину тут, где с кентавром сошлись. Дальше обойма компактно и тихо пойдет, контроллерам ее учуять шансов меньше. Отсечь этот коридор; а возьмут след – мина, отработав, и погоню собьет, и след оборвет. Конечно, если это не крупный механизм. Сканеры плотности не у каждого контроллера стоят – приборы прожорливые, энергии потребляют будь здоров, и носить их могли лишь модели, имеющие топливный элемент высокой емкости: ППК всех видов либо кентавр с пауком. Остальные попросту не тянули, а значит и мину на расстоянии обнаружить не могли.

Маньяк, закопавшись в свой тактический ранец, начал выуживать оттуда составные части: корпус, детонатор, магнитный пускатель, поражающие элементы в пакетиках, толстенький брусочек ВВ²⁴... Вытащил, разложил, принялся собирать. Серега отошел шагов на двадцать – так, на всякий случай. Хотя хрен ли тут двадцать шагов... Если рванет – вся комната вдребезги, требуха по стенам. Мань сам не раз говорил, что сапер ошибается только раз. Хотя осечек быть не должно, как спец по МВД²⁵ Леха свое дело знал туго.

Ставить ММ-10 – «мина магнитная» вообще-то, но так как это собственное изделие Лехи, то и называл он ее не иначе как «Мина Маньяка» – несложно и для человека она не опасна. Реагирует на критическую металлическую массу, начиная от трехсот восьмидесяти килограмм – аккуратно вблизи нижнего предела массы КШР-400. Масса десять кило, вполне достаточно и рабочего ВВ и роликов, чтоб буратину нафаршировать. Четырехсотого-пятисотого валит гарантированно; тысячнику тоже достанется, если в правильное место влетит. Хоть и не критично, уйти он сможет, но маршрут прервать заставит. А человеку не повредит – просто не опознает его как цель. В этом и плюс ее, и минус. Если пойдет по маршруту другая обойма –

²⁴ ВВ. Взрывчатое вещество.

²⁵ МВД. Минно-взрывное дело.

все целы останутся, даже если рядом пройдут. Минус же в том, что кадавров пропускает – нет на них столько железа. Но тут уж ничего не поделаешь, на этих только растяжку ставить или противопехотную. И если уж поставил – обязательно отметить местоположение и немедленно по приходу в Комендатуру доложить. Чтоб каждая выходящая за Периметры обойма, с обновлением знакомясь, у себя на картах ее помечала. Противопехотная может и месяц простоять, и год. И однажды взять свое. В отличие от магнитной, у которой аккумулятор сдохнет через неделю.

Поставив мину – воткнув ее в расщелину в стене, чтоб контроллеру, если мимо пойдет, весь бок разворотило, и замаскировав – вернулись к обойме. Бойцы кентавра уже повалили, приспособили щиты вроде салазок, привязали вожжи. В таком положении механизм сразу половину грозного облика потерял, стал похож на жука, опрокинутого на спину, и потому беспомощного. Отдельно в большом транспортном бауле лежал топливный элемент – крупный бочонок желто-черного цвета, со шкалой индикации. Сергей дернул молнию, глянул – и чуть глаза на лоб не вылезли. Девяносто один процент! Обычно хорошо если половина ёмкости остается, а чаще всего – треть. Хотя даже и этого надолго хватает. А здесь – полон! Поднял голову от баула – и тут же наткнулся на взгляд стоящего рядом Знайки.

– Ты на меня не смотри, я сам охренел, – отвечая на его немой вопрос, кивнул Илья.

– А с боезапасом что?

– Да все то же. В бою он минимум потратил, короба полны. Это получается, прямиком к нам притопап. Я такое вообще в первый раз вижу.

Сергей недоверчиво хмыкнул. Илья отвечал в обойме за научную часть и медицину. Медицина, электроника, робототехника – это его. Как он сам шутил – ставим на ноги людей и механизмы. База знаний о контроллерах – именно углубленных, вплоть до винтика, до самой мелкой платы в мозгах – тоже его епархия. И если он говорит, что не помнит такого, значит, так оно и есть. Хотя... может, все же бывало раньше?

– Домой вернемся – нужно в подразделении узнать. Напомни, я задам вопрос.

Знайка кивнул.

– Тоже у своих поспрашиваю, может, и слышал кто. Да и без того новость разойдется...

– Новость сама по себе разойдется, – ухмыльнулся Сергей. Доволен он был до невозможности. – Двухтонный буратина, целый почти! И мало того целый... полнехонький! Когда такого последний раз валили? Года два назад?

Илья снова кивнул.

– Как-то так. Перед самым прошлым накатом. Полнехонький-то да... а мозгов снова не достали, – он вздохнул, поскреб ирокез на макушке. – Надо что-то еще думать. С этим своим методом ты меня без ЗИПа²⁶ оставляешь. Выгорают же мозги! А мне и материнка нужна, и оперативка, и блоки наведения, и навигации, и камеры... Потом сунетесь ко мне чиниться – а нету. Ноль да хрен повдоль! Для УПЗО вообще запчастей почти не осталось.

– Ладно, ладно, подумаем, – проворчал Сергей. Здесь спорить-то не о чем, Знайка прав: мозги контроллера востребованы почти так же, как и боезапас, большинство электроники сосредоточено именно там. Но разрушение целостности черепа выжигало начинку полностью – а это значит, что и УПЗО, и радиостанции, и прочая электроника бойцов оставались без запчастей. – Зато стрелковки целый воз!

Илья пожал плечами.

– Ну – ты командир, тебе виднее. А я за свое хозяйство сказал.

Пока они разговаривали, ребята уже закрепили постромки и начали вытягивать громадину из зала. Шло плоховато, хотя впряглось аж восемь человек вместе с Дровосеком. Дружно хакали, рвали – и продергивали на целых полметра. Снова рывок – и еще столько же. Оно

²⁶ ЗИП. Запасные инструменты и приспособления.

и понятно – две тонны волоком попробуй утяни. А больше людей нет, остальные охрану обеспечивают, держат периметр. Впрочем, тянуть было недалеко, в соседний зал, к временному лагерю, где стоял «верблюд». Он сопровождал обойму в каждом выходе: завалить добычу – это полдела, нужно ее в Дом доставить. Что без верблюда превращалось в пустую затею. Одно дело, если тащишь по горизонту – здесь перепады высот хоть и бывают, но редко, пол все больше ровный, тянуть легко. Если транспортный пандус – длинный наклонный коридор с горизонта на горизонт, – уже труднее. А уж по лестнице и вовсе дохлый номер. Лестницы между горизонтами – восемьдесят метров высотой. И пытаться не стоит. Верблюд – широкая приземистая платформа-тягач на гусеничном ходу – в этих случаях просто незаменим. У третьей обоймы – ГП-3000, тянет до трех тонн. Но бывали и такие, на которых и ППКО без проблем увезти, до двадцати тонн грузоподъемностью. А кроме того – стояла на верблюде 2А72²⁷, основа обороноспособности обоймы. Ибо только эта пушка гарантированно превосходила броню ШМП-2000 в огневом контакте.

Дотащив до горловины перехода, остановились передохнуть. Впереди узкая кишка коридора, тянуть по ней контроллера куда сложнее – он и по стенам лапами полосит, и за неровности бетона цепляется... Но дотянуть хотя бы до середины – и достаточно, останется верблюда с другой стороны подогнать и дернуть. Сам тягач по коридору не пройдет, широковат габаритами, такое частенько бывало – но на корме трос имеется.

Пока ребята отдыхали, Серёга, забрав Знайку и Одноглазого и оставив на командовании Злодея, наведалься в соседний зал. Здесь, в лагере, все было как и оставляли. Платформа, на ней – снаряга и боезапас, провизия, еда, топливные элементы. Все, без чего в дальнем выходе не обойтись.

Макс сразу же залез в кабину. Подал питание на электромоторы, шелестя резиновыми гусеницами по бетону сдал задницей к проходу. Подогнал почти вплотную, выбрался наружу, снял крюк с зацепа, включил лебедку, разматывая трос. Отмотав почти до конца, подхватил крюк и снова скрылся во мраке коридора. Сергей, проводив его взглядом, стащил с платформы свой баул, куда перед засадой сгрузил всю снарягу, дернул молнию, покопался, нашел плоскую металлическую коробочку коммуникатора. Включил, вывел карту навигационной программы, принялся гонять по экрану, обдумывая маршрут.

Ушли они далеко, на триста сорок шестой. До дома четыре горизонта и шестьдесят километров дороги. При максимальной скорости платформы в пятьдесят километров вроде бы всего полтора часа пути... На самом же деле – двое суток долой, а то и ближе к трем. Это, считай, все время в боевом режиме, с передовым и замыкающим дозорами, с остановками и проверками. В час километра три ползешь. В Джунглях иначе не получается, ни в чем нельзя быть уверенным: вчерашний маршрут может оказаться закрыт – контроллерами ли или любой другой, подстерегающей во мраке опасностью. И тогда или жди – или ищи другой путь, обходной. А крюк может и сутки занять, а может и неделю. А может, и вообще не вернешься. Сплошь и рядом такое бывает, очень даже просто.

Навигатор любой обоймы, планируя маршрут, всегда старался держаться транзитных галерей. Не в самой галерее идти – так рядом, параллельными коридорами. Там, где они есть, конечно. Только они обещали хоть какую-то безопасность. А впрочем... может, так лишь казалось? Пропадали и там тоже люди. Но лабиринты второстепенных коридоров, чернильно-черных переходов, которыми была изрезана паутина, не давали даже иллюзии безопасности. Сошел с дороги, заплутал – только тебя и видели. Тут уж пятьдесят на пятьдесят. Может, вылезешь, может, нет.

²⁷ **2А72.** Советская автоматическая пушка. Предназначена для поражения живой силы, легкобронированной техники и воздушных низколетящих целей. Стрельба возможна одиночным и автоматическим огнём, большим и малым темпом. Боепитание – селективное из двух патронных ящиков, снаряжаемых патронами с бронебойными и осколочно-фугасными снарядами. Дульная энергия боеприпаса достигает 150000—180000 Дж.

Сергей, увеличив масштаб, почесывая указательным пальцем под левым ухом, принялся размышлять. Они сошли с западной транзитной шестнадцать километров назад – именно эта цифра выпадала в менюшке, стоило лишь тапнуть по экрану пальцем. Впрочем, это себя всегда оправдывало – не углубившись в Джунгли на приличное расстояние, трудновато найти действительно стоящую добычу. Навигатор показывал их путь тонкой белой паутинкой, зависшей в бесконечной черноте экрана, уводящей на юг от толстой черты транзитной галереи. Со всех сторон – тьма неизвестности. Есть ли путь короче? Возможно. Стоит лишь свернуть за угол, хотя бы в любой коридор в соседнем зале – не выйдешь ли в переход, который выведет на уровень ниже?... Может быть. Но что будет платой за более короткий путь? Колодец, открывшийся в бездну? Контроллер, ждущий во тьме? Ящик Шредингера, откуда нет выхода? Жуткое в своей мерзости существо из Стока? А может быть, Конструктор или Крысолов, в которых не очень-то верили, но о которых до сих пор поговаривал народ?... Нет уж. Как пришли – так и возвращаться будем.

– О чем задумался? – обрывая его мысли, к экрану сунулся Знайка. Серега вздрогнул – отвлёкся на своё, не слышал, как научник подошел. – Прикинул уже маршрут?

– Тем же путем пойдем, – решил Сергей. – Уж до западной транзитной точно.

– Кто-то говорил, что на десятом километре есть коридор к северу, по нему можно очень сильно путь сократить, – Илья ткнул пальцем в западную транзитную на экране. – Где-то там наклонная штольня на сорок восьмой, двадцать километров прямой дороги. И выходит близко к лестнице на наш. Спустимся – останется всего ничего. Зато новый путь разведем...

– «Кто-то говорил...»? – усмехнулся Серега. – Так отмечать нужно, а не жадничать...

Знайка, поправив сползшие на переносицу очки, пожал плечами:

– Ну... тут сам знаешь, как бывает. Может, и не хотели раскрывать, чтоб быстрее в дебри выходить, да проболтались...

– Ладно. Там решим, – буркнул Сергей. Да, бывало и такое. Некоторые командиры скрывали разведанные тропки, не сливая их в общую базу. Тот же Бетон, к примеру, которому командование не раз высказывало претензии. Нашел – сам же и пользуется... Это сильно тормозило освоение Джунглей – но ничего не поделаешь: между собой в подразделении всегда существовала конкуренция. Кто дальше уйдет да кто больше добудет...

А может, и впрямь попробовать?... Заманчиво! Илья, срань такая, снова уколол его в уязвимое место – знал, что у друга эта черта присутствует, и сам был такой же. Научник, что с него взять. Любопытство, тяга к изучению окружающего мира у него в крови. Хотя... тут еще поспорить можно, у кого тяга сильнее. Однако Знайка всего лишь научник обоймы, а Сергей – командир. Люди на нем! И он же – Навигатор. А у любого Навигатора кровью вбита в мозг аксиома: возвращаться только знакомыми тропами. Закон охоты. Однако где-то глубоко, загнанный воспитанием, ответственностью и дисциплиной, сидел и в нем неумный зуд исследователя. Пробиваясь иногда на поверхность, он мурашками топорщил волоски на коже, холодком отдавал в загривке, пробирая вдоль позвоночника до самых пяток. И он задавал вопросы. А что там, за углом?... что в соседней галерее?... что на десять, пятьдесят, сто горизонтов выше?... Неужели все та же чернильная тьма, все те же Джунгли?... И до жути хотелось заглянуть за угол, подняться еще на один горизонт, всмотреться во тьму... увидеть.

– Наставник что? Не советовался с ним?

– Нет. И не думаю, что твою идею одобрит, – принял наконец решение Сотников. – С добычей возвращаемся. Рисковать не будем.

Знайка пожал плечами, как бы говоря: одобрит, не одобрит – решение командиру принимать. Отошел.

Пока Серёга занимался маршрутом, ребята втащили добычу в коридор. Дотянув железную тушу до половины, подцепили тросом, дернули – и, скрежеща стальными лапами по сте-

нам и оставляя в бетоне глубокие борозды, выволокли в комнату. Теперь предстояла самая приятная часть охоты – дележ и распределение.

Дележ всегда осуществлялся предельно точно – когда-то давно Советом была разработана целая инструкция и с тех пор ее неукоснительно соблюдали. Распределение велось дифференцировано. К примеру, патроны к стрелковке. Если это ручное оружие – до восьмидесяти процентов добычи уходило обойме. Калибр повыше, тот же двенадцать и семь²⁸ – уже только пятьдесят. Четырнадцатый – лишь двадцать процентов. А уж тридцатый, пятьдесят седьмой или тот же РПГ – сдавался полностью. Чем крупнее калибр, тем больше полагалось сдавать в Арсенал для систем вооружения Периметров. Впрочем, по РПГ все же разрешались послабления – если есть необходимость, можно забирать взаимозачетом за мелкий калибр. Гранатомет в Джунглях ценился на вес золота, и порой один выстрел мог спасти жизнь всей обойме.

То же и с остальным. Зачем бойцу боевое шасси контроллера? Незачем. Весь скелет сдавался в Мастерские. А туша кадавра? Тоже без надобности. В закрома ее, часть на Фермы, часть в Госпиталь. Электроника – пятьдесят на пятьдесят, однако при невозможности четкого деления большая часть на склады. ИРП²⁹, медицина, фильтры к респираторам и противогазам, броня, топливные элементы, комбезы и обувь с кадавров – да все! Деление трофеев четко регламентировалось. Это был Закон, нарушить который не мыслила ни одна обойма. Закон охоты. И знал его каждый боец.

Некоторые обоймы – например Бетона или братьев Гвоздиличей – тащили тушу до Дома и там уже в спокойной обстановке пилили. Так было с одной стороны легче – мощности Мастерской позволяли ошкурить контроллера за считанные минуты – но с другой стороны не совсем удобно. Серёга предпочитал поступать по-своему: сразу разделить положенное меж бойцами, пополнив и снарягу, и боезапас. Получив свою долю, можешь сразу оценить, сколько и чего у тебя прибавилось, сколько в этом выходе использовать, а сколько отложить про запас. Планирование собственных ресурсов – дело чрезвычайно важное. А в условиях жесточайшей экономии, в которой существовала община, – тем более. К тому же иногда бывало так, что во время возвращения обойма могла потерять свой груз, нарвавшись на противника не по зубам. И тогда прощай, трофеи. Глупо же.

В этот раз получилось и впрямь богато – такая добыча случалась хорошо если раз в квартал. Почти тысяча патронов четырнадцатого в лентах; без малого восемь тысяч семь-шестьдесят два; десяток М433³⁰ от милкора³¹; бронеовые плиты – и не мелочь, которую собирали с четырехсотых-пятисотых, а серьезные, от тридцати до пятидесяти миллиметров толщиной; двадцать штук РДГ³²; топливный элемент повышенной емкости; приемопередатчик; лазерный сканер; доплеровский радар³³; сканер плотности; медицинский комплекс с кучей самых разнообразных препаратов; из светотехники – три подствольных фонаря и мощный головной прожектор. Полный фарш, как говорил Самоделкин, старший инженер-оружейник Дома. И это

²⁸ 12,7×108мм. Крупнокалиберный патрон для пулеметов КОРД, «Утес», ДШК и т. д.

²⁹ ИРП. Индивидуальный рацион питания.

³⁰ М433 НЕДР. Выстрел для подствольного гранатомета М203, состоящего на вооружении армий стран НАТО. Кумулятивно-осколочный. При стрельбе с дистанции 150 м и менее способен пробить стальную броню толщиной 50 мм. При разрыве гранаты убийный радиус осколочного поражения 5 м.

³¹ М32 Milkor. Ручной многозарядный автоматический гранатомет. Стоит на вооружении стран НАТО. Имеет широкую номенклатуру выстрелов: фугасные, кумулятивные, дробовые, дымовые и т. д.

³² РДГ-2. Советская/российская ручная дымовая граната, предназначенная в качестве индивидуального средства для создания зон задымления с целью маскировки отдельных огневых точек, мелких подразделений, ослепления противника, а также для имитации пожара в боевой технике.

³³ Допплеровский радар. Радарное навигационное устройство, основанное на доплеровском эффекте – изменении частоты (или длины волны) из-за движения объекта по отношению к наблюдателю. Применительно к военной технике – данный принцип, например, используется в комплексе активной защиты (КАЗ) «Афганит», которая может обнаруживать атакующие бронетехнику снаряды РПГ/ПТРК а также БОПС (бронебойных оперенных подкалиберных снарядов) и сбивать их пулеметным огнем (пулемет роботизирован и завязан на КАЗ).

не считая боевого шасси, металл которого уходил на разные нужды общины, не считая сервоприводов и механизмов, не считая проводки, не считая двух баллистических щитов толщиной в семьдесят миллиметров. Правда, человеку их поднять и тем более таскать невозможно – разве что Дровосеку – ну так они в обоях почти не используются, на Периметры идут.

– Неплохо!.. – подытожил Хенкель, застегивая рюкзак. – Я бы даже сказал – изумительно! Теперь бы пяток организмов завалить. У меня ботинки скоро каши запросят. Да и рационы к концу...

Сотников тоже был доволен. По стрелковке он ничего не поимел, калибр не его – но зато забрал пять выстрелов для подствольника. Тоже редкий боезапас – а необходим как воздух! И по броне хорошо сложилось: отхватил две нагрудные бронепанели. Сбагрить их Самоделкину, он их на пластины от КШР-1000 сменяет, новую броню запилит. Титановую! Серега давненько уже новую броньку планировал, два года по всей паутине части собирал. Словно пазл складывал. Теперь только две лицевые пластины четырехсотого для наплечников – и все, можно Михаилу Эдуардовичу нести.

– Да ладно тебе прибежаться! – заржал от своего баула Злодей. – Леха, не гони. У тебя человеко-часов сколько в закромах? Сходил бы за ботинками к интенданту!

– Закрома – они на то и закрома, – философски ответил Хенкель, покачивая головой. – Я свои часики найду куда потратить... А кадавра отстрелять – это надо в ближайшие планы наметить. Так что ли, командир?..

– Госпиталь на днях разнарядку прислал, – поддержал его Знайка. – Протезы просят. Руки-ноги в различном исполнении, печень, почки, сердце. По боезапасу у нас сейчас ровно, а вот с медициной и рационами скоро будет напряг. Добудем организмов – и рационов нормально поимеем, и с Госпиталя медициной дополнительно возьмем.

Серёга, подумав немного, кивнул. Почему нет? С кадавров боезапаса на порядок меньше – но ведь помимо стрелковки есть и другие необходимые вещи. Комбезы и обувь, пассивники, снаряга, рационы питания, дозиметры, фильтры... да те же протезы, которыми у многих киборгов заменены конечности или потроха. И даже оружие у них зачастую куда интереснее, чем у механизмов. К примеру, свой СКАР³⁴ Серега именно с кадавра когда-то и снял. Значит, на юг идти, нелюди в тех краях куда чаще встречаются.

– Ладно, решили, – подытожил он. – Возвращаемся домой, сутки на отдых – и за мясом.

– Все, братва, кончай базар, – ставя точку в дележе, тотчас же подключился Злодей, четко уловив настрой командира. – Отдыхаем, переснаряжаемся, выходим. Часовая готовность!

Вышли через полтора часа – Железный Дровосек задержал. Пашка мужичина хоть и здоровый – а после той гранаты еще и страшен, как Квазимода, – но внешность, говорят, обманчива. Внутри – добрый, непосредственный, словно ребенок. Все как и должно быть согласно поговорке: сильный человек – добрый человек. А еще – недотепистый какой-то, несобранный... Перед самым выходом приспичило ему. Пока ходили с Енотом в соседний зал – один гадит, другой караулит; пока он жопную броню экзы на место водворял; пока вторую ленту снарядил – продрых весь отдых, даже не почесался – так дополнительные полчаса и ушли. Правда, Серёга обойму не торопил, не горит, можно немного подождать – но Злодей его чуть вместе с пулеметом не сожрал. Досталось на орехи.

Двигались в походном построении. Впереди, в сотне шагов, – передовой дозор. Работала тройка Ставра: он сам, Прапор и Енот, ПКМ и два триста восьмых калаша³⁵. УПЗО не исполь-

³⁴ **FN SCAR**. Модульный стрелковый комплекс, разработанный для специальных подразделений армии США в 2004 году. Создателем винтовки является американское отделение знаменитой бельгийской оружейной компании FN Herstal. Очень качественное, надежное и дорогое оружие. Имеет сменные стволы для конвертации в калибры 7,62, 5,56 и даже российский 7,62x39.

³⁵ **АК-308**. Новая разработка концерна «Калашников» под винтовочно-пулеметный патрон 7,62x51 НАТО. Показан впервые на форуме «Армия-2018».

зовали – ресурс всегда старались беречь, да и глаза не казенные, им тоже отдых нужен; шли с прожектором, бившим метров на триста пронзительным бело-голубым светом, освещавшим коридор, казалось, до каждой трещинки в стене. Дальше – ядро: командир, зам, наука, Наставник, тройка Немого. Ядро использовало один единственный фонарь на минимальной мощности, да и тот был уперт в потолок и давал рассеянный свет, накрывающий людей призрачной желтоватой дымкой – не светить же в спину передового дозора, обрисовывая силуэты и делая бойцов легкой мишенью. Света хватало лишь на то, чтоб худо-бедно различать очертания предметов или свои руки, но большего и не требовалось. Куда важнее безопасность. И замыкала построение платформа, на которой за щитком автоматической пушки восседал Дровосек, прикрывая заднюю полусферу, и тройка Маньяка, готовая работать с флангами. Время от времени тройки менялись местами – ротация была необходима, чтоб не слишком утомлять людей. В передовом дозоре самая адова работа – смотреть во тьму, слушать тишину галереи, пытаясь вычислить притаившуюся впереди опасность. Поработаешь полтора-два часа – и на отдых. Иначе чувство опасности притупляется, человек, убаюканный тишиной и спокойствием, бдительность теряет – и вот они, контроллеры, тут как тут.

– ...так он к нам и хочет, – шагая рядом, вполголоса рассказывал Злодей. Разговор шел про новичка в обойму. Перед самым выходом запросился в группу парнишка, но Серега пообщаться с ним не успел, откомандировал Пашку. Тот поговорил – и вроде бы остался доволен. И теперь, как время нашлось, рассказывал командиру о своих впечатлениях. – Я говорю: а почему именно к нам? В ПСО семь обойм, а ты третью выбрал. Знаешь, какие у Карбофоса правила? Знаю, говорит. Дисциплина, единоначалие, приказы не обсуждаются, а выполняются. Ну и?.. Все равно? Да, говорит, все равно. Вы дальше всех ходите и почти всегда в полном составе возвращаетесь. Добыча у вас хорошая. Командный дух сильный. Я бы, говорит, к вам хотел...

– Так и сказал про командный дух? – усмехнулся Петр Иванович. Он шел слева и слушал очень внимательно. И про командный дух, которому уделял едва ли не первостепенное место, ставя по своей внутренней шкале даже выше, чем индивидуальную подготовку бойца, ему очень понравилось. Да и как могло не понравиться, если большая часть заслуг в этом – его, Наставника?..

– Так и сказал, – кивнул Пашка.

– Что умеет? – спросил Серёга.

– Тяжелый пулемет.

– Активник? – заинтересовался Сотников.

– Да, чип уже стоит.

– Хм... неплохо...

– На подхвате будет, если что.

– Да это понятно. Но опять ведь им заниматься...

– Примем – заточим под себя, – сказал Петр Иванович. – Ты подумай, Сергей. Смену нужно заранее растить. Тем более парень уже с чипом. Потом будешь локти кусать...

Серёга и думал. В обойме пятнадцать человек, считая Наставника. Почти предел, по его меркам. Большую обойму, как те же Гвоздиличи, он собирать не хотел. Больше людей – больше хлопот с личным составом, сложнее управление в бою. Большая группа неповоротлива, инертна. Даже элементарно – от толпы шуму больше. А у него все на своем месте, все при деле. Тем более парнишка новичок и значит за Внешним Периметром бывал не дальше дневного перехода. Возись с ним, воспитывай, обучай, показывай... С другой стороны – нужно и о будущем думать. Это сейчас все хорошо складывается, когда в группе полный комплект. Но удача переменчива: сегодня ты добычу богатую домой несешь, а завтра тебя самого везут. И если потеряли, к примеру, того же Дровосека или Одноглазого – не дай бог, конечно! – где замену искать? Ждать, пока молодой в группу войдет, заматереет? Или все же загодя человека найти?

Тем более парень – активник, уже чип в башке, посредством которого человек с активной экзой контактит. Их ведь редкий организм принимает, и потому дефицит активников страшный. А в третьей обойме сразу два будет! Нет, все же прав Наставник, как всегда прав. Нужно брать.

- Ладно. Придем – захвачу Железного, побеседуем. Будем смотреть по знаниям.
- Я посмотрел, – усмехнулся Злодей. – Отличник боевой и политической...
- Тогда понятно, почему он тебе понравился, – улыбнулся Петр Иванович.
- Как у него с экзой?
- Порядок, – кивнул Паша. – В наличии. Настроена, откалибрована.
- Ладно. Поглядим, – снова повторил Серёга, закрывая тему.

Сменились раз. Сменились второй и третий. Полных шесть часов дороги. Тяжеловато. Все время настороже, все время вглядываешься вперед, вслушиваешься в тишину галереи, готовый среагировать по любой из наработанных схем, высадить длинную очередь в опасном направлении, упасть, укрыться или прикрыть огнем товарища. В коридорах – все внимание вперед и назад, с флангов здесь опасности нет, стены; а вот в залах – там уже все четыре стороны смотри, внимание на темные провалы. А их может быть и два, и три, и десять. Если же узел попадется – скопление комнат в два-три этажа – вообще где угодно может подстергать. И каждый зал, каждую комнату на пути нужно осмотреть и обшарить. Есть ведь такие, которые шаром покати – а есть и те, где агрегатов понаставлено будь здоров либо кучи всякой дряни навалены. И в этих-то завалах тоже смерть таилась, ждала своего часа. Даже если не контроллер – то же зверье: крысы, ящеры, змеюки здоровенные... Одно слово – Джунгли.

И тем не менее, обратная дорога проходила на удивление спокойно. Тишина вокруг, ни единого опасного звука. Посвистывает воздух в коробах вентиляции под потолком; глухо шлепают по полу крупные капли воды, пробившиеся кое-где меж стыков плит; пощелкивает возле ледяных лужиц дозиметр, чувствуя тяжелую воду³⁶; шуршит временами за толщей стен неведомое; да где-то внизу, глубоко-глубоко, казалось, за тысячу горизонтов, ворочалось что-то невообразимо огромное, напоминая о себе отдаленным гулом, эхом и редкими толчками, расходящимися по паутине. Словом – ничего настораживающего, лишь те звуки, что сизмальства знакомы и привычны каждому.

Сергей уже два раза доставал коммуникатор и сверялся с пройденной дорогой. В среднем получалось два-три километра в час – скорость более чем удовлетворительная. Пятнадцать километров минус. Еще немного, и будет выход в западную транзитную, там можно найти подходящее место и встать на привал. День хоть и удачный, но и сил забрал немало. Отдохнуть ночь, и с новыми силами дальше. И если так пойдет – через трое суток дома будут.

Ночь – это, конечно, понятие чисто субъективное. Здесь, во тьме паутины, не существовало дня и ночи. Хотя люди знали, что раньше в мире был день и была ночь, был свет и тьма. И так было всегда. Но что-то случилось потом, и время разделилось на До и После. Свет ушел, оставив только тьму рядом с человеком. Непроглядную тьму, которую мог разогнать лишь свет фонаря, прозреть ПНВ или тепловизор. Время теперь измерялось по часам – наручным ли, механическим или электронным. С шести до двадцати двух – день, все остальное – ночь. Так повелось с самого Грохота. А что было до него – в точности никто и не знал. Даже древний старик Никита, хранитель Библиотеки, о котором шептались, что он невероятно стар да и вообще, кажется, родился уже стариком, – и тот путался в обрывках воспоминаний. Молодежь же и подавно считала это сказками.

³⁶ **Тяжелая вода.** Не углубляясь в дебри – это вода, содержащая в своем составе дейтерий. Если уж строго придерживаться науки, то тяжелая вода не радиоактивна. Радиоактивна СВЕРХтяжелая вода, в которой содержится тритий. Тяжелая вода замерзает при температуре +4 градуса; сверхтяжелая – при температуре +9 градусов, и период полураспада её – 12 лет. Но для обывателя в разговорном обиходе что СВЕРХтяжелая, что тяжелая воспринимается одинаково – как радиоактивная. Потому и в книге мы не будем слишком уж умничать.

– Обойма – стоп! Движение прямо!

Сергей едва лишь опознал голос Ставра – а тело уже отреагировало вбитыми в подкорку рефлексам. Упав, он перекатился влево, укрываясь за торчащим в стене бетонным блоком и выставив ствол в сторону опасности. И не он один. В мгновение ока коридор оказался пуст, лишь верблюд посередине. Впрочем, на платформе тоже не зевали: Одноглазый, мгновенно погасив фонарь, лежал на полу кабины в обнимку с винтовкой; Дровосек, развернув пушку по ходу движения, сосредоточенно смотрел в узкую прорезь щита.

– Ставр – Карбофосу. Расстояние? Что видно? – выходя на канал, запросил Сотников передовой дозор.

– Сто пятьдесят метров, – отозвался шепотом комод³⁷. – Теплокровное. Там, кажись, коридор в зал выходит, в зале и шевелилось.

Теплокровное – это еще ничего не значит. Может, животное, а может, и кадавр. А может, на своих же наткнулись, нередко такое бывало. Встретятся две обоймы в паутине – и ну в горячке друг друга колбасить, на общем канале не запросив. После уж разберутся, кто и что – да поздно, двух-трех человек нет.

Нажав на гарнитуре кнопку второго канала, Серёга запросил «свой-чужой» – однако с той стороны молчали. Радиостанция била по прямой до километра, не услышать там не могли – командир и зам любой обоймы обязаны всегда находиться на общей частоте ПСО. Получалось, своих там нет, иначе должны ответить. Деваться некуда, нужно разведку засылать. Не просто так, конечно, с прикрытием – но все равно риск. А Серёга, как всякий хороший командир, рисковать своими людьми не любил.

– Карбофос – Дровосеку, – обозначился он. – Паша, врубай тепляк и следи вглубь. Если дернется там – сразу долби.

– Принял.

– Одноглазый – то же самое. ВССК работай.

– Делаю, – отозвался Макс. Завозился у себя – и из-за переднего броневое щита кабины вылез толстый глушитель «Выхлопа»³⁸. Зашарил по коридору, затих, встав накрытие направления.

– Молчим, обстановку держим! Тыл не забываем, – напомнил Сергей. Не лишне будет, все ж люди, не машины, иногда и упустят-забудут, а дело командира – напомнить... – Ставр, пускай разведку.

– Принял. Прапор работает.

³⁷ **Комод**. Командир отделения. Армейские жаргонизмы.

³⁸ **ВССК «Выхлоп»**. Винтовка Снайперская Специальная Крупнокалиберная. Российская бесшумная крупнокалиберная снайперская винтовка (точнее – снайперский комплекс), выполненная по компоновке булл-пап. Выпущена в небольшом количестве и состоит на вооружении подразделений ЦСН ФСБ России. Основным назначением является малозумное и беспламенное поражение защищенных целей (автомобили, прочая небронированная техника, живая сила в тяжелых бронежилетах или укрывшаяся в транспортных средствах и т.п.) на дальностях до 600 метров. При этом за счет использования пули с звуковой начальной скоростью (порядка 290—295 м/с) в сочетании с эффективным глушителем обеспечивается значительное снижение уровня звука выстрела.

Сам Серёга тоже не бездельничал. Опустив на глаза УПЗО, погонял между режимами, остановился на цветном, хотя предпочитал обычно белый горячий³⁹, чтоб глаза не резало, – и сразу же увидел полную картину. Красно-желто-синие плюхи – бойцы, залегли по обе стороны коридора, кто за чем укрылся; сиреневая с чернотой громадина – транспортная платформа; и черно-сиреневые же стены коридора, уходящие вдаль, во мрак. Отсюда, со своего места, он ясно видел Прапора, ползущего вдоль правой стены – в тепловизоре, вытарчиваясь из-под щита, мелькали ноги и руки, подсвеченные желто-красным. Евгений перемещался медленно, осторожно, пытаясь, будто черепаха, максимально съежиться под щитом – однако получалось плоховато, зазор между стальной плоскостью и полом был сантиметров пятьдесят: на каждом бойце снаряги будь здоров, от того и профиль увеличен. Но деваться некуда, неизбежное зло. Конечно, все от человека зависит, но обычно без брони в Джунгли соваться форменное самоубийство; а многие еще и баллистические щиты прихватывали, когда комплектация позволяла. И если спереди сейчас зарядит очередь – очень даже запросто под щит прилетит. Разве что Евгений вовремяотреагирует, сдвинет плоскость вперед, укроется.

Только подумал – в конце галереи мазнуло желтым. Раз, другой... в коридор вдруг вывалилась радужная плоская блямба – и косолапо рванула вперед. Атакует! Но и Одноглазый не дремал: из кабины тут же лязгнула винтовка – и зверюгу швырнуло назад. Готова тушка, можно грузить.

– Ящер, – раздался в наушниках хриплый голос Прапора. – Возвращаюсь?

– Отставить, – отозвался Сергей. – Дуй до зала, проверь. Ждем результата.

³⁹ **Белый горячий.** Хороший тепловизор обычно имеет несколько режимов: черно-белый, инверсию, цветной. В цветном режиме объект расцвечен от синего до ярко-желтого и белого цветов, где чем ярче – тем выше температура. Но зачастую удобнее и комфортнее/безопаснее для глаз именно режим черно-белый. Теплые объекты в режиме «горячий белый» отображаются более светлыми оттенками, однако иногда удобно использовать режим «горячий черный», например, при наблюдении за снежной равниной: снег будет выглядеть натурально, белым, кустарники – серо-черным, а теплокровные животные и люди – черным цветом с различными оттенками серого и белого.

– Принял, работаю.

Чтобы добраться и осмотреться, Евгению потребовалось минут десять. Зал оказался чист, и обойма, немедленно стартовав и пробежав оставшиеся две сотни шагов, втянулась в просторное помещение. Бойцы сразу же зашустрили – часть разобрала проемы, осветив подходы фонарями, другая часть принялась грузить ящера – здоровенную животину, центнер вполне съедобного и очень даже питательного мяса. Разделав наскоро, засунули в ларь морозильника на платформе – после того случая, когда на охоте набили четырех таких, но не донесли до дома и выкинули тухлое мясо на полпути. Одноглазый по приказу командира озабочился найти морозильник и прикрутить к верблюду. Удобно! Опять же – и на выход можно припасов взять, сготовить на привале. Не все ж всухомятку рационы жевать, иногда и жидкого похлебаť охота.

Серёга, вновь развернув карту в навигаторе, определился по месту – нитка коридора почти пройдена, до западной транзитной сотня метров. Но и время уже ближе к вечеру, пора с ночлегом определяться. Нужна была удобная комната, а лучше – цепь таковых, чтоб возможность отхода иметь. Пока гонял карту туда-сюда, пытаясь найти что-то похожее в пределах пары часов пути, подошел Злодей.

– Когда планируешь на ночь встать?

Словно подслушал мысли.

– В галерею выйдем, там найдем место, – ответил Серега.

– Люди устали, – покачал головой Пашка. – Вылезем сейчас в транзитную и там еще будем пилить. А времени семь часов. До ночи можем не управиться.

– Что предлагаешь?

– Маньяк говорит – восточный коридор очень короткий, метров семьдесят. Фонарь его весь пробивает. Я отправил его с ребятами поглядеть, туда-обратно. Там зал с двумя выходами. Один сюда ведет, а второй в сторону галереи. Они прошли по нему шагов пятьдесят – вдали тубинг транзитной виден. Сам зал большой, чистый, вентиляция есть. Все как ты любишь.

– Не как люблю – а как должно быть, – поправил Сергей. Паша на такие моменты не очень-то внимания обращал, хотя за это в Академии особенно драли – но у Сереги был пунктик. Впрочем, когда-нибудь сам поймет, лишь бы не на себе. – Все, как и должно быть для здоровья людей. И твоего, кстати, тоже.

Злодей кивнул.

– Ладно, ладно, понимаю... На то у нас противогазы есть. Так что? Встаем лагерем?

– Пожалуй, – подумав немного, кивнул Серега. Паша прав. Неизвестно, когда еще место хорошее найдут. И найдут ли. Как бы не пришлось посреди галереи на ночь вставать. А это, пожалуй, самое отвратительное, что можно себе представить, хуже только тупиковый зал для ночлега выбрать. – Командуй. Дозоры здесь и в транзитной, по одному человеку достаточно. Смена через три часа. Платформу посреди зала, пушку в готовности. Железный пусть там же под ней дрыхнет. Короче – как обычно.

– Я понял, командир, сделаю.

Сергей кивнул – Пашке можно было довериться полностью.

Пока Одноглазый загонял верблюда да пока бойцы размещались, распаковывая нехитрый свой скарб, Сергей самолично осмотрел помещение, проверив концентрацию пыли в воздухе. Результатом остался вполне доволен – ниже ПДК⁴⁰ раз в десять. Не идеал, конечно, но сойдет. Чай не Дом, вылизанный до блеска. В иных залах и коридорах паутины, особенно тех, что ближе к Штольням, концентрация пыли – а значит, и диоксида кремния, особо опасного для легких, – достигала, бывало, и пять, и десять ПДК. Она взвесью стояла в воздухе, мешая нор-

⁴⁰ **ПДК.** Предельно допустимая концентрация. Санитарно-гигиенический норматив. Под ПДК понимается такая максимальная концентрация химических элементов и их соединений в окружающей среде, которая при повседневном влиянии в течение длительного времени на организм человека, не вызывает патологических изменений или заболеваний, устанавливаемых современными методами исследований в любые сроки жизни настоящего и последующего поколений.

мально дышать, затрудняя обзор и передвижение, проникая в мельчайшие зазоры механизмов и оружия, что грозило потерей надежности и поломками. Таких мест люди старались избегать. Для помещений же, где пыли не так много, для определения концентрации необходим был специальный прибор – ПКА⁴¹. В третьей обложке он хранился в кабине верблюда, в сейфе с толстыми бронированными стенками. Во избежание. Прибор невероятно ценен и повредить его случайной пулей... да ну нахрен. Вещь *заводская*, такой потом и не найдешь. Они попадались только в аварийных сейфах, но отыскать сейф – это как в лотерею выиграть. ПКА сопровождал обложку в каждом выходе, программировался на забор проб воздуха через регулярные промежутки времени, и если пыль достигала предельной концентрации – оповещал резким противным звонком. Причем Знайка довел его до ума таким образом, чтоб звонок дублировался по радиосвязи. И каждый боец давно уже заимел привычку при звонке в наушниках немедленно натягивать противогаз или респиратор.

Мать, работавшая в Госпитале, раз и навсегда внушила мелкому Сережке страх перед этой болезнью – силикозом. Неисцелима и необратима. И это даже не радиация, которая выводится со временем – частицы кремния невероятно мелкие, микронные, всасываются мгновенно и единожды попав в легкие, так навсегда и останутся там. Проникнут в бронхиолы и альвеолы, легочные пузырьки, постепенно закупоривая их, и будут копиться, пока не забьют легкое. И если постоянно бродить в местах, где ПДК значительно превышает норму, и при этом не пользоваться средствами защиты, то уже через пять-шесть месяцев человек получал острую форму. Заработал раз – считай инвалид. Либо если долго и помалу хватать – тогда хроническая. А дальше и бронхит, и астма, и туберкулез присоединятся. Сдохнешь медленно и мучительно, задыхаясь и выплевывая с кашлем куски легочной ткани. Видел Серега тех, кто силикозом болеет, видел и тех, кому легкое отняли. И само такое легкое тоже не раз видал – валялось требухой в лотке, сочащееся слизью, сиреневое с красными прожилками и черными узлами соединительной ткани. Мерзкое, надо сказать, зрелище. Как будто инородный организм из человека вырезали.

Дежурной сменой по вечернему лагерю сегодня была группа Немого. Сам Виталька, Олег Тринадцатый и Антоха Шпион. За повара, как всегда, Наставник – учет провианта на выходе дело важное, и заниматься им должен постоянно один и тот же человек. Обязанности дежурной смены – обустройство лагеря, помощь в приготовление пищи, порядок. Все, что требуется для отдыха. Немой уже ставил на плитку котел – разогреть воду и готовить ужин, Олег обдирали шкуру с лапы ящера, Антоха суетился, сооружая в зале, где выставили караул, сортир. Остальные занимались насущными делами – кто-то раскидывал брезент и спальник, кто-то чистил оружие, кто-то магазины снаряжал. Штопались, заряжали от топливных элементов фонари и электронику, раскладывали на просушку снарягу, заливали гидраторы⁴²... да мало ли дел у бойца на привале? Все нужно в порядок привести, подготовиться к следующему переходу. И не дай бог забыть что-то, не учесть, отвлечься... Злодей, скотина коварная, подметит – а поутру на проверку и дернет. И если что из снаряги не в соответствии... Дровосек, к примеру, сегодня уже выхватил, и при повторении зам куда изощреннее расправу придумает. А если сам командир, обычно спокойный и уравновешенный, в бешенство придет – вообще тушите свет. В общем, лучше загодя подготовиться. Опять же если ночью тревога, подрыв – боец к войне готов.

Пока Серёга располагался сам, расстилал брезент и разворачивал спальник – подоспел ужин. Похлебка. Петр Иванович, кроме того, решил порадовать перловкой и хлебцами из рационов. На десерт – сгущенка. Расселись вокруг пышущей жаром плитки, достали ложки,

⁴¹ Прибор для измерения массовой концентрации пыли при технологическом, производственном и гигиеническом контроле воздуха. Предназначен для измерения массовой концентрации пыли любого происхождения во всех отраслях промышленности.

⁴² **Гидратор.** Мягкая ёмкость для воды с трубкой для питья, размещается в заплечном рюкзаке или там, где удобно на теле.

тарелки, принялись наворачивать за обе щеки. Минут через пять, когда первый голод был утолен, пошли разговоры – на вечернем привале люди расслабляются, начинают заново дневные впечатления переваривать. Кто что подумал, кто что сообразил да кто как сработал... Пожалуй, прикинул Серега, пора бы раздать немного люлей.

– Головосек... – подал он голос. Гомон вмиг умолк, ребята все как один повернули головы, насторожились – командир говорит. И если он употребил это неформальное погоняло – жди звиздюлей. – Скажи-ка мне, дружище... я на инструктаже перед началом охоты что сказал?

– Ну это... много чего... – осторожно пробасил Пашка. Ложку он, не донеся до рта на полдороги, медленно опустил в котелок, догадываясь пока еще смутно, что где-то накосячил и сейчас придется держать ответ. Склонив голову набок, поскреб в затылке. – Ну... это... чтоб в контроллера не стрелять... Так я и не стрелял в него! Пластины целые!

– Это да. Это ты молодец, – кивнул Сергей. – А про себя я что говорил? Специально ведь акцентировал.

– А... ну да... – Дровосек, сообразив о чем речь, склонил буйну голову. – Так это... я же чисто предупредить...

– То есть ты боялся, что я эту хреновину не угляжу в темноте. Под собой. В четырех метрах. Так что ли? Поэтому предупредил?

Бойцы заржали – тушу в две тонны весом сложновато не заметить.

– Да... виноват, командир, – вздохнув, признал Паша. – Недопетрил...

– Тебе не всегда надо «петрить», – включился в воспитательный процесс Злодей. Он пока не понимал, что к чему, но настрой уже уловил – а воспитание личного состава святое дело каждого зама. – Желательно иногда и приказы выполнять!

– А если б, к примеру, он это твое «принимай» услышал? И сообразил своими мозгами, кому адресовано... И на входе просто всадил бы в меня очередь, – продолжал Сергей, внимательно глядя на Пашу. Косяк был серьезный, поэтому и воспитать надо с понятием. – Я ведь, считай, один на один с ним остался, с голыми руками. Сейчас так и висел бы на этой трубе под потолком. Бледный, синюшный... а на полу кровяща лужей.

– Так он тебя вскрыл? – сообразил наконец Злодей.

– Ну как – вскрыл... Можно сказать – да. Принимай, говорит, кентавра. И смотрит на меня, – пояснил Сергей.

Ребята, оценив, за что получает Паша, зашелестели, перешептываясь. Все правильно. Можно сказать – вскрыл командира, демаскировал. Конечно, не со зла, по дурости, но от того не легче.

– Все. Нет меня. Дохлый, – еще немного догрузил Серёга.

– И половина обоймы долой, – добавил зам, полностью обрисовывая перспективы. Чтоб не только Дровосеку, но и остальным в который раз обозначить. – Ведь если б промашка вышла – там бы он нас и покрошил. Одного за другим, размеренно и методично. Потеря командира в бою – это почти всегда потеря координации и гибель группы. Если же и вернется кто – расформирование с раздачей людей в другие обоймы. А скорее просто в ПБО... Сами знаете – командира беречь до последнего!

Дровосек проникся. Сидел, уронив голову на грудь. Переживал. Упорол косяка, что спорить. Обосрался – обтекай. Как говаривал полковник Хуер в таких случаях: «Вам, товарищ боец, это ваше через задницу – вышло боком».

– Ладно, мужики, – после недолгого молчания, дав Пашке прочувствовать всю глубину его морального падения, подал голос Наставник. – Я думаю, Павел усвоил. Командир на инструктаже четко довел: на него внимания не обращать! Не разговаривать! Не смотреть ни в коем случае! Контроллер – такая сволочь, своими сенсорами даже движение вашего глазного яблока может засечь. И отреагировать. Поэтому строжайшая дисциплина на выходе! В конце

концов, нужно же следовать девизу обоймы! Скорость, точность, слитность, мощь! И слитность в данном случае как раз и подразумевает дисциплину. Так, что ли?..

– Да понятно...

– Тут вопросов-то нет...

– Ну это да...

– Лосяра железножопый косяк, а нас воспитывают... – слышалось со всех сторон.

– Все, закрыли тему, – подытожил Сергей. – У каждого косяки случались. Вон, Знайку вспомните, с полгода назад... На что башковитый мужик, а тоже... карту перед выходом забыл обновить. Чуть растяжку не сорвали. Поэтому – каждый за собой прежде всего следит! Это Джунгли! Здесь ушки на макушке надо!

Он замолчал – и, словно подтверждая его слова, Джунгли ответили. Звук родился далеко-далеко в недрах, так, что неясно было, где находится источник – однако трубы вентиляции исправно разносили его по горизонту, и не было ни единого уголка, где он не был бы слышен. Сирена, начиная с низов, в короткое мгновение угрожающе поднималась до самого верха, слышного уху – и, спустя долгие секунды на самом пике, вновь медленно опускалась вниз. Вой ее леденил кровь, мгновенной и страшной паникой бил по нервам, срывал в бешеный галоп сердце. Каждый из обитателей Дома знал этот звук с самого детства – и с самого детства боялся больше, чем контроллера, больше даже самой кромешной тьмы лабиринтов. И – голос, равнодушный женский голос, который словно ставил приговор любому, кто не успеет вовремя:

– Внимание. Прорыв горизонта. Предельная концентрация. Ртуть, свинец, сероуглерод, неизвестные соединения. Коэффициент проникновения: ноль-девять. Внимание. Прорыв горизонта. Предельная концентрация. Ртуть, свинец, сероуглерод, неизвестные соединения. Коэффициент проникновения: ноль-девять. Внимание...

Лагерь, до сего момента мирный и спокойный, взорвался. Ребята повскакали с мест, расплескивая содержимое полетели на пол миски и кружки, кто-то опрокинул плитку... Платформу облепили в мгновение ока – каждый судорожно рвал со снаряги свой защитный комплект, потрошил сумку, выдергивая противогаз и серебрянку... Молча, сосредоточенно, с невероятной скоростью работая руками. И каждый в этот момент уже отсчитывал секунды. Быстрее! Еще быстрее! Ровно три минуты, чтобы упаковаться! Не успеешь – это даже не смерть. Хуже.

Серёга, щелкнув последней застежкой, накинул капюшон. Затянул под горлом, торопливо охлопал себя по груди и животу, по шее, проверяя, все ли плотно, нет ли где щелей. Сквозь окошки противогаза окинул взглядом лагерь – ребята блестящими в свете фонаря кулками уже лежали, закутавшись в плащи. Все кроме дозора здесь. Дозор на своих местах – они просто не успеют добежать до лагеря. И оставалось надеяться, что за то время, пока они будут укрываться под серебрянкой, на них не набредет залетный контроллер и не распотрошит кульки. Впрочем, серебрянка для того и нужна, чтоб в тепляке не отсвечивать – спецкань толстая, тепло тела до полутора часов держит. И уж куда страшнее сейчас прорыв, чем смерть от пули механизма.

Время. Серая пелена вокруг постепенно густела, все больше затрудняя видимость, словно отсекая людей друг от друга, оставляя их наедине со своими мыслями и страхом. Пора. Упав на пол, он накинул на себя плащ, стараясь подмять края, и замер, чувствуя, как бешено колотится сердце и долбит в висках пульс. Коэффициент ноль-девять – это самая жуть. Прорыв уже начался и очень скоро разойдется по всему горизонту.

Теперь оставалось только ждать.

Глава 2. АРМЕЙСКИЕ МЕЧТЫ

Большая комната четыре на пять, освещенная мягким желтым светом настольной лампы, тени от предметов на полу и стенах; мама – с ногами на потрепанном диванчике, читает свою медицинскую книжку; отец за работой; Сергей в своем углу. Здесь у него столик со стулом, откидная кровать-полка, металлический шкафчик, в котором хранится вся его нехитрая одежда, и ящик с игрушками. Игрушки разные, в основном батькой принесенные со стрельбища или из Мастерских: гильзы, сломанные магазины автоматов, пружинки-гаечки-болтики, позвонки ящера, белые черепушки крыс и змеюк, дохлые фильтры от противогазов и респираторов, корпуса от коммуникаторов... Да и просто всякой мелочи полно, сменянной в саду на такую же мелочь. И великое сокровище – маленький, пяти сантиметров не будет, пластмассовый офицер-спецназовец. Все как положено – в броне, в полной экипировке, с автоматом у плеча. Сам собой здоровенный, руки-ноги мышцами бугрятся. Сразу видно – боевой, опытный, не раз порох нюхавший. Командир над сотней безликих солдат-болванчиков, ровными рядами стоящих перед ним гильз. Те, что пять-сорок пять – это простые солдаты, рядовые ПБО. Семь-шестьдесят два – их куда меньше – это бойцы ПСО, в экзоскелетах. Двенадцатого калибра, четырнадцатого и тридцатого, большущие гильзы – контроллеры. Останки коммуникаторов – платформы ППКБ и ППКУ. А еще – три железных фигурки чуть больше солдатики размером, с шестью руками и четырьмя ногами, с глазами вокруг головы. Морфы. Это батька сыну на станке выточил.

Сережке шесть.

Только что закончилось генеральное сражение. Пришел из сада, дождался мать, поел – и сразу в свой угол. Четыре часа длилась битва, не раз висела на волоске жизнь боевого офицера, командира ПСО – но верные бойцы и могучие морфы всегда приходили на помощь. И уничтожили-таки орду контроллеров, добрались до Самого Главного Рубильника, обесточили. Победа.

Очистил Серёга поле боя от тел людей и механизмов, сложил в большую коробку, задвинул под столик. Посидел, полистал на планшетке книжку про Незнайку, посмотрел картинки. Заскучал. Времени еще мало, спать рано, гулять уже поздно...

– Ба-а-ать, – тянет Сережка. – Расскажи сказку.

Отец за ширмой в дальнем углу, почти у самого входа, там его рабочий угол. Стол-верстак, инструменты, куча всяких до жути интересных любому пацану предметов – магазины от автоматов, пулеметные ленты, оптика и коллиматоры⁴³, оружейные узлы и механизмы. Подходить туда без отца строжайше запрещено, но Серёга, тайком конечно, давно все перетрогал и перешупал. У отца на столе неизменный порядок – и Сергей тоже следов не оставляет, все кладет точно туда, откуда и взял. Может, и догадывается батька, что хозяйство его уже досконально изучено, может, и нет – но виду не подает. А может, и понимает – невозможно парню запретить с оружием знакомиться...

– Сереж, некогда. Видишь – занят. Дядя Миша просил за сегодня десяток автоматов перебрать. А время восемь, скоро отбой. Не успеваю. До полночи вряд-вряд развязаться.

– Ну ба-а-ать...

– Сергей, не канючь...

⁴³ **Коллиматорный прицел.** Система, использующая коллиматор (устройство для получения параллельных пучков лучей света или частиц) для построения изображения прицельной метки, спроецированного в бесконечность. Коллиматорный прицел обеспечивает высокую скорость прицеливания – примерно в 2–3 раза выше, чем традиционные «мушечные», так как при прицеливании нужно совмещать всего две точки: светящуюся метку, которую видно через окуляр, и саму цель. При этом глаз сосредоточен на расстоянии до цели и самой цели (в механических прицелах – обычно на мушку, целик и цель видны не в фокусе).

- Данил, да расскажи ты ему сказку, – вступилась мама. – Не отстанет ведь.
- Так... ладно... Договор?..
- Договор!
- Я тебе сказку... короткую! – тут же следует уточнение. – А ты мне помогаешь. Эти два автомата – твои.
- Давай!
- Ну слушай...

...Давно это было. В незапамятные времена, когда над землями людскими свет был, а тьма лишь ночью приходила на короткий срок. Жили люди, не тужили, детей растили, выращивали урожай сколько кто хотел, и воды чистой пили вдоволь. И была честь, и была совесть, и были справедливость и добро.

Но объявилось на краю света за землями и океаном чудо-юдо заграничное, Змей стоглавый. Спервоначально маленький он был, сидел в своей берлоге, делами, одному ему понятными, занимался, к людям не лез. Но рос с каждым годом, и чем больше становился – тем все чаще на мир заглядывался, черные свои мысли пестовал... Не нравилось ему, что живет он на окраине, вдали от дел людских, от воды и еды вкусной, от урожая богатого. И возжелал он и урожай, и воды, и страха человеческого, захотел править и волю свою на земли распространить. Выполз из берлоги, расправил бесчисленные крылья, вытянул шею, взмыл в воздух – и обрушил на землю тысячи стрел огненных, сотни перьев стальных, двинул орды железные.

И жил тогда в богатом краю, что в самом центре земель, богатырь... Серегей. Добрый он был человек, справедливый и сильный. Не раз стоял за землю свою, за людей. То с юга недруг придет, то с запада. Взял он свой щит, взял меч – и встал на земле, ногами твердо уперся. Бился со Змеем три дня и три ночи, отразил стрелы огненные, отразил перья стальные, порубил полчища железные. Ударил в ответ – и одолел Змея, смахнул головы. Но последнюю, самую мелкую – пожалел. Не стал совсем убивать, прогнал с земель и отдыхать отправился.

А Змей, вернувшись на окраину, снова начал головы растить, думы думать да коварные планы строить. Но теперь побоялся он в честный бой вступить, начал исподтишка земли подтачивать. Послал к людям шпионов, соглядатаев, послов с дарами богатыми. И пошли они по землям, раздавая богатства черные, селя в сердца людские жадность и корысть, алчность и стяжательство, бесчестие и обман. И забыли люди славу предков своих, сменяя на золото-самоцветы и честь, и совесть, и справедливость, и силу. И поселились на землях разобщение, раздор и вражда, и не стало в людях согласия. И снова ударил тогда Змей, повел в бой бесчисленные свои легионы. И некому было земли защищать – каждый за богатство держался, каждый желал свое сохранить, и не было дела ему до общего. И победил Змей людей, и вверх земли во тьму. Так и не стало света на землях, один лишь мрак беспросветный. И поняли тогда свою ошибку люди.

Да поздно.

Выслушал Серёжка сказку – и молчит. Соображает. Сказку эту он много раз слышал, но батяка всегда интересно рассказывает. И всегда в голове что-то новое приоткрывается. Вот и сейчас понял внезапно Серёга еще один смысл: не всегда это хорошо, если у тебя всего много, лучше, когда хоть и бедно – но дружно. Вон взять того же Ромку Бетонова, по соседству. У Ромки отец в Совете теперь, ветеран, ломаный-переломанный, две руки и нога на протезах. А раньше, говорят, в ПСО служил, далеко ходил, два раза аж до триста сорокового поднимался. Никто дальше не заходил, не считая, может быть, Первой экспедиции. Из каждого выхода добычу носил очень богатую, и с той добычи – часть себе. По Закону охоты. Вышел на пенсию – завидный жених. Семью завел. Есть у Ромки и гильзы – много! Есть и банки от противогаза. Есть и позвонки ящера, и другие игрушки. А еще целых три солдата и шага-

ющая боевая платформа с пулеметами. Настоящая, заводская, до самой мелочи сделанная, до воздухозаборников, до заклепочки на каждой лапе. Сокровище! Но жадный он, Бетонов, сам играет, никому не дает. Остальные ребята, друзья – всё друг другу доверяют. И морфов, и даже офицера-спецназовца Серёга иногда играть дает. А Ромка – нет. И потому мало у Ромки друзей, водиться с ним никто не хочет. А у Сереги: и Лёшка, и Виталька, и Гришка... Вот и сказка об этом говорит.

– Сереж... Сережа! Ау!

Очнулся Серёга от своих мыслей – отец из-за ширмы смотрит вопросительно.

– Замечтался, что ли?.. Я говорю: какая в этой сказке мораль?

– Нужно с друзьями делиться и не жадничать. Тогда вместе можно всех победить, – ответил Серега. Про мораль батяня всегда спрашивает, заставляет сына мозгами шевелить. Не просто сказку слышать, а между строк видеть, смысл понимать.

Отец переглянулся с матерью понимающе, будто не до всего сын пока умишком дошел. Кивнул.

– И это тоже здесь есть. Не главное, но основное... Главную мысль ты не ухватил. Ладно. Повзрослеешь – поймешь. А теперь давай-ка, что обещал. Давши слово, держись, а не давши – крепись.

А Сереге и за радость с автоматами возиться. Дело серьезное, не игрушки – а значит, Дому на пользу. Пальчики-то маленькие, но крепкие уже, не раз оружие собирал-разбирал, которые системы не очень, а которые – и наоборот, назубок знает. Отец, выслужив положенное в ПСО, ушел на пенсию и теперь работал инженером в Мастерских. И частенько брал работу на дом. Приносил и АК, и снайперские винтовки, и М4-М16, и даже FN SCAR, который Сережке сразу же приглянулся. Бывали и пулеметы. Так что примерно лет с пяти начал Серёга постигать то, что детям в школе только к пятому-шестому классу давали.

Пока разобрал, пока ветошкой промасленной протер узлы и механизмы, пока снова собрал – уже и ночь, спать пора. В десять часов по всей территории Дома – в коридорах и переходах, в комнатах и залах общего пользования, в индивидуальных отсеках – отключалась электроэнергия. Во-первых, ночью спать нужно, отдохнуть перед следующим рабочим днем. А во-вторых – для экономии и увеличения срока службы электрического хозяйства и электростанций. Желаете ночью свет в лампочке и ток в розетке – подключайте индивидуальный топливный элемент. Никто против не скажет. У семейства Сотниковых такой аккумулятор тоже есть – от контроллера-двухтонника – но батяня включал его только когда до полуночи за работой засиживался. Впрочем, бывало это нередко. Вот и сейчас – залез Серёга в свою кровать, укрылся потрёпанным синим байковым одеяльцем с полосками, до самого горла его натянул, глянул пару раз на отца... Тот и не думал еще заканчивать, работал ветошкой, склонившись над очередным автоматом. Значит, опять до полночи. Зевнул Серега, рот открыв шире, чем пасть у ящера... и уснул. Завтра новый день, новые важные дела. Выспаться нужно, сил набраться.

Утром в шесть – подъем. Коротко рявкнула сирена из громкоговорителей в коридоре, зашевелились люди, двери в отсеки захлопали. Удары тяжелые, на весь коридор – дверь-то сама по себе железная, толстенная. Сунулась мать к Сереге, будить – а он уже и не спит. Проснулся с полчаса и молча лежал, дисциплинированно, выжидая побудку, давая родителям последний сон, самый сладкий, перед новым днем выспаться.

Утренний порядок почти всегда одинаковый. Батяня первым уходит, сразу после побудки – у него работа ответственная, много ее. Целыми днями у станка и за верстаком: приходят бойцы, приносят оружие, нужно чинить; или с Периметров орудия несут – тут куда больше ответственности. Обороноспособность Дома – дело чрезвычайно важное, это все говорят: и батяня, и мама, и Татьяна Александровна, и Виктор Павлович, и дядя Миша Самоделкин. Все, кто для Сереги в его годы непререкаемый авторитет. Бывал он у отца на работе. Зайдешь в цех – станки шумят, прессы грохочут, точила свистят, пилы и сверла визжат...

Шумно – но жуть как интересно! Рабочие по своим местам, трудятся, одно общее дело делают. И на отдыхе тоже – сядут на обед, шутят, смеются, разговаривают... Весело! Побывал Серёга в Мастерских – понравилось, захотел инженером стать. Как батя. Чтоб день и ночь на пользу Дома работать, чинить оружие бойцам, чтоб охота хорошо шла, чтоб от железяк страшных оборону держали, не пускали механизмы за Периметры. Один-единственный раз на своем веку Серега контроллера видел. Всего и было ему тогда три года. Но страху на всю свою коротенькую жизнь хапнул.

Потом, спустя десять-пятнадцать минут, смотря от того, копуша ли сегодня сын или быстро соберется – выходят и они с мамой. Не очень хорошо еще Сережка с чунями⁴⁴ управляется, поэтому бывает, что и опоздать придется. Обувать-то научился, а вот в завязках путается пока. А с одеждой уже совсем хорошо. Да и одежды той... черные штаны и курточка такая же. Под ней – майка-телогрей, если холодно сегодня в Доме. Все мамой шитое, из батькиного или ее собственного гардероба переделанное.

Собрались, вышли, наконец. Сережку – в сад, мама – в Госпиталь. Мама – врач, очень важная и нужная работа. К врачам в Доме отношение особое, уважение и почет. Впрочем – так и ко всем, кто свою работу добросовестно выполняет. Но маму выделяют особенно. Бывал Серёга у нее на работе, видел палаты, видел больных – все о маме хорошо отзываются. Под Госпиталь целых три блока отдано – там и кабинеты для приема, и палаты для лежачих, и операционная, и реанимация, и протезный блок – много всего. Там и Отработка. Не одна она, конечно, работает, есть и другие врачи – и хирурги, и глазники, и зубники... много всяких. Этих-то, последних, Серёга больше всех боится. Как включит свою бормашину – у-ух! Хоть стой, хоть падай. Самые страшные врачи, как он считал. Хотя дома – милейшие люди, вон хоть дядя Слава, отец Гришки, из двадцатого, напротив. Всегда улыбнется, всегда поздоровается, руку протянет. Но на работе... Бр-р-р. Сам – в белом; на голове до глаз – маска, как у злодея из мультика; кресло – огромное, черное, как хошь наклоняется, а для особо капризных, мама говорит, есть защелки в подлокотниках, чтоб не вырывались; над головой – светильник на много-много лампочек, включит – бело в глазах, ничего не видно; вокруг – инструменты жуткие, щипцы и крюки изогнутые; да еще и пахнет так, что сразу понятно – зубник. Ноги же сами на порог не идут, пятятся! Вот почему нет такого лекарства, чтоб уколол – и все, и зуб сам выпал? Пришел в кабинет, поставили тебе укол в задницу, посидел немного, поджидая, пока подействует... потом своим же пальцем подковырнул – р-р-раз – и вытащил зуб. Хорошо! Ни боли тебе, ни бормашины...

Пока размышлял над этой сложной проблемой – как бы сделать, чтоб зуб сам выпадал, – уже и до сада дошли. Недалеко до него от дома. Отсек Сотниковых – блок один-двадцать четыре, третий этаж, номер три-девятнадцать. По коридору между блоками дойти до западной транспортной галереи, там по пандусу в северо-западном углу подняться на второй уровень – и по северной галерее до блока номер пять, который весь Детским Садам занят. Детишки мелкие, мальчишки и девчонки, вместе растут, рядом, как на грядках. Потому садом и называется, так воспитательница говорит.

Сдала мать Сережку с рук на руки и на работу. А он сразу к друзьям – рассказать про зубную мысль. И Гришка Коломицев, и Лешка Водовский, и Виталька Немкин – уже все здесь.

– Да... – мечтательно сказал Лёшка. Глаза затуманились – видать, представил, как здорово будет. – Придумал так придумал...

– Ну не знаю... – подумав немного, важно ответил Гришка. Тема знакомая, считай, спец в этом деле, батя-то зубник... – Я у папы спрошу. Может, и есть такое лекарство. У него в маленьком шкафе на работе разные бутылочки стоят... Про некоторые рассказывал, а другие даже пальцем трогать запрещает. Может, они?..

⁴⁴ Чуни. Вид обуви. Галоши, валенки и суконные портянки, мягкие башмаки, сшитые из ткани, вязанные или стёганные.

– Если б они – тогда бы и детям зубы так вынимали, – ответил Виталька. Пощупал языком дырку сверху справа, соседние зубы пальцем ковырнул – крепко ли сидят?.. Убедился, что крепко. Вдохнул... – А то конечно, здорово бы... Только не уколом, а таблетку проглотил – и все, ковыряй.

Витальке недавно как раз вытащили зуб, когда дядя Слава в группу с осмотром приходил. Заглянул ему в рот – ой, говорит, Виталик, а у тебя зуб-то сверху почернел и шатается... Виталька сразу в рев – испугался, что дергать начнут. Но дядя Слава что-то там такое сделал, дал Витальке страшные щипцы посмотреть, и пока тот их в руках вертел – р-р-раз! – и вытащил зуб. Виталька только пискнуть успел. Больше испугался. Раз в месяц такие обходы. И не только зубник, но и все врачи. И Сережкина мама приходила – но ее не боялись, а даже наоборот. От нее какой вред? Интересно даже. У мамы и диск с трубками, которым больного прослушивают – *фо-нен-до-скоп* называется, – и еще куча разных интересных инструментов. Металлические, блестящие, красивые. Послушает, в рот заглянет, посветит фонариком, спросит, как себя чувствуешь, не болит ли чего – и все на этом. А бывает, что и по дольке шоколада принесет. Хотел Серёга одно время во врачи податься, но потом решил, что не мужское это занятие. Разве что в хирурги – вот это профессия и впрямь мужская. А все остальное так себе... Даже и зубник.

Пока разговаривали – вся группа собралась. Привели родители детей – и на работу отправились. Работы в Доме много, бездельников не любят. Да и нет их, бездельников: если человек общине пользу не приносит, таких сразу в Джунгли гонят. Татьяна Александровна помахала руками, к себе подзывая – и сразу все мальчишки и девчонки к ней.

Сначала утренняя зарядка. Руками-ногами потрясли-поболтали, туловищем покрутили, головами вправо-влево помотали. Поприседали, попрыгали на месте. Побегали друг за другом, пока в кучу-малу не попадали. На этом пока все, остальное на физкультуре в течение дня.

После зарядки обязательно завтрак. Как говорит Татьяна Александровна – самый важный прием пищи, от него весь организм работать начинает. А у Виктора Павловича даже присказка есть: «как полопаешь – так и потопашешь». На завтрак обычно каша – пшенная, гречка или перловая, котлета через день, на десерт – повидло в маленькой ванночке с двуглавой птицей на этикетке. Мясо Серёга особенно любит – и свинину, и ящера, и рыбу – жует аж за ушами трещит. Впрочем – он все ест, не капризничает, в отличие от некоторых девчонок. Тут он с отца пример берет. Никогда он не слышал, чтоб батяня по поводу сготовленного мамой ужина ворчал. Что на стол поставит, то семейство и ест. Да и то сказать – небогато с разносолами в Доме. Для гурманов разве что паштет или сыр из рационов, да еще шоколад с повидлом. А больше и все.

После завтрака обычно занятия. Тут и развитие речи, и окружающий мир, и творчество, и физкультура, и военное дело. Но сегодня почему-то не так все пошло. Еще за завтраком заметил Серёга, что Татьяна Александровна и Виктор Павлович не такие, как обычно. Какие-то взволнованные, что ли... Торжественные. Покушали мальчишки и девчонки, каждый за собой посуду убрал, миску с кружкой вымыл, стол вытер – как-никак большие уже, не трехлетки, каждый сам за собой должен ухаживать – и снова на лавки расселись. Воспитательница посреди комнаты встала, руку подняла – и все тотчас же угомонились, слушать приготовились.

– Дети. Как вы знаете, этот год у нас с вами последний. Большинству из вас в этом году исполняется семь, а значит – вы пойдете в школу, в первый класс. У нас еще будет выпускной, праздник, на который придут и ваши родители, и учителя из школы – но это будет в конце месяца. Сегодня же не совсем обычный день. И сегодня, и завтра, и послезавтра – три дня. У нас с вами – и это новое слово, которое вам придется запомнить – экзамены. Запоминаем это слово, говорю по слогам: эк-за-ме-ны. Повторим...

– Эк-за-ме-ны... – хором повторили все. Сережка, сидя на своем месте, слушал во все уши – это что-то новенькое, какие-то изменения в привычном распорядке! И это ему очень нравилось.

– Что оно означает? – продолжила воспитательница. – Означает оно итоговые испытания, нужные для того, чтоб определить, как вы усвоили то, чему обучали вас в саду, и понять, в какую именно школьную группу определить каждого. Я прошу очень внимательно, ответственно и старательно подойти к сегодняшним экзаменам и показать все, на что вы способны. От этого, мои дорогие, зависит ваше будущее. Это ваш первый экзамен, запомните его. Такие экзамены будут у вас и потом – у кого-то в Ремесленном, у кого-то в Академии... У кого есть старший братик или сестричка? Может быть, они говорили, какие экзамены выдерживали в школе? Ну?.. Кто может сказать?.. Поднимаем руки.

Оглянулся Сережка – рук не много поднялось. Из всей группы, из шестнадцати человек, немного у кого старший брат или сестра есть. Всего и наберется таких трое или четверо. У самого Сереги тоже мог братишка быть – но не старший, а младший – да только неправильный он родился. Совсем больной. Голова большая, пухлая, подбородок маленький, тельце бледное-бледное, куда меньше головы, ручки-ножки мягкие, не живые. Видел его Сережка в Госпитале. Лежал он в кровати, глазенками невидяще моргал, ворочался вяло... Мама плакала, батяка чернее самой тьмы паутины ходил... Но некуда деваться, законы Дома суровы. А иначе – как выжить?.. Забрал его дядька Бабай, отнес в Отработку. Так и не стало у Сережки братика.

– У меня Светка рассказывала про экзамены, – встав с вытянутой рукой, пищит Кристина Потапова. – У них в пятом классе были испытания! Трудные, но она на пятерки сдала!

– Знаем про Свету, знаем, – покивала Татьяна Александровна. – Света молодец, круглая отличница, в Учебном Центре на первом курсе учится. Будущая учительница, так же будет деток учить. Но до того ей и самой нужно очень многому научиться. Все правильно, молодец, Кристина.

– У меня тоже Димка рассказывал, – поднялся со своего места Славка Сидоров. – Он школу еще не закончил, он про сад говорил.

– Да, – кивнула воспитательница. – Дима в 1«В» по результатам экзаменов пошел. Ну да это и ничего, Дому всякие люди нужны, и инженеры, и врачи, и учителя, и простые рабочие. Всякий человек максимальную пользу приносит.

– И у меня брат! – это Ленка Лазарева, девчонка мелкая и вредная, не любит ее Серёга. – Его недавно в армейцы приняли! Он после экзамена целые сутки дома спал, мама на цыпочках ходила, играть не разрешала!

– Молодец, Леночка, умница, – похвалила Татьяна Александровна. – Роман и в саду был в первых рядах, шустрый мальчишка, и в Академии на хорошем счету. Теперь на армейской службе, для Дома работать будет, из Джунглей нужные вещи приносить, защищать нас от врага.

Серёга вздохнул тихонечко. Последняя его мечта – это чтоб в подразделение попасть. Быть таким же, как батяка, как дед или как его собственный солдатик-спецназовец. Бойцы ПСО очень нужные люди. Уходят в Джунгли, возвращаются с добычей. А добыча для Дома много значит. Приносят и контроллеров, и другие нужные вещи. Мебель, еда, посуда, книжки с картинками – все с необъятной паутины собрано, все в Дом. И туда, в Джунгли, только самые отважные ходят, самые сильные и умные. Самые смелые! Так что... не светит Сережке. Трусоват. Темноты боится и вообще... Вот и зубника тоже трусит. А еще – контроллеров. Видел он железного контроллера, когда на Плантации с мамой ездили. Шел механизм по коридору и налево-направо из пулемета стрелял. Кричали люди, и мертвые падали. И вокруг все в красных брызгах, и сам механизм в крови людской перемазанный... Если б не обойма дядьки Ящера – не сидел бы сейчас Сережка на этой лавке. Убил Петр Иванович контроллера и дальше свою обойму повел. А Серёга с тех пор обзавелся этой, самой заветной своей мечтой – стать

бойцом подразделения специальных операций. Даже и название наизусть выучил, хотя не каждое слово в нем понимал пока.

– В общем, я вижу, все осознали, какое это важное и нужное дело – экзамены, – подытожила между тем Татьяна Александровна. – Сегодня мы ими и займемся. Воспитанию деток в Доме очень много сил и времени отдается. А как иначе? Вы – наше будущее, придете нам на смену. Вы должны беречь и охранять свой Дом, работать на благо. Чтоб в свою очередь и ваши детки тоже для людей жили и работали. Вот и посмотрим, что вы усвоили, какими за эти три года стали.

Первый экзамен был нетрудный. Уж во всяком случае – не для Сереги. Игра называлась «Что изменилось?». Поставила воспитательница на стол семь игрушек: два кубика, один больше, другой меньше, магазин от автомата, погремушку, гильзу от патрона четырнадцатого калибра, пластмассового петуха и куклу, из тряпок сшитую. Каждый подходил к столу, смотрел на игрушки недолгое время – и отворачивался. Татьяна Александровна игрушку убирала – и, глядя на стол, нужно было угадать, какой игрушки нет. Сережка из пяти раз ни разу не ошибся.

Второй экзамен оказался только чуть сложнее, но все ж не смог Серёга его весь пройти. Разложила воспитательница на столе карточки – и, подходя один за другим, нужно три штуки взять, поглядеть, что там нарисовано, и рассказать о хорошем и плохом. На первой карточке Серега увидел ящера, и ему это сразу понравилось. Рассказал, что мясо у ящера вкусное и что детишки от него растут большими и сильными, что едят они его частенько по утрам, похвалился, что всегда доедает. А плохо то, что живет он в Джунглях и нужно из уютного безопасного Дома на охоту выходить. А разводить в домашних условиях не получается – не разводится ящер. Пробовали. Это ему батяня рассказывал. Татьяна Александровна похвалила, вторую карточку дала. На ней – дверь в домашний отсек. Такая же, как у Сережки, как и у всех остальных детишек. Серёга все хорошее рассказал – что это дом, мама с папой, вкусная еда, игрушки, тепло и уют... а вот плохое затруднился. Чего ж плохого в собственном доме? Странный вопрос... Разве что мама игрушки убирать заставляет, когда он слишком уж разойдется... Ну или батяня поругается иногда. Так это за дело, Серёга бывал частенько вредноват, признавал это. Внутри себя. Подумал немного – и жаловаться не стал. Что он, ябеда какой?.. Сказал, что плохого в доме нет ничего, одно только хорошее. А на третьей карточке был контроллер... Большой, во всю карточку. Весь черный, сверху – череп с красными глазищами, в лапах пулемет страшный... Серёга как глянул – так и задрожала рука, чуть картинку не выронил. Проплепетал что-то про страх, про пулеметы и кровь – и замолк. Только слезища огромная предательски по щеке поползла. Что в проклятом контроллере хорошего? Смерть одна и только. Воспитательница карточку забрала, в макушку поцеловала, велела пока на лавке посидеть. Пока остальные испытание проходили – сидел Серёга с Виктором Павловичем. Разговаривали. И не сдержался Серега, рассказал-таки о своей мечте заветной, о том, как в подразделение попасть хочет. Виктор Павлович его ободрил, сказал, что это ничего, все впереди, главное стараться. Старайся не старайся – провалил Серёга экзамен.

Но зато уж на третьем испытании он себя показал. Игра называлась «Пройди в ворота». Раздала воспитательница картинки, на которых разное число кружков нарисовано. Сереге досталась с тремя. Ворота была дверь в игровую комнату, над которой так же повесили кружки, и Виктор Павлович время от времени менял их количество. Побеждал тот, кто быстрее найдет себе пару среди детишек, чтоб количество кружков на двух карточках равнялось количеству кружков над дверью. И почти каждый раз Серёга первый или второй проходил. Со счетом у него особенно хорошо обстояло, не зря с мамой сидели вечерами, примеры решали. Три плюс два, четыре минус один... Татьяна Александровна даже специально это отметила и Сережку похвалила.

После третьего экзамена немного утомились, прерваться пришлось. Поиграли в игровой, покушали – и спать. Режим дня нарушать нельзя. Если спать не хочешь – просто лежи, в пото-

лок смотри. Главное, тихо, чтоб другим не мешать. Но Серёга только недавно начал догадываться, что обманывают их воспитатели. Ну или не обманывают, а... хитрят. Ведь не получается лежать просто так. Прилег вроде, бодрый, готов весь день до вечера важными делами заниматься... а спустя короткое время уже в сон клонит. Так и не получалось у него весь сон-час пролежать. Засыпал сразу же. Да и не он один, со всеми так же.

Закончился сон-час, проснулись мальчишки и девчонки. Гимнастика, закаливание – девчонки босиком по полу ходят, мальчишек Виктор Павлович в душевую увел. Там по очереди каждого под душ: горячая-холодная, горячая-холодная. Визжат пацаны, брызгаются, смеются. Весело! После этого каждого растер жестким полотенцем, так что, кажется, весь горишь. Вот и бодрость после сна появилась. И – снова экзамены.

На вторую часть дня выпали испытания подвижные. Проводили в игровой комнате, большом зале, где и лазелки понаставлены, и качели с каруселями, и горка, и канаты под потолок, а в дальнем углу – большущая куча желтого песка с бассейном. Сначала играли в «Сапера». Эту игру Серёга очень хорошо знал и очень любил. Задача такая: один человек руку в песок сует, растопыренными пальцами, а второй начинает ее откапывать. Коснулся – взрыв. Обезвредить «бомбу» можно лишь поочередно откопав все пальцы и нажав ноготь-кнопку. Целый час играли, меняясь время от времени – а Виктор Павлович и Татьяна Александровна очень внимательно следили, писали что-то на листочках. В результате Серёга все четыре «бомбочки» обезвредил и только на пятой взорвался. Так же только Гришка и Лёшка смогли. Обрадовался Серёга успеху, расслабился – и поплатился на том. Когда играли в «Башню», снова опростоволосился. Из высокой башни, в рост, составленной из брусочков по три в ряд внахлест друг на друга, вытаскивали брусочки так, чтоб башню не развалить. Первый Серёга вытащил. Второй тоже. И третий... А когда четвертый стал тянуть – дрогнула рука. Дернул сильнее, чем нужно – и развалил всю башню. Хуже только Ленка Лазарева испытание прошла. Опечалился Сережка – ведь мог же и лучше! Не раз в эту игру играли, и редко когда башню рушил, чаще до последнего чурбака добирался! Ну как же так?!.. Видать, провалит он экзамены... Однако на последнем снова собрался и хорошо себя показал. Испытание было по военному делу и по физкультуре. Задание – преодолеть полосу препятствий, которую отгородил шнуром в игровой комнате Виктор Павлович: пробежать между лазелок, проползти под растянутыми веревочками, перелезть через барьер, пройти по бревну, залезть и спуститься по веревочной лестнице на горку, проплыть в бассейне от одного бортика до другого. При этом на определенных участках показать, как умеешь управляться с игрушечным автоматом – переключать его с правого на левое плечо, целясь в злобных контроллеров, нарисованных на листах бумаги, «стрелять» из-за угла... Автомат и держать надо правильно, и проползти с ним, и за спину быстро закинуть, чтоб на ремешке повис – в общем, показать, что умеешь. Все эти упражнения – «азы», как говорил Виктор Павлович, – они разучивали на каждом занятии по военной подготовке, и Сережка знал их лучше, чем собственное имя. А потому и время показал хорошее, и с автоматом не ошибся ни разу.

На этом все и закончилось. Оставшиеся два часа в игровой комнате провели – кто в догонялки, кто в бассейне плещется, кто на качелях-каруселях качается. Серёга, Гришка, Лёшка и Виталька в «ящеров» затеяли играть – в песке барахтались куча-малой, ползали друг по другу на четвереньках, топтались ладошками и коленками, приговаривая: «Ящеры по джунглям бегали, прыгали и скакали»... В итоге чуть не подрались. Пришлось Сережку с Виталькой разнимать. Постояли в углу, куда ж деваться.

В четыре часа пришла мама. Обычно Серёга, если мама после полдника еще не появилась, ждал минут двадцать, до полпятого – и в самостоятельное путешествие отправлялся. Потеряться и заплутать в Доме сложновато, главное – в южную часть не ходить. А если и случится такое затруднение – любой взрослый, кто попадется, домой ответит. Только адрес скажи. Но в этот раз маму пораньше отпустили – спокойно в Госпитале, без происшествий. Вот

и не стали задерживать. Взяла она Сережку за руку – и домой вдвоем направились. А по пути он про экзамены-то и рассказал.

– Ну и что же, как свои результаты оцениваешь? – улыбнувшись, спросила мама.

– Не знаю, – насупился Серёга. – Два экзамена плохо сдал. А остальные вроде хорошо.

– Не расстраивайся, медвежонок, – усмехнулась мама. Нагнулась, поцеловала сына в макушку – поддержать. – Какие в саду еще экзамены. Так... проба сил. Это в Учебном Центре – да, там экзамены. Там и стараться нужно.

– А батька говорит, что уже с сада нужно стараться...

– Ну, отец, конечно, выдумывать не будет, – улыбнулась мама. – Ты кем хочешь стать-то? Вроде одно время в Госпиталь мечтал...

– Инженером, – помолчав немного, ответил Серёга. Покривил, конечно, душой... Но не бывать ему в подразделении, это он точно знает: как живой перед глазами контроллер стоит. – Как батька.

– Пойдешь в школу, там и возьмем курс на инженера. Там основная учеба твоя будет, а не в саду. Но стараться, конечно, всегда нужно... Не падай духом, Сержик, все у тебя получится.

Промолчал Серёга. Все, да не все. Ладно. Инженер – тоже хорошо. С оружием возятся, на Периметрах постоянно торчат, даже и в Джунгли иногда выходят, если найдет обойма непонятное и сомневается, стоит ли в Дом тащить. Главное ведь пользу Дому приносить, а уж профессии – они всякие нужны.

Из сада зашли на склады – получить на следующую неделю продуктов. Нести немного – сколько там, семь ужинов на троих... Но Серёга все равно маме помогал, ухватил отважно целую авоську. Пока до отсека дотащил – употел весь. И руки менял, и за спину закидывал... Но так и не отдал, хоть мама и забирала. Батька говорит – мужик должен самое тяжелое на себя брать. Это Серёга пока мелкий не может все унести. А со временем он и две, и три авоськи утащит!

Пока шли – побаловался немного. А как без этого?.. Но мама, заметив, пальцем погрозила, пообещала в Джунгли отвести и Крысолову отдать. Серега тут же и притих. Хотя и знает, что никуда его мама не поведет, но... Гамельнский Крысолов —это и впрямь страшно. Пожалуй, страшнее, чем контроллеры... Все дети, кого он с собой утаскивал, никогда в Дом не возвращались. Хоть и давно, в Смутные Времена было, и с тех пор Крысолова не видели больше – все равно жуть забирает, ажно волосики на коже шевелятся. И куда он их забирал-то?.. Куда уносил и что потом с ними делал?!.. Нет уж, лучше не знать этого.

Помог маме по дому, сготовили ужин, в игрушках убрался – там и батька с работы пришел. Сегодня вечер у него свободный, а значит – поиграет с сыном! С батькой они все больше в полезные игры играли – в шахматы, например, в шашки или в точки. Две партии в шахматы, одну в точки. И там и там проиграл, конечно. Хотя и знал уже Сережка, как фигурки ходят, куда и как точки ставить на листе – но куда ему пока с отцом тягаться. А вот в саду раз пробовали недавно с Гришкой играть – так без особого труда выиграл. Батька его утешил, по макушке потрепал – не бойсь, сын, научишься, меня не раз обыграешь... Серёга и не боится. Отец всегда говорит – терпение и труд все перетрут. То есть: учись, работай, старайся, занимайся нужным делом, прикладывай усилия, упрись так, чтоб стену сдвинуть – и все получится со временем. Эти слова он частенько сыну повторяет, и Серёга очень хорошо их запомнил.

Ужин, вечерние процедуры – и в кровать. Улегся Серёга, накрылся до самого подбородка, ждет. Подошел батька, спокойной ночи желать – и тут уж Серёга не спloховал.

– Бать. А расскажи сказку.

Отец усмехнулся – вечерний ритуал, что ж поделаешь.

– Ну давай. О чем послушать хочешь?

Серёга задумался. На ночь лучше подлиннее сказку слушать, под нее и засыпать хорошо.

– Давай про ферму зверей⁴⁵.
– Ну, про зверей, так про зверей, – кивнул отец. Подоткнул одеяло, поправил подушку, присел на край кровати. – Слушай...

Говорят, в те смутные времена это было, когда Змей уж в силу входил.

Стояла в одном краю ферма, и был на ферме скотный двор. Жили там разные животные – и коровы, и лошади, и куры с утками, и овцы, и свиньи, и собаки... Много всех. Был у них и хозяин, мистер Ян, владелец фермы. Спокойно жили на ферме, размеренно, не торопясь, дни в делах и заботах проходили: лошадки работали, коровки молоко давали, курочки и утки – яйца, овечки – шерсть, собаки дом сторожили. Каждому дело находилось. А мистер Ян хозяйством руководил, каждому работу давал, с каждого строго спрашивал. Но и заботился о животных как умел: кормил, лечил, стойла и сараи убирал... Не всегда, конечно, идеально бывало. Бывали и промашки и недочеты, бывало, что и наказывал мистер Ян за провинности, бывали и неурожайные годы, когда урезался паек – но в общем неплохо жили. Не бедствовали уж точно.

И вот как-то раз появились на ферме четыре свинюшки. Купил их мистер Ян на рынке, хозяйство свое пополнить. И был среди них свин по имени Петька. Раньше жил он в другом хозяйстве, но за безобразия решил его хозяин куда подальше сплавить. Взял да и продал мистеру Яну.

Хитрющий был этот свин. Была у него одна своя думка – и, оказавшись на ферме, оглядевшись немножко и показав себя как хороший товарищ, радеющий за общее дело, принялся он думку свою в жизнь воплощать.

Раз под вечер, когда дневные работы на ферме закончились, собрал Петька в большом сарае собрание. Будто приснилось ему накануне что-то очень важное и желает он с друзьями-товарищами поделиться. И когда животные собрались – рассказал им свой якобы сон. Все расписал, в красках. Будто прогнали звери хозяина, самолично стали управлять, и ферма теперь не мистера Яна владение – а зверей. Не на человека работают – на себя. И хозяйство теперь по справедливости ведется, и вдоволь всего, и уж конечно куда больше, чем раньше... И мистер Ян, эксплуататор, больше не наказывает, и кнутом не стегает за провинности, а разбирают они на общем собрании и лишь слегка за них поругивают... И работать стали куда меньше – ведь хозяин больше не дерет три шкуры, забирая все заработанное, а распределяется все справедливо, поровну, на всех... И в результате такого равноправия жить стало проще и веселее, времени свободного прибавилось и животные теперь на лугах заливных резвятся, травку в свое удовольствие пощипывают да беседы умные ведут.

Речь эта произвела среди животных полный переворот во взглядах. Словно глаза им Петька раскрыл. А и правда! Зачем работать на кого-то, если можно самим получать заработанное и жить припеваючи! Так исправить же несправедливость!..

И взялись животные за подготовку Революции Самостоятельности.

Разучили и гимн, который, по задумкам Петьки и других свиней, ставших мозговым центром Революции, должен сплотить их и дать революционный дух, и кричалку-скакалку, чтоб самим себя поддерживать; нашли, чем защититься – стащили из хозяйственного блока кастрюли и сковороды, чтоб, значит, на голову в день икс надеть; нашли и простыню для знамени, воодушевление в сердцах разжечь; заготовили покрывек от трактора – баррикады революционные воздвигнуть; а чтоб показать мистеру Яну свою решимость прогнать его с фермы – бутылок с керосином наделали. Поджигать.

⁴⁵ Сказка эта – вольное переложение сказки «Скотный двор» Дж. Оруэлла. С некоторыми изменениями. Очень советую к прочтению оригинал.

Но при всем при том – робели еще животные. Боялись: как же они с человеком справятся?!.. Да и сомневались многие: можно ли против хозяина идти, против того, кто всю жизнь с ними занимался?.. Но – не все. Большинство очень даже положительно идею восприняло и за нее ухватилось. Впрочем, Петька и свиньи у тех, что послабже, очень быстро эти мысли вредные пресекли. А больше старался примкнувший к ним кролик Сенька, перемены почувствовавший. «Стыдно, товарищ! – говорил он сомневающейся курочке или коровке. – Подумай своей головой! Ян у себя дома унитаз золотой завел. На чьи?.. На наши кровные жирует! Гнать его с фермы в три шеи! Своей головой заживем».

И вскоре представилась им такая возможность.

В тот день мистер Ян с самого утра на рынок поехал. Молочка продать, сметанки с маслом, яичек, салца пять-шесть килограмм... но беда случилась – украли все добро прямо с телеги. А деньги очень уж были нужны. С горя мистер Ян в запой ударился – пошел в ближайшую забегаловку и сутки безвылазно там просидел. А свиньи меж тем, почувствовав нутром своим, что революционное время настало и не кормленная-непоенная скотина все больше в возмущение входит – объявили экспроприацию нажитого трудом несправедливым.

Мистер Ян об эту пору как раз домой возвращался. Увидел, что творится на ферме, ухватился за кнут, порядок навести – куда там. Как принялись за него животные, как начали его лягать, кусать и царапать – еле ноги унес.

Так ферма перешла к животным.

Первым делом, конечно, устроили обезумевшие от радости животные погром. Собрали со всей фермы хомуты и возжси, цепи и ошейники, кнуты и плети, всякие инструменты, с которыми мистер Ян управлялся, развели большой костер – и ну кидать в огонь. Все, что так ненавидели они в прежней жизни, – все сожгли. Радовались, плясали, скакали в свое удовольствие... А кролик Сенька еще и речь сказал. Долой, говорит, прежние орудия угнетения! Даешь, говорит, люстрацию в массы! Да здравствует, говорит, новая жизнь без эксплуататоров и кровопийц!.. Долой человека с фермы. И во веки веков теперь человеку на ферму ход заказан.

И со следующего дня зажили они по-новому.

Правда, как оказалось, жизнь по-новому не больно-то от старой отличается. Оказалось, что работать нужно все равно, несмотря на то что хозяина прогнали. И даже – больше. Надо ведь доказать, что без мистера Яна у них дела еще лучше пойдут, чтоб звери с окружающих ферм увидели и впечатлились. А уж хорошие времена чуть погодя наступят. Так свиньи во главе с Петькой решили, а Сенька до народа донес. И у животных причин им не верить не было. Все понятно: чтоб жить хорошо – нужно хорошо работать.

Затянув потуже пояса и с надеждой взглянув в будущее, животные впряглись в работу.

Но не все. Сами свиньи работать не торопились – сидели в самом большом сарае, заседали, решали, куда усилия фермы направить. Но кролик Сенька все животным объяснил – на общее благо свиньи думают, за всю ферму решают, как жизнь лучше сделать. В этот же сарай сносился и урожай: и зерно, и крупы, и рыба с пруда, и яблоки – все. Свиньи с важным видом принимали, записывали – как оказалось, научились они во время подготовки к Революции и читать, и писать – и скрупулезно подсчитывали. Добро это, объяснял кролик Сенька, пойдет на рынок, на продажу. А с рынка купят нужные вещи для фермы. Как свидетельство в том, что свиньи заботятся о народе, свин Петька взял под свое личное покровительство пятерых новорожденных щенков, что родились в эти дни у овчарок Турка и Ярки. Унес их на чердак большого сарая и сказал, что самолично за них возьмется, чтоб воспитать сознательных и ответственных граждан фермы, настоящих патриотов.

Долго ли, коротко ли – скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Прошло несколько лет. Свиньи руководили, животные работали. Но дела на ферме со времен Револю-

ции – как бы ни старались, как бы ни лезли из шкуры своей животные – не улучшились, а шли все хуже и хуже.

Во-первых, стало больше работы. После того, как прогнали Яна и покидали в огонь все ненавистные инструменты – оказалось, что при хозяине они здорово облегчали работу. Ферма большая. И вспаши, и засеи, и поливай, и удобряй, и сорняки выпалывай... По осени – сбор урожая, когда впрягались всем миром. Море дел! Но если раньше лошадь, запряженная в плуг, вспахивала за день многие сотки земли – то теперь на это уходило гораздо больше времени и сил. И так – везде, куда взгляд ни кинь.

Во-вторых, и еды-то не особо прибавилось, а наоборот – стало куда меньше. Все молоко, все яйца, все, что производилось на ферме, – по-прежнему относилось в большой сарай. Свиньи держали его на замке и никто из животных не мог сказать, сколько там есть и чего. Правда, свиньи говорили, что большее количество урожая меняется на рынке на спички, керосин или дрова для отопления – но приходила зима, а в стойлах и сараях тепла не прибавлялось. Кролик Сенька разъяснял недовольным, что печки топятся, а прохладно потому, что нужно заделать дыры в стенах. Только на это средств сейчас нет, а будут только летом, после продажи следующего урожая. И так было не только с теплом: обещаний много, но когда приходила пора «заделывать дыры», оказывалось, что средства пошли на более важные цели.

В-третьих – хозяйский дом. Когда прогнали мистера Яна, животные всем миром решили, что жить там никто не будет. Дом останется как память потомкам о хозяине-кровопийце. Дверь заперли, а по выходным устраивали экскурсии, показывая каждому новому народившемуся поколению хоромы эксплуататора и золотой унитаз. Но прошел лишь год – и свиньи вдруг переселись в его просторные светлые комнаты. А когда в народе пошли брожения – кролик Сенька разъяснил, что это необходимо для налаживания контакта с людьми-посредниками, которые забирают часть урожая и продают на рынке. В самом деле, не в сарае же переговоры вести...

В-четвертых – вдруг оказалось, что все окрестные фермеры желают им только зла. Если был неурожай пшеницы – объявлялось, что это не ошибка свиней, по указанию которых засеяли не то и не там, а происки товарища Иванова, чья ферма раскинулась на востоке. Если плохо картошка росла – объявлялось, что это навредил сосед на севере, фермер Лукашов, которого подговаривает вредить Иванов. Если не рожали яблоны – снова оказывался виноват сосед – к примеру, мистер Пиебьшевский, с западной стороны. А уже когда на корню гнили помидоры – тут, понятно, виноват мистер Туркофф, живущий на юге через речку. Ибо у него, как известно, целые плантации томатов, и конкурент ему не нужен.

И все это не считая прочих разных: то свиньи вдруг объявят, что нерадивое животное отныне будет наказываться; то обыск проведут, якобы шпиона с соседней фермы ловят; то объявят месяц без выходных, чтоб еще больше поработать на благо родной фермы... И животные вдруг, с какого-то момента, все меньше и меньше стали верить свиньям. Они сначала с недоверием, а потом и с откровенной враждебностью слушали очередные визги кролика Сеньки, что уже вот-вот совсем скоро... пережить только эту зиму... или – лето... или – после осеннего урожая... тогда-то и заживем! Однако проходили зима, лето, снимали урожай – но все оставалось по-прежнему.

Но последней каплей стал случай, когда свиньи вышли раз прогуляться перед ужином. Рядом с ними шел мистер Пиебьшевский, а свиньи, проходя по ферме с важным видом, разъясняли, как хорошо у них все устроено, как работают они не покладая копыток и как замечательно живет на ферме народ – в полном изобилии и ни в чем не нуждаясь.

Да не просто так они шли – на задних ногах и в хозяйской одежде! И переводя взгляд с человека на свиней, животные уже почти не различали, кто есть кто, ибо невероятно похожими они стали друг на друга.

Поняли тогда животные всю глубину того обмана, что сотворили свиньи. Родилось в них праведное и благородное негодование, и даже гнев! Ринулись они все как один на свиней, осознав, что теперь именно свин Петька и компашика его – и есть самые настоящие кровопийцы и угнетатели!.. Но свистнул вдруг Петька этак залихватски – и выскочили из дома пять здоровенных овчарок. Это были те самые щенки Турка и Ярки, которых несколько лет назад свиньи забрали для воспитания! Животные давно позабыли о них – но оказалось, что Петька позаботился о щенках, и позаботился как надо.

Овчарки навели порядок очень быстро. Того, кто пытался сопротивляться, погрызли, того, кто бросился назад – не трогали, лишь за ноги слегка покусали. Разогнали всех по стойлам и клеткам, по сараям, коровникам и конюшням. Навели страх и трепет. Смотрели на неудавшийся бунт свиньи – и лишь посмеивались. А кролик Сенька объявил, что раз не понимают животные, как хорошо они теперь живут, то задача свиней отныне – разъяснять более настойчиво и доступно.

И по сию пору ферма под игом свиным живет. И сможет ли подняться и сбросить власть свина Петьки – кто знает...

Эту сказку Серега тоже слышал не раз. И мораль тут одна: подстрекателей и проходимцев не слушать, думать своей головой. Иначе может вовсе уж нехорошее произойти. Совсем его в сон пошло клонить, дрема тяжелой рукой веки прикрывает – но стукнуло вдруг в дверь три раза, и сон с него сразу слетел. Очень редко бывает, что гости поздно заходят. Куда чаще – посыльный. Или маму в ночь вызовут, или отца, и всегда это значит – случилось что-то. Накрылся Серёга с головой своим одеялком, щелочку оставил – любопытно ведь. От его кровати аккурат и дверь видно, и батькин стол. Кто ж это пришел-то?..

Подошел батька к двери, открыл... и запыхтел Сережка, чуть с головой себя не выдал. Виктор Павлович! Все остатки сна, что еще оставались, разом сдуло. Зачем он здесь?!

– Здорово, Сергеич. Извини, если поздно – пока всех родителей обойдешь, уже и отбой, – тихонечко, боясь разбудить, прошептал воспитатель. Но у Сереги слух чуткий, враз услышал. – Как сын-то? Спит?

Оглянулся отец на кровать – Серега аж закаменел в неподвижности. Если так спрашивает – значит, серьезный разговор пойдет. И пропустить нет никакой возможности!

– Спит вроде. Умаяли вы их сегодня. Жена уж рассказала... Да ты проходи, Палыч, проходи, что в дверях стоять. Сюда присаживайся, у меня тут стол рабочий...

Вошел Виктор Павлович – Серега из норы своей во все глаза глядит, во все уши слушает. Уселись за ширмой. Мама зашевелилась, подняла голову от подушки, увидела, кто в гостях – и тоже, одевшись, к мужчинам под села. Хорошо, не проверила, как там сын под одеялом. Тогда все, полный провал.

– Я, собственно, насчет Сережки и пришел поговорить, – усевшись на табуретку, начал Виктор Павлович. – Про экзамены.

– Серега-то наш вроде на хорошем счету, – самую малость неуверенно сказал отец. Мама молчала, внимательно слушая.

– На хорошем, – улыбнулся воспитатель – и Серега под одеялом рот до ушей растянул...

– Так вот... Результаты самих экзаменов, скажу честно, на распределение не сильно влияют. Понимаете ли... мы с детишками каждый день с утра до вечера, знаем, конечно же, кто на что способен. Но итоговый экзамен – хорошее средство понять, как поведут они себя в различных ситуациях. В том числе – и в стрессовой. Ведь для шестилетнего ребенка такое испытание – самый настоящий стресс. Что-то новое, непонятное... И очень важное! Татьяна перед началом целую речь сказала – все для того, чтоб дети прониклись.

Экзамены проходили в форме игры. Первая игра – здесь мы глядим на внимание и память ребенка. Сергей задание выполнил на отлично, ни разу не ошибся. Вторая игра – воображение,

умение анализировать, связная речь и логичное мышление. Здесь у него твердая четверка. То, что он испугался и не смог про четырехсотого рассказать, – это нормально. Дети постоянно чего-то боятся – темноты, смерти... контроллеров. Да покажите мне такого ребенка, который не боится!.. Но он – расстроился, решил, что завалил. Расстроился, обратите внимание... Третья игра на числовое восприятие. Снова отлично. Четвертая игра: умение сосредотачиваться, выдержка, терпение, усидчивость. Здесь, пожалуй, смело можно ставить хорошо. Пятая – ловкость и координация движений. Тут он сплоховал – но напомним, что результаты мы не очень-то смотрели, вернее – брали их все, в совокупности. В «Башню» он не раз играл и часто выигрывал. Ну а пятый конкурс, полоса препятствий – просто безупречно. В физическом плане парень развит. Но самое главное, что показали конкурсы: в стрессовой ситуации Сергей рук не опускает, наоборот – собирается, концентрируется и показывает результат. Упрямый! Два раза он расстраивался, якобы сплоховал – и оба раза сумел собраться и победить. Так-то. Учитывая это, да и вообще результаты трех лет, что мы его наблюдаем, я бы рекомендовал Академию. Потенциал есть, и его нужно развивать. И еще... Я с детьми очень давно занимаюсь. Ну да вы наверняка сами помните...

– Помним... – покивал батька. – Сколько... лет двадцать, как обойму потерял?

– Двадцать четыре, – печально улыбнулся Виктор Палыч. – Да, время летит... С тех самых пор в саду и работаю. Так вот... Сообразителен; схватывает быстро; упорен; знает достаточно – для своих лет, конечно; физически развит, не увалень...

– С оружием на ты... – ухмыляясь, вставил батька, и Серега под одеялом снова расплылся.

– По моему опыту, по многолетним наблюдениям, такие дети зачастую оказываются в подразделении специальных операций. Если дать правильное направление. А это... сами понимаете. И почет, и уважение, и место в первых рядах. И достаток, что уж тут влиять... У простого работника тарифная ставка – час за час, а у бойца ПСО – умножай на два. И я бы на вашем месте очень крепко подумал.

Серёга лежал ни жив ни мертв. Подразделение специальных операций?! Его – в ПСО?! Может, ослышался он? Или спит уже и сон видит?! Вот же она, мечта! Краешком приоткрылась! Так что же родители? Что скажут?!..

Батька брови поднял удивленно, руками развел:

– Не знаю, Палыч... Я-то, конечно, не против, чтоб он по моему пути пошел. Но парень вроде в инженера метил... Хотя, в шесть-то лет – о чем тут разговор, раз двадцать еще мечты поменяются...

– Не знаю... – усмехнулся Виктор Павлович. – Сегодня только со мной на скамейке делился. В ПСО мечтает. Изю всех сил.

– С семи лет в казарму? – тихо проговорила мама. И по голосу ее понял Серега, что не горит она желанием сына в Академию отдавать. – Слишком быстро детство закончилось. И видеть его будем раз в месяц... И ладно бы если на Периметры. Но ПСО... Джунгли эти проклятые... Кровь, грязь, боль... и не дай бог инвалидность в итоге. Уж про другое я и думать боюсь... Мало тебе, что сам на протезе; мало того, что и отец твой руку потерял; хочешь и сына калекой сделать? Я против!

– Тебе напомнить, от кого жизнь Дома зависит? – нахмурился отец. – Да, я отдал ногу. А дед – руку! Но отдали за то, чтоб люди жили спокойно. Как ты вообще можешь такое говорить?..

Мама вздохнула длинно-длинно, будто кошмар отгоняя, помолчала немножечко, словно пытаясь что-то внутри себя перебороть...

– Извини, Дань. Не права, понимаю. Расстроилась, вот и ляпнула... Но почему так? Почему нельзя, чтоб мальчишка дома остался? Неужели он не научится военным премудростям, живя дома, в спокойной обстановке?! Без этой вашей казармы...

Батяка дернулся было объяснить, но Виктор Павлович его остановил.

– Погоди. Я скажу. Постоянно сталкиваюсь – частенько приходится мамулям и бабулям объяснять... Я уж, позволь, с самого начала картину обрисую.

Домашняя обстановка не даст того эффекта. Мамули и бабули всегда стараются оградить своих детишек – как же можно подвергнуть опасности жизнь любимого пирожочка?.. Да и некоторые папули тоже этим грешат. И вот уже понеслось удушье заботой: «А покушал ли... а вытер ли сопельки... а скушай лишний кусочек... ой, ну как же по-другому, мы так любим его, нашего драгоценного...», – состроив умильную физиономию, пропищал воспитатель. – И пяточки-то у него золотые, и жопка серебряная... В наших условиях, когда на каждых пятерых родившихся только двое здоровы, еще двое серединка на половинку, а пятого и подавно сразу в Отработку уносим – оно так и бывает. Я понимаю, это естественное желание каждого родителя – удержать ребенка около себя, дать ему спокойствие и безопасность... Но каков результат?! Детишки зачастую вырастают безответственными, инфантильными, безынициативными. Он привык, что о нем мамка с папкой заботятся – и до тридцати лет на шее так и сидит. У нас ведь немало таких среди гражданского состава. День на работе – вечером в «Силикозной печени» или в «Аварийном сейфе». Или дома на диване. По выходным – в Парке погулять или в киношку сразу на три сеанса. Библиотека, крысиные бега, компьютерные игры, кружки по интересам... все! И таких у нас немало!

– Раньше больше было, – возразил батяка.

– Верно, – согласился воспитатель. – Если до Смутных Времен спуститься – вообще две трети.

– Но и они же работают, пользу Дому приносят... – нахмурилась мама – однако Виктор Палыч отмахнулся.

– Да. Это так. Но почему? Бездельников у нас не любят, вот что. Изгоняют. И для кого-то лишь это является основной причиной вставать по утрам и двигать на работу. Если бы не руководство... если б не армейцы... – он развел руками, – Дом закончился бы очень скоро. Лет через тридцать после Грохота. И десять от прихода машин.

Больше тебе скажу! Восемьдесят лет мы живем на войне. Но как ни странно – даже сейчас среди гражданских есть те, кто не горит желанием драться за Дом. За свой дом! Да, теперь куда меньше; да, благодаря воспитанию молодежи мы избавляемся от подобных... Но они все еще есть. Они считают, что все за них сделает кто-то и где-то. Есть же армейцы! Они обучены этому! Пусть дерутся. И умирают. Хотя мы и воспитываем людей, стараемся прививать понимание детям – только не всегда получается. Упускаем мы детишек. Частенько упускаем... И результат налицо: процентов десять населения – инфантилы. А почему? Да потому что в детстве родители не сумели привить нужных понятий! С этого все идет!

– Мой таким не будет, – покачала головой мама. – Мы своего воспитываем. Если правильно воспитывать, давать правильные понятия, содержать ребенка в любви и заботе, в безопасности... Сам же говоришь – с детства прививать! Вот и прививаем.

Виктор Павлович покачал головой.

– Пока он рядом – ты можешь его контролировать. Но он подрастет. Пойдет в школу. И все меньше времени ты будешь его видеть. И уже не сможешь следить за ним от и до. А дети – разные. И у них свои компании и свои разговоры. И однажды, связавшись с детишками, которые нами упущены, которые уже восприняли понятия о жизни от своих родителей, твой дорогой Сережка – не дай бог, конечно! – скажет тебе вдруг: а почему я должен драться за Дом, если дядя Вася, Петькин отец, говорит, что лучше в игруху зарубиться или в барчике посидеть... Отбыть кой-как смену – и домой на диван. Эта гадость очень быстро в башке зацепляется. Ты хочешь себе такого сына?..

Мама молчала. А для Сергея сказанное Виктором Павловичем – хоть и понял он едва половину – вообще откровением оказалось. Он-то в полном убеждении, что в Доме все как мама и батя, все на пользу работают!..

– А все почему?.. – спросил Виктор Павлович – распаляясь, он говорил все громче, все жарче и убедительнее, и уже батя не раз на Сережкину кровать поглядывал – и сам же ответил: – А потому, что сейчас, с самого детства, не дали внутреннего стержня. Нет его! Нет этого фундамента, на который опирается человек!

В ПСО нам нужны люди с мощнейшим внутренним стержнем. С железобетонным фундаментом. И строить этот фундамент нужно с малых лет. Я не утверждаю, конечно, что дома вы не сможете привить ему правильных понятий – но Академия занимается этим семьдесят лет. И осечек почти не бывает.

Тут ведь все просто: важен пример. Не имея перед собой каждодневного примера в лице старших товарищей, в лице Наставников и преподавателей, в лице бойцов и офицеров подразделений... но имея перед собой примером дядю Васю... очень легко встать на путь наименьшего сопротивления. А потому берем свою жалость в кулак, пихаем на дно сундука – и в чужие люди его. Или мы растим воина – или гражданского. И если воина, то начинать нужно сейчас. Потому и решать сейчас. Выбирать вам. И ему, конечно же.

– Со всем этим я согласна, – покивала мама. – Возразить нечего. Но так и не поняла, почему он не сможет научиться этим вашим военным премудростям, живя дома, в спокойной обстановке?!

Виктор Павлович растерянно заморгал и замолк, озадаченно уставившись на нее. Потом складки на лбу его разгладились, он улыбнулся и смущенно поскреб затылок.

– Да... Наверно, сумбурно начал и чуть в сторону ушел... Но это ничего, это для того, чтоб ситуацию обрисовать. Смысл сказанного в том, что Академия даст ему, во-первых, идеологическое воспитание. Понятия о родине, достоинстве и чести. То, без чего встать насмерть за свой Дом и, если понадобится, умереть – человек не сможет. Это – первая составляющая настоящего воина: абсолютная преданность родине. Ну а вторая – те умения, которые он приобретет. И здесь без Инициации никак...

Инициация – это некий психологический переход, связанный с болью и принятием важных решений. Словно перелом в жизни. Инициация длится не один день и даже не год – это целый период, включающий в себя несколько важных составляющих: отделение мальчика от матери, изъятие из семьи с ее атмосферой тепла и безопасности; переживание дискомфорта и неуверенности, страха, когда необходимо принять важное решение внутри себя; обучение; и, наконец, финальное испытание, когда молодой воин показывает свою готовность. Древние знали это и использовали в подготовке воинов, когда с пяти-шести лет мальчик начинал воспитываться строго в мужском коллективе. Притом учти, в древнем племени все без исключения мужчины – воины и охотники, и такую инициацию проходили все. Это присутствовало и в системе подготовки у славянских племен, когда мальчика в три года сажали на коня и сызмальства обучали владению оружием. К четырнадцати молодые дружинники в совершенстве владели верховой ездой, луком и копьем, мечом или секирой, они умели охотиться и ловить рыбу, добывать огонь и воду... И уже бывали в бою! А «мамки» и «дядьки» в России царских времен?.. До трех-четырех лет ребенка растила мамка, после – дядька. Причина та же. Или «сын полка»?.. Был некогда такой феномен в русской армии, причем на протяжении целых столетий, когда ребенок, сирота или беспризорник, брался на воспитание регулярным армейским подразделением. И впоследствии из таких ребят получались настоящие бойцы. Позднее, во времена Советского Союза и России, эту роль отчасти взяла на себя армия. Туда призывали от восемнадцати. Она в какой-то мере тоже способствовала воспитанию: ведь это та же стрессовая ситуация, когда молодого человека отрывают от титьки и бросают в казарму, в мужской коллектив... Но нам сейчас мало этого! Восемнадцать – это слишком поздно! Восемнадцать –

это значит, упущено время, когда молодой человек словно глина, из которой можно лепить что хочешь! Сравни: начать работать с оружием в десять – или в восемнадцать?.. Начать получать специальные знания в одиннадцать – или в восемнадцать?.. Начать работать над своим телом в двенадцать, совершенствуясь ступень за ступенью – или в те же восемнадцать? Есть разница?

Мама, соглашаясь, молча склонила голову. Еще бы! Это и Сережка у себя под одеялом понял. Кто быстрее начал – тот и успешнее! При прочих равных.

– И это лишь один аспект, – продолжал Виктор Палыч. – А боевое братство? Ребята, с которыми ты с детства в одной казарме... Они уже не просто твои друзья, это нечто более важное... За них и драться будешь как за самого себя. А ведь именно это – важнейшая составляющая армейского подразделения! Поэтому – нет. Без казармы – не получится. Без этого настоящего воина не сделаешь. Здесь не то чтоб бойцом стать... простенькими яйцами-то обзавестись проблема. Это – психология человека, мужчины, против нее не попрешь.

– Откуда это все известно? – из-под одеялка Сережка увидел, как мама нахмурилась. – Мы про свое-то прошлое едва знаем, только общие вехи – а тут целый пласт...

– Это закрытая информация. Она не секретна... – Виктор Павлович помедлил, видимо, подбирая слова, – ...но и не в открытом доступе. Гражданским незачем знать. В Академии есть группа психологов, которые тесно работают с Научным отделом. Их основная работа – следить за воспитанниками, вести беседы, наблюдать и делать выводы. Изначально это был один человек...

– Родиков Олег Сергеевич, – кивнув, вставил отец.

– ...с которого все и началось. Именно он настоял на такой схеме. Он умер шестьдесят лет назад, запустив процесс, дав общие начала. Теперь же это небольшая группа из четырех человек, которая только этим занимается. И вся наработанная нами база говорит о том, что это самый правильный путь.

А еще вот что скажу напоследок... Как это ни парадоксально, но в нашем мире куда больше шансов выжить имеет именно боец. Даже несмотря на то что он постоянно подвергается опасности. И в десятки раз больше шансов выжить имеет боец ПСО. Ты в Госпитале работаешь, статистику должна знать. После каждого наката мы десятки гражданских теряем. Вояк ПБО – в разы меньше. А уж ПСО и подавно: один-два. В среднем. Хотя стоят они, заметь, – Виктор Павлович поднял палец, – на самых опасных направлениях. Это тебе последний аргумент.

И мама сдалась.

– Ладно. Я все понимаю... – вздохнула она. – Только надеялась, что Сережка никогда в Джунгли ходить не будет. Как посмотрю на твою ногу – так сердце и замирает...

Отец отмахнулся.

– Это самое малое, что взяла паутина. И хуже бывает. Гораздо хуже.

– Этого я и боюсь... – мама снова вздохнула, понимая, что вопрос с Академией, считай, решенный. – А как там с программой? Сложная? Небось, потруднее, чем в общем потоке?

– Труднее, не спорю. Углубленная, расширенная... – согласился Виктор Павлович. – По интенсивности очень близка к «А» классу. Но в Академии сразу упор на военную составляющую, а у научных – на... хм... науку.

– А потянет он?

– Начнет отставать – переведем на гражданку. Бывает такое, как бывает и обратное. Станет инженером. Да только вряд ли. Потянет он. Дед – вояка, батя – вояка, сын... гражданский? Да его одно только это будет вперед тянуть! Династия! – и Виктор Павлович улыбнулся. Поднялся, протянул руку батю. – В общем, не буду рассиживаться. Думайте. Но рекомендацию Совету я подам, распишу как есть. И большая просьба: прежде всего Сережке выбор предоставьте. Это его жизнь, ему и решать.

Отец кивнул и, попрощавшись, закрыл за гостем дверь. А после сел за стол напротив матери, и оба они надолго задумались. А Серёга, хотя и мало что понял из взрослого разговора, не колебался ни секундошки. Самое-то главное он уяснил: открылась дорога ему к армейцам! С оружием в руках защищать Дом! Это ж самая почетная профессия, которая только бывает! А что контроллеры... так и ладно. Может, и пройдет страх... Небось, взрослые-то не боятся. Тем более когда пулемет в руках. Вырастет – таким же сильным и храбрым станет, как и офицер-спецназовец! Держит оборону и ни капельки не трусит. Завтра с самого утра нужно непременно батьке сказать, что в военные желает. А то как бы в самом деле в инженеры не записал. А работать инженером после того, как тебя военная жизнь поманила – ну нет же никакой мочи! Нет, подумать только – в военные!.. Вот жизнь теперь пойдет!..

Так, в мечтах о своей взрослой жизни, он и заснул.

Глава 3. В ДОРОГУ?..

Пока шли через Парк, внимания было хоть отбавляй. Вернулась обойма ближе к вечеру, когда рабочий день уже закончился, и люди отдыхали, проводя остаток времени до отбоя. Парк – разбитый в Галерее под западной стеной Внутреннего Периметра сквер, расчерченный клумбами и дорожками, засаженный кустарником и деревцами – место популярное. Здесь и прогуляться можно, и на скамеечке посидеть. Деды за столиками в картишки, в домино забивают, или в шахматы, в нарды; бабки по лавкам сидят, тряндят о своем, кости перебивают; дети – на площадках гоняются, на качелях-тарзанках, на лазелках, в прятки-догонялки; взрослые – по парам, прохаживаются. Кто-то и в забегаловки подался. Обычный вечер после рабочего дня. Гул разговоров, галдеж, детские крики, смех... И когда из темного зева ворот Внешнего Периметра один за другим начали выныривать бойцы, а следом и платформа с громоздящимся на ней кентавром – это не могло остаться незамеченным. Обойма с выхода вернулась, в полном составе и с добычей. Да с какой! Каждый видел громадину контроллера на платформе и каждый хотел поприветствовать, поздравить с удачной охотой, пожать руки или просто похлопать одобрительно по плечу. Многих людей Сергей знал, со многими дела имел – а еще больше знали его или бойцов группы. Да что там «больше»... почти все. Математика здесь простая. В Доме – почти пять тысяч населения. Это и мужчины и женщины, и дети и старики. Многие друг друга знают, если и не лично, то наглядно, многие на короткой ноге, многие дружат не разлей вода. Все на виду. А уж командиры ПСО – и подавно. Их таких всего семеро. Кто куда ходил, кто что добыл, кто в полном составе вернулся, а кто не очень... за один день слух по Дому разносится. И одобрение людское или осуждение – тоже.

– Вот это я понимаю, Карбофос... – хватал он отдельные реплики из толпы.

– Третья обойма молодцы, что тут говорить...

– Слава богу... После прорыва – но все тут...

– Ну, за вчера-сегодня улов у каждой обоймы богатый. Даже удивительно...

– Опять на Доске будут висеть...

Сотников, пожав с полсотни рук и выдержав раз в пять больше хлопков по бронированному загривку, улыбаясь, крутил головой во все стороны – и вдруг углядел среди радостных физиономий Плотникова, одного из старейших работников Мастерских.

– Егорыч! Егорыч! Егорыча пропустите! Алексей Егорыч, сюда давай! – перекрывая гомон толпы, закричал он.

Старика тут же услужливо подпихнули и, принаравливаясь к скорости обоймы, он затрусил рядом.

– Здорово, Алексей Егорыч. Как здоровье твое драгоценное?

– Да как... Скрывим, но едем, Серёга, будто сам не знаешь, – ответил дед. Был он росточку небольшого, но весь такой крепенький, жилистый, и движения совсем еще не стариковские. – Этого куда? Сразу в приемку?

– А что тянуть-то. Там кто сегодня?

– Да малой дежурит. Я сутки отпахал без продыху, решил вот проветриться...

Серёга поморщился. Малой – недавно принятый парнишка-приемщик. Юра, кажется. Опыта маловато, возится долго... А после Джунглей хотелось быстрее в душ. Смыть с тела пот и тонкую пленку налета, осевшего после прорыва, постираться, вычистить оружие и снарягу. И отбиться часов на пятнадцать.

– Слушай, Егорыч... Может, примешь у нас? Малой этот ваш очень уж долго возится, – попросил он старика. – Ты ж профессионал приемного дела, десять минут – и готово. Помоги, а?..

Егорыч ухмыльнулся.

– Ладно, что ж с тобой делать... Пойдем, оформлю вас ускоренным методом.

– Вот спасибо! А за мной не заржавеет, сам знаешь...

– Да ладно, ладно, – улыбнулся дед. – Принесешь, как будет.

Алексей Егорыч коллекционировал пачки из-под сигарет. Такой коллекции, как он – никто в Доме не сумел собрать. Сам не курил – очень уж дорогое удовольствие, дефицитное, да и здоровья не прибавляет – но коллекционером был страстным. Одна из стен в его небольшой комнатке была сплошь уставлена пачками, одна к одной. И на русском языке, и на английском, и на не поймешь каких еще. Была даже отдельная колонка пачек со странной вязью букв-загогулин – Илья авторитетно заявлял, что это арабские. Знайка на то и Знайка, чтоб знать. Порой скажет такое, что и в памяти-то людской уже не сохранилось... С самого первого выхода Сотников носил Егорычу все, что находил в Джунглях – и старик, прочно имея его в поставщиках, тоже нередко помогал по своему профилю.

– Новости-то есть?

– Новости-то? – ухмыльнулся Егорыч так, что Сереге сразу стало ясно: новости действительно есть. Отсутствовали они почти неделю, шесть полных дней. Если б не прорыв – быстрее обернулись, но тут уж не угадаешь. И за это время что-то да произойдет. – Тебе в каком порядке? Чтоб сразу крышу сорвало или опосля?

– Давай по нарастающей, – усмехнулся Сотников.

– У Макеевых пацан родился, в Госпитале говорят – вполне здоровый, – начал загибать пальцы Алексей Егорыч. – На Внешнем Периметре в южном УРе⁴⁶ с первым ДОТом⁴⁷ закончили, ввели в работу. Трех в Отработку отнесли – двое из Госпиталя, бойцы с западной стены, так и не оправились после ранения, третий – Иванцов Сергей Петрович, преклонных годов старикан, шестьдесят пять месяц назад исполнилось. Дед Никита снова слег, сегодня утром под капельницу уложили. Древний уже... Даже и не знаю, встанет ли в этот раз. И Яшка Кондратьев достукался, выгнали к чертовой матери. Отверженный теперь.

– Это и все? – удивился Серёга. – А говорил – крышу сорвет... С Кондратьевым давно к тому шло. Вслед за папаней... Деда Никиту вот жалко.

– Это только из рядовых, – покачал головой Плотников. – Из остального... – он вздохнул. – Сначала плохое. Светка Ильина с сыном потерялись. Два дня назад. Поехали на Плантации и от мотовоза на стоянке отстали.

– Искали? – спросил Серега. Новость и в самом деле была хуже некуда. Гражданские в паутине долго не живут, тем более – мать с ребенком.

– Искали, конечно... И посейчас поисковая группа в паутине... Но пока нет результата. Жалко Кирышку, пацанчик умный, всегда мне нравился...

– Хреново, – покачал головой Наставник. – Тут остается только надеяться, что к аварийной капсуле выйдут, отзвонятся... А из хорошего?

– Вчера одна обойма с выхода вернулась. И сегодня до вас еще две. И все с такой добычей... – не найдя подходящего слова, Егорыч покрутил в воздухе рукой. – Короче, не хуже вашего двухтонника, а то и получше. Того и гляди Доску придется расширять...

– И что принесли? – ревниво вклинился Злодей.

– Бетон пять КШР-400 притащил. Говорит – одного за другим нашлепал. Фугас – вообще на ППК наткнулся. Как начали кадавры его чехвостить – еле ноги унес. Но на отходе зацепил трех пятисотых. И под занавес вам – Гвоздиличи за двое суток на нашем горизонте урожай собрали: три четырехсотки и боевую группу из двух пятисотых и паука. Я почему и говорю –

⁴⁶ УР. Укрепленный район, укрепрайон. Группа укрытий, ДОТов, окопов с переходами, блиндажей, сосредоточенная в одном месте.

⁴⁷ ДОТ. Долговременная огневая точка. Отдельное малое капитальное фортификационное сооружение из прочных материалов (бетон, железобетон), предназначенное для долговременной обороны и стрельбы различными огневыми средствами из защищенного помещения (боевого каземата).

сутки без продыху отпахал. Как началось вчера с обеда – один за другим, один за другим – так до конца смены сегодня и шло.

Сергей глянул на Знайку – Илья хмурился, запустил пятерню в свой ирокез, и вид у него был встревоженный. Да и сам он тоже ощутил нечто подобное. Странно... Неужели снова накат?

– И что же – все целые? – продолжал гнуть свою линию Паша. – Такую ораву собрать – это уже не охота... Это война, самая настоящая.

– Да какой там целые... – отмахнулся Плотников. – Покоцаны, конечно, порядком... На каких и вовсе живого места нет, так, отдельные элементы да шасси... Не церемонились с ними, понятно, садили куда попало. Ну так и драка какая, тут вряд-вряд отбиться...

– Что Совет говорит? – спросил Наставник.

– Совет не собирался пока. Я так понимаю – ждали обоймы. Еще две на выходе, Большой Папа и Сова. Сову-то, кстати, за Светкой и отправили. Ночью должен вернуться.

– Если все планоно – Большой Папа тоже ночью придет, – кивнул Петр Иванович. – Я перед выходом в Комендатуре уточнял. Значит, Совет соберется завтра утром, край – к обеду. Ну а нет... тогда уж и не знаю. Отдельно доведут. Потери есть? Наверняка есть, не может быть, чтоб без потерь...

– Есть... – подтвердил Егорыч. – У Бетона двое погибли и у Фугаса двое ранены, один убитым. Но добыча хорошая, причем – разом у всех. В общем – все герои, – подытожил он. – Завтра же опять на Доске будете висеть всей обоймой. И вы, и остальные.

Ребята заушмылялись – приятно, конечно, в передовиках производства числиться. На Доску Почета вешали обычно фотографии тех, кто приносил самую большую пользу. Висело там немало народа из всех хозяйств Дома – и с Ферм, и с Плантаций, и с коммунальной службы, и с Мастерских, и с армейского состава. Висели нередко и они, третья обойма. Да только как пошла неудачная полоса – сняли их. А теперь-то, конечно, добро пожаловать назад.

Однако Сергей этой радости не разделял. Добыча – добычей, почет – почетом... но размен слишком уж нехорош. Три человека погибли, двое ранены. Такими темпами за месяц от ПСО ничего не останется. Это первое. А второе – чрезвычайно напрягал его наплыв контроллеров. Неспроста это... Вот и Наставник тоже думает что-то, сморщился, будто горькую таблетку проглотил. Ладно, завтра поглядим. Совет должен обязательно отреагировать – собраться, обсудить. И вероятнее всего расширенным составом. А это значит, что и Наставники, и все командиры обойм тоже. Нужно быть готовым к завтрашнему дню – отмыться, отоспаться, данные по трофеям подбить. Ну да этим Злодей займется, его обязанность.

Пока размышлял – дошли до ворот Внутреннего Периметра, коридора, ведущего сквозь стену внутрь Дома. Поверху, над проемом, под выпирающим надвратным ДОТом второго уровня, на сером бетоне горела гордая ярко-красная надпись, ежегодно подновляемая комендантской службой. Верхняя строка – три огромные буквы: «Д.О.М». Ниже – буквы вполтину меньше: «ВШ/300». И третьей строкой: «Западная галерея». Что означала средняя надпись – не знал никто, подновлялась она по традиции. Ну а «Д.О.М» – понятно что: Дом, родина, самое безопасное место в этой преисподней.

Коридор был не очень широк, две грузовые платформы разойдутся – и достаточно. Специально так продумано строителями, чтоб максимально доступ внутрь затруднить. Сами ворота, многотонная стальная плита внутри стены Периметра, сейчас подняты – но в любой момент готовы обрушиться вниз, гильотиной отсечь Дом от внешнего мира. Шагая по коридору до транспортного лифта, Сергей в который уже раз с уважением подумал о предусмотрительности тех, кто построил Дом – защищенность его от внешних посягательств была невероятна. Да и общее строение грамотно спроектировано.

Фактически Дом представлял собой огромный прямой параллелепипед⁴⁸ высотой чуть больше тридцати метров, источенный, словно муравейник. Коридоры, переходы, жилые отсеки, производственные помещения – все это находилось внутри и располагалось на трех уровнях. Нижний – жилой; средний – администрация, Детский сад, Учебный Центр, и прочая социалка; верхний – Мастерские, склады, системы жизнеобеспечения, Энергоблок, Серверная, Убежище с Библиотекой, Лаборатория, Арсенал. Этот параллелепипед был вписан в цилиндр, имея совместные верхнее и нижнее основания. Вне параллелепипеда, в цилиндре, оставалось достаточно места, но жизненное пространство в паутине невероятно ценно, и люди освоили и его. Это пространство называли Галереей. С западной стороны здесь разбит Парк, с северной – Фермы, восточная – плац, южная использовалась как армейский тренировочный центр: полоса препятствий, тактическое поле, тренажерка, блок содержания кукол, стрельбище, полигон испытания вооружений... да много чего еще. Внешние плоскости параллелепипеда – монолитные стены – и назывались Внутренним Периметром. Протяжённость каждой стены – добрых две сотни метров. Внутри огневые точки, ДОТы с бойницами, которые смотрят в Галерею. Таких ДОТов в каждой из четырех стен – по тридцать три: десять на первом уровне, с тяжелым вооружением; одиннадцать на втором, тоже крупный калибр; и на третьем уровне двенадцать дотов для мелкой стрелковки. По углам Дома – башни. Вся Галерея, если смотреть из ДОТов, особенно из самых верхних, – как на ладони, просматривается и простреливается. И загромождать ее капитальными постройками высотой больше трех метров категорически воспрещалось. За Внутренний Периметр, непосредственно в Дом, прорывались один-единственный раз, во время наката в сто сорок шестом году, после ухода Второй экспедиции. Драка была страшная, самая кровавая в истории общины – но и тогда механизмы не смогли Дом взять. И все благодаря не только армейским подразделениям, но и гражданским, ибо по тревоге в ружье ставилась вся община. Стальная плита Мемориала была сплошь исписана именами героев-защитников, и помнили их поименно, традиционно выкликая в строю на торжественных построениях. А вот Внешний Периметр частенько прорывали. Ну так он и похлипче будет – Внешним Периметром назывались УРы, возведенные в Галерее. Всего укрепрайонов восемь: четыре прикрывали ворота, ведущие из Галереи в Джунгли – северные, южные, западные и восточные, – и еще четыре прилепились к внешней стене напротив башен, чтоб прорвавшихся в ворота с флангов косить. Целая система, неприступная цитадель. И кто ее придумал и спроектировал, когда построил – поди знай...

Перед лифтом Сотников распустил обойму по домам. Пусть отдыхают. Смысла тащить всех в Мастерские нет, тамошняя дежурная смена сама справится – на то у них куча самых разнообразных инструментов есть. Ошкурят буратинку как миленького. Оставил только Одноглазого да Злодея – один платформой рулит, другой полный расклад по добыче для командира собирает.

Лифт, погромыхая на стыках направляющих, поднял их на третий уровень. Сразу же от лифта повернули направо, к воротам №1. Конфигурация всех уровней была примерно одинакова: двадцать четыре одинаковых блока, разделенных коридорами, опоясывает уровень транспортная галерея. В каждом из блоков – помещения различного назначения, которые зачастую соединялись внутренними дверями и переходами. Каждый блок – а то и два-три – занимала та или иная служба: Мастерские, Арсенал, коммунальщики, блок жизнеобеспечения и прочие. Отличие уровней только в том, что первый и второй имели один общий зал высотой с два уровня, называемый Площадью, а на производственном уровне в центральном зале, аккуратно над Площадью, находилось Убежище.

В дневное время третий уровень гудел людским разноголосьем, громыхал станками из-за закрытых дверей, дышал воздухом с запахом каленого металла или ароматами пищи, кото-

⁴⁸ Прямой параллелепипед. Параллелепипед, у которого 4 боковые грани прямоугольники.

рую готовила Кухня. Сейчас же, вечером, коридоры были пусты, лишь иногда пробежал запоздавший или оставшийся доделать неоконченную работу человек, да прогуливалась дежурная смена. Мастерские тоже опустели, только молодой парнишка за столом приемщика – тот самый Малой, о котором говорил Егорыч. Пока загоняли платформу да пока Юрий подгонял кран-балку, чтоб вздернуть контроллера, Серёга присел на скамью в уголке. Подустал что-то за день. Привалился к спинке, прикрыл глаза – и очнулся только, когда Пашка осторожно потряс его за плечо.

– Серег... Серега!.. Ты шел бы домой. Мы тут и без тебя справимся.

Сотников, продрав глаза – очень уж сладко задремал, – огляделся: железная туша уже висела на цепях, и молодой помощник крутился вокруг нее с плазменным резаком, примериваясь, с чего бы начать. Рядом, уперев руки в боки, стоял Егорыч, с изрядной долей скепсиса поглядывая на него.

– Давай, командир, что ты в самом деле, – поддержал его Макс. – Нам тут делов на полчаса. Ща Егорыч ускребется, и на боковую.

– Список в двух экземплярах. Один сегодня в Комендатуру, второй мне завтра утром принеси, – поднимаясь, сказал Сергей. Закинул на плечо СКАР, обменялся рукопожатием с ребятами. – Часам к девяти. До Совета нужно почитать, посмотреть, сколько мы в Арсенал добавили.

– Сделаю, – кивнул Пашка.

– Э!.. Сергей! Серёга!.. Погодь-ка... – от платформы махал рукой Алексей Егорыч. Подошел, протянул сухонькую ладошку. – Уходишь уже?

Сотников кивнул.

– Ну, лады. Давай, отдыхай. Я это, чего вспомнил... Еще новость-то я забыл сказать. Тот мужик, которого вы на днях приперли... так ведь и помер. Правда, говорят, перед этим в себя на короткое время пришел. Вызвали к нему Самого. Он из палаты всех выгнал – и о чем-то с ним один на один говорил...

– О чем же говорили? – спросил Злодей.

Алексей Егорыч развел руками.

– Да разве скажет? Говорит – ничего важного рассказать не смог, помирал... Но я все же думаю – что-то сказать он успел... Не зря же он там кучу времени проторчал.

– Если что и сказал – думаю, генерал сам разберется, важно это или нет, – сказал Серега. – И если необходимо – вынесет на Совет.

– Так я ж разве что против говорю? – пожал плечами Егорыч. – Спросил новости – вот и докладываю...

Сам – так за глаза называли Главу Совета. Генерал Важняк Владимир Иванович, фактически – глава общины. Правда, в том, что Важняк говорил со стариком, Сергей ничего особенного не видел. *Попахивающей* историей и должен заниматься тот, кто в курсе дел общины, причем – как общеизвестных, так и засекреченных. А вот о чем они общались – это да, очень интересно послушать... Но тут уж как руководство посчитает. Нужно будет – доведут. Нет – значит, не для широкой огласки информация.

На том и распрощались.

Жилые отсеки личного состава ПСО располагались в северо-восточной части жилого уровня, в блоке номер пять. Каждый блок – как отдельно стоящий дом. Три этажа, на каждом по тридцать шесть отсеков. Словно соты в улье. Площадь отсека – двадцать квадратов. Это – стандарт. Бывали комнаты и по сорок – но это уж если совсем большая семья, пять человек и больше. Или для руководства, для начальников служб.

В каждом отсеке для личного состава селилось четыре бойца. Уже не казарма – но пока и не свое жилье. Командиру же – да, отсек полагался отдельный. Привилегии. На то и коман-

дир. Семейных в подразделении нет – хоть Уставом и не запрещено, но начальством не одобрялось, да и общественностью тоже. Уволишься на гражданку – тогда пожалуйста. Тогда и комнату выделяют, и семью можно завести – и даже не можно, а нужно, община сама давить начнет. ПСО – подразделение постоянной боевой готовности, ночь-полночь, а если дернут – будь готов в течение пяти минут. За исключением увольнительных дней, конечно. Да и пропадают неделями неизвестно где. Опять же и служба какая: сегодня на своих двоих вернулся, а завтра приносят... Какая тут семейная жизнь? Впрочем – от увлечений женским полом пацанов отвлечь совсем невозможно, и командование это тоже прекрасно понимало. Бывали и у Сереги в разные времена увлечения, и не одно... Но это пожалуйста, личное время на то и существует, чтоб своими делами заниматься. Если же в результате получался здоровенький ребеночек – это жизнь, бывало и такое – тут уже варианты различные. Куда чаще – бойца переводили в подразделение боевого охранения, и тогда он имел полное право официально завести семейство; реже – ненаглядная ждала твоего дембеля, а ты приходящий папа. Других вариантов не существовало, и это, пожалуй, было наиболее мудрым решением в данных условиях: бойца ПСО от долга перед Домом ничто не должно отвлекать. И уж коль вышло так, что папкой стал – сиди дома, в обороне, семейство свое охраняй. Изначально так заведено, раз и навсегда.

Серегин отсек 6—3, самый верхний и угловой. Как прошел Инициацию и собрал обойму – сразу комнату и дали. Попасть к двери можно по металлической лестнице, которая поднималась до платформы с перильцами, опоясывающей блок по периметру второго и третьего этажей. Здесь же рядом и комнаты остальных бойцов. Оно, конечно, нехорошо так говорить – да только пропажа третьей обоймы в полном составе на руку тогда сыграла. Удобно же, когда ребята под боком, через стенку живут. Если тревога или общий сбор – вышел на платформу, гаркнул командирским голосом, нажал кнопку оповещения – и спустя короткое время обойма в строю. Сам отсек разделен на две части перегородкой, только узкий проход у стены оставлен. В первой, большей, – рабочая область. Здесь у Сереги стоял металлический шкаф с оружием и боезапасом, второй такой же с комбезами и снарягой, которой за семь лет скопился целый баул, два комплекта брони – на выходы и для местных операций, на случай обороны Дома. Слева от двери верстак с кучей инструментов, справа – стол с лавками для командных сборов. Здесь же и железный стул Дровосека, массивностью своей смахивающий на трон – сварен специально, чтоб Паша громадой своей экзы не занимал половину лавки разом. Над столом на стене – рисунки в исполнении Знайки: тут и командир, и Дровосек, и Гришка Букаш, и вся команда кучей, и контроллеры с разных ракурсов – рисовать Илья любил, иногда даже на вечернем привале карандашом по планшетке чиркал. Правда, следуя известной поговорке «я художник, я так вижу», на рисунках кое-что немного преувеличивал. Тот же Серега, например, был изображен с легким переизбытком мышечной массы... хотя может и нет, это смотря какой период брать – сразу после возвращения из Джунглей или как недельку дома посидит.

Задняя часть, меньшая, была отдана под жилую – сваренная из металлических уголков кровать с тонким самонадувающимся матрасом, обеденный стол, шкаф для одежды, дверь в санузел. Из уютностей – большое потертое кресло, которое обойма презентовала на трехлетие командирства, и низенький столик. И где только нашли, черти... А еще – настольная лампа. Та самая, которая в родительском отсеке когда-то стояла. В общем, ничего так устроился, просторно, уютно.

Захлопнув за собой дверь, Сергей сразу же содрал разгруз и транспортный пояс, снял броню и комбез, стащил ботинки, кучей свалив все у порога, – и прошлепал прямым в душ. Стирка – потом. Сначала нужно смыть с себя прорыв. Газ, пройдя сквозь одежду и толстую спецткань серебрянки, осев на теле, превратился в тончайшую пленку. Теперь он уже не опасен – но неприятно стягивал кожу, вызывая раздражающий зуд. А расчесывать нельзя, только хуже будет. Этак можно и до мяса содрать. Да и как чесаться, если по всему телу броневого плит повешано.

Прорывы были еще одной опасностью паутины. Причем опасностью, которой уступали даже контроллеры. Если с механизмами еще можно как-то справиться, то с прорывом боролись только пассивным образом – упаковавшись в защиту, лечь и покорно дожидаться своей участи. А участь попавшего под прорыв очень часто оказывалась незавидной...

Газ бывал разных видов, за долгие годы обитатели Дома установили это опытным путем. Был такой, который всасывался лишь слизистой оболочкой – от него легко спасал обычный респиратор или противогаз, не говоря уж о системах дыхания замкнутого цикла. Если в воздухе повисла красноватая пелена и голос определил коэффициент ноль-два – противогаз на физиономию и можно ни о чем не волноваться. Был газ, который хоть и проникал в организм сквозь кожные покровы, но для защиты достаточно плаща-серебрянки с противогазом. Узнавали его по зеленоватой дымке и коэффициенту ноль-пять. Еще бывал светящийся голубоватый – но это самое простое, это обычный радон⁴⁹; хоть и радиоактивный, но коэффициент проникновения ноль. Эти газы не представляли большой опасности для хорошо подготовленного бойца – средства защиты всегда под рукой. Да, хватанешь – мало не покажется, на месяц, а то и больше в лазарет. Однако это еще цветочки... Куда страшнее был «Агент-альфа», как называли его ученые. Именно о нем вещал женский голос, называя коэффициент проникновения. Ноль-девять, девяносто процентов. Всасываясь через кожные покровы, этот газ мгновенно попадал в кровотоки. И хотя защита отсекала некоторую часть, снижая концентрацию, – оставшегося хватало с избытком. Последствия для человека, попавшего под этот прорыв, были жуткие. Полная потеря памяти; спазмы – да такие, что собственные мышцы в труху перемалывают, кости ломая и суставы выворачивая; головные боли, когда готов себе башку оторвать или просверлить дыру в черепе, лишь бы избавиться от жуткого давления, обручем сжимавшего мозг; мерзкого вида лишаи, словно броня покрывающие кожу, трескающиеся и сочащиеся белым тягучим гноем; мокнувшие язвы, разъедающие плоть... Вариантов достаточно, один отвратительнее другого. Но куда хуже были те, которые вызывали серьезные изменения на генном уровне. Никаких монстров-мутантов с клыками и когтями, как в ужастиках, все прозаичнее – и вместе с тем страшнее: синдромы Дауна⁵⁰, Патау⁵¹, Эдвардса⁵² у детей попавшего под прорыв родителя, были делом обыденным; уродства, рак, патологии организма, сиамские близнецы различной степени неразделенности – прорывы мгновенно и безжалостно отражались на потомстве. И нельзя было с уверенностью спрогнозировать, здоровым родится ребенок или нет. Всякое бывало: иногда после первой же беременности маленькое тельце, закутанное в черную ткань, уносили в Отработку, а вторая проходила нормально, и появлялся здоровый малыш; иногда – с точностью до наоборот; а иногда и после третьей ничего хорошего не получалось, и убитые горем родители навсегда отказывались от мысли о детях.

Ученые говорили, что какие-то вещества, содержащиеся в газах, проникая в организм, начинали работать на генном уровне, внося хаос в хромосомный набор. Время от времени они делали заборы проб на нижних горизонтах и потом колдовали в Лаборатории, пытаясь понять, как с этим бороться – но пока безрезультатно. Спасение от таких прорывов было только

⁴⁹ **Радон.** Радиоактивный одноатомный тяжелый газ без цвета и запаха. Хорошо растворяется в воде, от чего вода становится радиоактивной. В органических растворителях и в жировой ткани человека растворимость в десятки раз выше, чем в воде. Легко адсорбируется активированным углем и силикагелем. Газообразный и жидкий радон флюоресцирует голубым светом.

⁵⁰ **Синдром Дауна.** Одна из форм геномной патологии. У людей с данным заболеванием наблюдается слабоумие, задержка роста, характерная внешность.

⁵¹ **Синдром Патау.** Хромосомное заболевание человека. Характеризуется множественными пороками развития, идиотией, часто – полидактилией (анатомическое отклонение, характеризующееся большим, чем в норме, количеством пальцев на руках или ногах у человека, собак, кошек и лошадей), нарушения строения половых органов, глухота и т. п.

⁵² **Синдром Эдвардса.** Хромосомное заболевание человека. Признаки и формы: нижняя челюсть и ротовое отверстие маленькие, глазные щели узкие и короткие, ушные раковины деформированы; 60% детей умирают в возрасте до 3 месяцев, до года доживают лишь 10%, основной причиной служит остановка дыхания и нарушение работы сердца.

одно: максимально уменьшить двигательную активность, в идеале – улечься на пол и замереть. В таком случае отравы хоть и попадала в организм, но не работала, и спустя недолгое время вещества выходили с потом. И если в момент лёжки нарваться на контроллера – исход очевиден. Хорошо еще, что прорывы случались нечасто, раз в пару месяцев, а то и реже, и по теории вероятности шансы вляпаться во время охоты довольно малы. И еще лучше, что сам Дом надежно защищен: на время прорыва автоматически перекрывался любой доступ к внутренним коммуникациям, и оставалось только дожидаться, когда газ будет откачан вытяжными насосами вентиляции. Час-полтора, не меньше. Как только густая пелена редела до возможности разглядеть предметы – все, концентрация не опасна.

Содрав мочалкой не только пленку, но и, казалось, верхний слой кожи, Серёга постоял полминутки под ледяной водичкой – и, ухая и хлопая себя ладонями по голым ляжкам, вылетел в комнату. Растерся скрученным в жгут полотенцем, чувствуя, как изнутри начинает подниматься жар. Эх, хорошо! Будто заново родился. Пободрил, даже спать расхотелось. Встал перед зеркалом, критично оглядывая себя со всех сторон – ниче, здоров, как четырехсотый контроллер. Пожалуй, поздоровее Центуриона будет... Добрая сотня кило чистой боевой массы, рост метр семьдесят восемь, бритая башка с узким овальным ежиком коротеньких волос, широченная спина и плечи, мощные ляжки, бугрящееся мышцами тело... боевой организм, который может потягаться даже с машинами. Да он и не один такой в подразделении. Зря, что ли, Рыков и компания по десять потов в Дальних Казармах выжимали, усиленный паек впихивали... А еще – боевые отметины в некотором количестве. По левому виску от брови и почти до уха – шрам, память от удара ножом, кадавр на Инициации наградил; на левой трапеции у самого горла – словно кусок выгрызен, хоть и затянулось, но след остался, тоже от киборга получено; в грудной, справа у плеча, входное, на спине выходное – это года три назад на охоте зацепило; и на правом бедре, тоже с Инициации. Но это, можно сказать, легко отделался. Опять же и показатель: много стрелять в себя не давал, первым противника укладывал.

На часах – восемь вечера, до отбоя пара часов. А потом вся ночь его, отоспится. Чем бы заняться?... Разве что снарягу в прачечную отнести? Достал баул, распотрошил разгруз и транспортный пояс, вынимая снаряжение и боезапас, сгрузил на пол одним большим и грязным, воняющим застарелым потом и пылью Джунглей, комом. Первым делом нужно все в порядок привести. А после еще оружие чистить, рюкзак снова комплектовать, боеприпасом дополниться, рассортировать что добыли... Хотя выход теперь и не скоро, дня четыре точно дома посидят – но матчасть должна быть в боевой готовности. Серёга усмехнулся: дел по горло, а он дрыхнуть собрался...

В отсек забарабанили. Сотников обернулся, с удивлением глядя на дверь. Кого еще несет? Весь Дом знает, что третья обойма только что вернулась – а значит, беспокоить бойцов, которые наверняка уже первый, самый сладкий сон смотрят, очень нежелательно. И тем не менее... Натянул тренировочные шорты, порезанные из штанов комка⁵³, повернул штурвал, дернул дверь... и замер, удивленный. За дверью стоял Важняк.

Посторонившись, Сергей дал генералу войти в комнату. Важняк редко позволял себе заглядывать в гости к подчиненным. Хоть и совмещал с основной должностью обязанности куратора ПСО – подразделение подчинялось непосредственно ему и ответ держало только перед ним – все же обычной практикой был вызов командиров и Наставников на ковер. А чтобы так запросто... что-то из ряда вон должно случиться.

– Не спишь еще?

– Здравия желаю, товарищ генерал... – растерялся Серёга. То ли по стойке смирно вставать, то ли чайку предложить... – Да нет, рановато...

⁵³ **Комок.** Разговорное именование армейского пятнистого камуфляжа.

– Вольно, – усмехнулся Важняк, сразу же поняв его растерянность. Протянул для рукопожатия руку: – Расслабься, Сергей Данилыч. Я к тебе не как к подчиненному, а как... ну пусть будет – как к младшему боевому товарищу. Время есть?

– Так точно, есть, – Сотников, пожав стальной протез генерала, затянутый в перчатку, посторонился. – Проходите, Владимир Иванович.

Важняк вошел, с любопытством осматриваясь – сколько помнил Серега, такого высокого гостя он еще не принимал.

– Стираться? – кивнул на баул.

– Да, собрал вот... – неопределенно ответил Сергей. У него было полное впечатление, что генералу есть что сказать, только как начать, он не знает. И это еще больше добавляло недоумения – обычно Сам за словом в карман не лез, уж как приложит, так приложит...

Глава снова кивнул. Прошелся по комнате, заглянул в шкаф, открыл сейф, крякнул одобрительно – у Сереги там все по полочкам разложено. Ровные ряды патронов семь-шестьдесят два и.357 SIG⁵⁴ тускло пулями поблескивают, ребристые лимончики Ф-1⁵⁵ и гладкие РГН⁵⁶, цилиндрики М433 и М433С⁵⁷ для подствольника, хвостатые тубы дымов, приятно пахнущие креозотом, два коллиматора, тепляк и ночник, запасной УПЗО, активные наушники... В общем, много всего накопилось. С каждой охоты чего-то да добавлялось в сейф. И – два ствола: SCAR и пистолет Steyr M357-A1⁵⁸. Сейчас, впрочем, оружие лежало в общей куче и оба гнезда в сейфе пустовали, но со всем остальным в личном арсенале был полный порядок.

– Красиво, – одобрительно хмыкнул Важняк.

Сергей молчал. Ждал.

⁵⁴ **.357 SIG**. Пистолетный патрон, созданный в 1994 году швейцарской компанией SIG Sauer на основе гильзы калибра.40 S&W. Целью разработки являлось обеспечение останавливающего и пробивного действия на уровне револьверного боеприпаса большой мощности.357 Magnum при использовании в автоматических пистолетах. Ввиду высокой точности и хорошего останавливающего действия используется рядом полицейских департаментов. Известен также под названием 9×22 мм.

⁵⁵ **Ф-1**. Оборонительная граната противопехотная. Разлет осколков до 200 метров. Зона сплошного поражения до 7 метров на открытой местности. В закрытом помещении применяется избирательно из-за высокого фугасного действия – может задеть и того, кто ее применяет. И даже в соседних комнатах.

⁵⁶ **РГН**. Наступательная противопехотная граната ударно-дистанционного действия.

⁵⁷ **М433С**. Не существующий на данный момент боеприпас. Однако введен автором (как и УПЗО) вследствие необходимости такового в условиях работы на близкой дистанции. Отличия от М433 в том, что он не имеет осколочных поражающих элементов, взводится сразу после выстрела, а работает только на пробитие брони кумулятивной струей. Все остальные параметры равны выстрелу М433.

⁵⁸ **STEYR M**. Полуавтоматический пистолет, построенный по классической схеме Браунинга с использованием энергии отдачи для перезарядки оружия. Один из лучших по эргономике в своем классе, что делает его и одним из лучших вариантов для многих дисциплин практической стрельбы и использования в качестве служебного оружия. М357-A1 разработан под патрон.357 SIG, что дает гораздо более высокое останавливающее и пробивное действие (на уровне револьверного боеприпаса большой мощности.357 Magnum).

– Ладно. Времени у меня немного, поэтому к делу, – решив, наконец, начать предметный разговор, сказал генерал. Уселся за стол, кивнул Сергею на скамью напротив. – По поводу того деда, что вы приволокли...

– Помер? – подсказал Серега.

– Да, есть маленько, – кивнул генерал. – Рассказали уже?

– Плотников сказал.

– Угу... Так вот. Мужичок, судя по всему, непростой был. Совсем непростой. Не наш он, по базам не проходит. Не числится у нас. Ни среди пропавших без вести, ни среди отверженных. Понимаешь, что это значит?.. Не в Доме он рожден.

Серега, стоило лишь Важняку сказать об этом, весь обратился в слух. Не рожден в Доме – это же... это просто из ряда вон! Это значило, что где-то в паутине есть еще люди! Да не просто люди – другая община, живущая по своим законам, с которой обитатели Дома до сих пор не пересекались! Ведь где-то же родился и вырос этот старикан, прожил целую жизнь, прежде чем появиться здесь! Это... это была фантастика! Как в фильмах или книгах, все равно что другую планету открыть! Однако... что толку теперь? Умер человек! Словно поманили сквозь маленькую дверцу, приотворив ее на мгновение – и захлопнули перед носом. И ведь знаешь, что там, за ней – да только ключа нет!

– И мы его упустили! – воскликнул Серега. Такая досада скрутила – сдержаться не смог. – Да как же так?!.. Как так-то, Владимир Иванович?!

– Ты подожди, слушай дальше. Не то еще будет... – генерал и сам сейчас имел вид довольно обескураженный. – Есть еще одна деталь. Этот мужик... он твоего отца знал.

Серега, если б не сидел на скамье, привалившись спиной к стенке, точно назад бы кувыркнулся. Тело бросило в жар, вышибая пот, на лбу крупными каплями повисла испарина, загривок точно ледяной изморозью продрало...

– Отца знал?.. – сглотнув ком, разом возникший в горле, тупо повторил он. Голос был хриплым, чужим, слова не сразу доходили до сознания – да и сознание словно в каком-то помрачении. – К-как?..

О-откуда? Он вообще – кто?!

– А вот этого я спросить не успел, – покачал головой Важняк. – Тут и общая слабость, истощенность... и кровопотеря очень большая... Он и в сознание пришел – словно силой воли себя с того света вытащил... Всего-то на пару минут. И сказал очень мало. Даже не сказал... прохрипел кое-как. Мне к подушке пришлось наклониться, чтоб расслышать. Хорошо, диктофон успел включить. Как в воду глядел...

Генерал пошарил рукой в кармане, положил на стол коммуникатор и ткнул кнопочку на сенсорном дисплее.

– Слушай.

Сначала слышно ничего не было, лишь какие-то непонятные хрипы и свисты – и только спустя несколько секунд Серега сообразил, что это дышит тяжелобольной и умирающий человек.

– Доб... Добрыня... Сотников... – прохрипел вдруг человек, и голос его был так тих, что Серега с трудом различил сказанное.

– Сотников?! – это уже Важняк, голос полон крайнего изумления и растерянности.

– Да... Комплекс... община! Пяти... пятидесятый... горизонт... – человек дышал хрипло, и даже на записи Серега почувствовал, с каким трудом даются ему слова – он словно вытаскивал их распухшим языком одно за другим. И видимо, настолько важно было ему сказать, что он тратил на это последние мгновения своей жизни. – Быстрее надо!.. Быстрее! Но бойся... бойся сотого!.. Одноногий... И три... три... тридцатого... гххх...

Человек длинно засипел, стукнуло железом, послышалось смутно-матерное от генерала, и запись оборвалась.

Сергей сидел, тупо помаргивая, словно пыльным мешком по башке огрели. Отец исчез вместе с той, Второй экспедицией, почти пятнадцать лет назад, когда мелкому Сережке было всего десять-одиннадцать. Пропал без вести. И вот спустя годы появляется человек, который знает отца – назвал его по фамилии. И даже не просто по фамилии, а так, как звали его в ПСО – Добрыня. Боевое имя, которое отец взял после Инициации. И – умер, так и не успев раскрыть своей тайны.

Но что более важно – община! Старик сказал это слово, и сейчас оно огромными красными буквами полыхало в Серегинном мозгу! На пятидесятом горизонте есть комплекс, община, в которой наверняка живут люди! Ведь старик совершенно ясно и четко дал это понять! Получалось, он и сам оттуда?.. И положил жизнь, чтоб добраться до Дома и рассказать! Попросить помощи! Вот что невероятнее всего!

– Товарищ генерал! Вы понимаете, что... – в страшном волнении начал было Сотников – и, сбившись, замолк. Слов не находилось – голова пока соображала тугο. Услышанное свалило бы с ног любого! Впервые за сотню лет у людей Дома появилась надежда *узнать*! Понять хоть что-то! Но для этого нужно добраться до пятидесятого – а Совет... вряд ли Совет даст разрешение после провала Первой и Второй.

– Я понимаю, Сергей Данилыч, – серьезно глядя на него, кивнул Важняк. – Уж кому и понимать, как не мне. Впервые за столько лет у нас есть наводка. И твердая уверенность, что в паутине мы не одни.

– И что теперь? Что будет-то?! Неужели экспедиция?.. Третья?!

– Есть разные соображения... – помолчав немного, задумчиво ответил генерал. – Тут, понимаешь... еще до кучи и то, что вернувшиеся обоймы все как одна докладывают об активности механизмов. Вот и вы тоже с добычей, получил я от твоего Злодея отчет. ШМП-2000,

да под завязку... это что-то небывалое. И очень уж нехорошее совпадение вырисовывается – мужик этот и нашествие контроллеров...

Сергея молчал. А ведь верно... Неделью назад старика нашли – и вот уже ближайшие горизонты полны... А не должны бы!

– Думаете, за ним пришли?

– Да кто ж знает... – пожал плечами генерал. – Но есть такое подозрение. Обоснованное, согласись? И уж во всяком случае ничем хорошим Дому это не отзовется.

Это была чистая правда. Как минимум – очередной накат впереди. Всегда, когда на соседних горизонтах собиралась критическая масса контроллеров, следовало ждать атаки. Такое бывало раз в два-три года. Но последний накат пару месяцев назад отбили – бойцы, которых отправили на днях в Отработку, именно тогда и получили ранения – а значит, до следующего долго. И вот нате вам...

– Так... Ладно... – нахмурился Сергей. Башка начала понемногу отходить от ступора, и мозг уже подсовывал новые вопросы. – А что он там про сотого говорил? «Бойся сотого» – я эти слова имею ввиду.

– Сотого горизонта, видимо, – пожал плечами Важняк. – Он начал говорить, что-то такое. И про сотый, и про тридцатый... То ли на «г», то ли на «к»... Что-то там нехорошее, на сотом... Да и на тридцатом, похоже.

– А одноногий... про кого он?

– Не знаю, – развел руками генерал. – Мне только один такой в башку лезет – Одноногий солдат. Помнишь такого?

– Да вы шутите, наверно, товарищ генерал?... – опешил Сергей. Эту байку он слышал в далеком детстве от деда Никиты – но так то байка. Да и не может это быть Одноногий. Сколько лет прошло?!.. Тот давно в Джунглях сгинул.

Важняк криво усмехнулся.

– Так и я о том. Наверняка это другой одноногий. Мало что ли и у нас кто на протезе?... Вот даже и батя твой был...

– Ну да...

– Но и это еще не все, – продолжал генерал, словно решил совсем доконать своего подчиненного. – Помимо прочей дряни, что он нес с собой в рюкзаке, мы нашли... не знаю... Карту – не карту, путеводитель – не путеводитель... Описание дороги, которой он спустился до нашего горизонта. Скажем так – вешки, признаки, по которым можно узнать, что ты на правильном пути. Я наизусть не помню, но... – он умолк на некоторое время, пытаясь сформулировать. – К примеру: «горизонт сто девяносто пять, десятый километр северной транзитной галереи, поворот налево, транспортный уклон на сто девяносто второй». Или: «горизонт сто два, большой зал у лестницы, дыра под потолком – на девяносто седьмой, нужна веревка». Примерно так.

Сергей еще и от прошлых потрясений не отошел – а Важняк все нагружал и нагружал его по отвисшей челюсти. Да вот же он, ключ! Имея такой путеводитель... Можно не только до пятидесятого дойти! Можно и до нулевого подняться! Эх, Знайку бы сюда, он бы с катушек напроць съехал!

– Завтра собирается Большой Совет. Я дам всю информацию и вынесу на повестку вопрос об отправке Третьей экспедиции. Пойдут одна или две обоймы, это уж как решим. Если вообще решим... Ты как? Согласен пойти? – и Важняк замолчал, внимательно глядя на него.

Добил, что называется.

– Я? Почему я? – тупо спросил Сергей. Просто чтоб не молчать.

Генерал покачал головой.

– Ты, Сергей, парень обычно сообразительный, но сейчас тупишь, словно ящер меж двух кусков приманки. Кого мы можем отправить в Джунгли? Только обойму. Третья обойма – одна

из лучших. Дальше всех ходите. Дольше всех ходите. Подготовка опять же, – принялся загибать пальцы Важняк. – Знайка твой... он же сгрызет меня вместе с лампасами и кепкой, если такую возможность упустит! Первопроходец хулев... К тому же... то что батя твой пропал в Джунглях – далеко не последний фактор! Разве не даст тебе дополнительной мотивации пройти весь путь даже не возможность – тень, признак возможности, – разыскать его?! Ну и потом... Старикан – ваша добыча. Вы нашли – вам и расхлебывать. Так справедливо будет.

Сергеа молчал растерянно, огорошенный всеми этими неожиданными новостями – и чувствовал, как внутри, из самой глубины, поднимается хоть и жутковатое, но такое сладостное предчувствие Дороги. Новые горизонты, новые открытия, борьба с опасностями, пузырящийся в крови адреналин... Так бывало всегда, когда обойма уходила за пределы Дома, и особенно если путь лежал за четыре-пять горизонтов и дальше. Серега никогда не был домоседом, неизведанное манило его, пожалуй, ничуть не меньше, чем Знайку – только он как офицер ПСО не имел права увлекаться. Задача обоймы – охота, работа на благо Дома. Или война. Сначала это, потом остальное. Так воспитывали всех курсантов – дисциплина, ответственность перед общиной, долг перед Домом превыше всего. Поэтому в Джунглях – добыча трофеев, боезапаса, пополнение Арсенала. И никак не блажь, вроде исследований паутины, на которую время от времени пытался подбить его Илья. Но теперь, если будет прямой приказ...

– Я согласен, – быстро, словно боясь, что генерал прямо сейчас передумает, сказал Сергей. – Сегодня же соберу ребят, Наставника... Поговорим... Да только вряд ли кто откажется.

Важняк поднялся, протянул руку.

– Не торопись. Сначала Совет и его одобрение. Да и пойдете вы только после того, как вся эта нездоровая суeta прекратится. Со дня на день, того и гляди, войны ждать... Так что не срывай бойцов раньше времени. В общем, как я понимаю, на тебя я могу надеяться...

– Да не то слово, Владимир Иванович! – во все тридцать два улыбнулся Сотников. – Вы только команду дайте!..

Генерал ушел, а Серега, плюхнувшись в кресло, попытался собрать воедино все мысли, разбегавшиеся в голове, словно тараканы от тапка.

И было от чего!

Споры, разговоры и догадки о том, где они находятся, что такое паутина и Джунгли, что такое сам Дом, в конце концов, велись среди обитателей общины давно и с завидным постоянством. Пожалуй, сколько помнил себя Серега. А уж раньше и подавно – по крайней мере, отец тоже говорил. Соберутся в кружок с пяток любителей потрындеть – и пошло дело. Когда вокруг сотни километров пустых коридоров и переходов, залов и галерей, в которых из живых существ разве только кадавры – да и те полуживые! – и ящеры со змеями, крысами и тараканами, когда загадки громоздятся одна на другую и нет им объяснения – не возникнуть таких разговоров просто не могло. Догадки в народе бродили разные – и любая имела право на существование. Потому как доказать хотя бы одну и тем самым понять, наконец, свой мир, не представлялось возможным.

История Дома шла из неизвестности. Летопись Дома – Оперативный Журнал – не давал ответа на вопросы. Оно и немудрено – Оперативного Журнала №1 в Доме не имелось, а номер два рассказывал уже о днях после Грохота. О Первых Днях.

Первая запись в Оперативном Журнале датировалась две тысячи шестидесятым. «Грохот» – так называлась она. Серега, как и любой житель общины, знал ее наизусть – эта запись не раз звучала на уроках окружающего мира сначала в детском саду, а потом и в Академии. Только с того момента люди Дома знали и помнили себя. До того же... тьма, забытье, полное неведение. И людская память ничего не могла подсказать, ибо помнить было просто некому. С момента Грохота прошло чуть меньше сотни лет, уже родилось четвертое поколение, выросло третье, стало стариками второе и умерло первое, все те, кто родился сразу после

Грохота. Старик же Никита, хранитель Библиотеки, о котором говорили, что он вроде бы жил еще До, – ничего не помнил. А если и пытался вспоминать – путался и безбожно врал.

Мозг человека работает только с тем материалом, которым его кормят. В условиях информационного вакуума он может выдавать лишь вариации на тему воспринятого и переработанного. И потому каждая новая гипотеза возникала, когда обоймы приносили из лабиринтов паутины очередную порцию материала о жизни до Грохота – книгу ли, фильм ли, иногда даже компьютерную игру... Люди невольно примеряли ситуацию на себя: а не могло ли случиться и с ними то же самое, о чем говорится с экрана или со страниц книги?.. Кто-то верил в Эксперимент – эту веру питал «Град обреченный»⁵⁹; кто-то – в огромный космический корабль или даже станцию, затерянную в недрах космоса, – «Пандорум»⁶⁰; огромная планета-мозг, одетая в панцирь из металла, под которым скрывались миллионы и миллионы километров комнат, галерей и переходов – «Фактор ограничения»⁶¹; гигантское бомбоубежище – серия книг некоего Шагалова; однако, пожалуй, самой основной теорией, в которую верило большинство людей, была Третья Мировая война, инициированная машинами. Эта версия мгновенно обрела сотни сторонников, когда в Дом притащили «Терминатора». Оно и немудрено – фильм ложился прямо в масть, в самую точку: машины, истребляющие людей, были не фантастикой, а самой что ни на есть реальностью. Вон они, в Джунглях, за Внешним Периметром. Попробуй, отойди от Дома хотя бы на пять-шесть километров.

Тем не менее все прекрасно понимали, что без достоверной информации понять и объяснить паутину не представляется возможности, и подобные обсуждения – обычный треп. Тот же Знайка, например, не раз говорил, что эти гипотезы не более чем игра в ребусы с собственным мозгом. Исходных данных – и проверенных, правдоподобных данных, что очень важно! – никаких. А те, что имелись – только косвенные. Научники, кстати, потому принципиально и отвергали любую гипотезу: если нет информации, на которую можно опереться, если любое предположение опровергается десятком железных фактов – на основе чего теоретизировать?..

Именно поэтому и были организованы сначала Первая, а потом и Вторая экспедиции. Приспособившись к жизни, очень долго балансируя на грани вымирания и, наконец, сумев отодвинуться от края пропасти, обезопасив себя от убийц из Джунглей, от тьмы и голодной смерти, научившись добывать жизненно необходимые ресурсы – пищу, воду, энергию, оружие и боезапас, – наладив быт, люди стали задумываться о себе, искать ответы на вопросы.

В Первую пропал дед. Сергей знал его только по фотографиям в семейном архиве и потому не испытывал никаких чувств, кроме легкого любопытства. С экрана планшетника на него, сжав губы и слегка нахмурившись, смотрел суровый сорокалетний мужик в черной форме офицера ПСО. Рядом – стройная симпатичная женщина, бабушка, которую Серега тоже помнил довольно смутно. А во Вторую – пропал отец. Батя. И если деда он не знал, то отца помнил отчетливо.

Обстоятельства исчезновения Второй экспедиции были абсолютно схожими с Первой. Когда пропал отец, Серега с Илюхиной помощью перелопатил весь Оперативный Журнал, всю его открытую часть. А когда появилась возможность – заглянул и в секретную. Ничего нового он не нашел. Сроки выхода полгода, три месяца в один конец, три месяца – обратно. Припасов – на девять. Конечно, никто не ожидал, что экспедиция доберется до нулевого – в паутине ничего ждать нельзя, тем более что про те горизонты ходила самая мрачная молва: якобы там меняются сами физические законы, пространство и время, и жизнь человека попросту невозможна. Страшилки, конечно, – кто мог это знать?.. Но от того страшилки не менее жуткие – неизвестность всегда пугает. Ожидалось, что группа пройдет хотя бы до трехсотого. Сопровожд-

⁵⁹ «Град обреченный». Роман писателей Аркадия и Бориса Стругацких.

⁶⁰ «Пандорум». Фантастический фильм о космическом корабле с переселенцами.

⁶¹ «Фактор ограничения». Рассказ американского писателя-фантаста К. Саймака.

дающие дошли до триста сорок первого и, простившись, пожелав чистых горизонтов и успешного возвращения, повернули обратно.

Экспедиция не вернулась. Ни через полгода, ни через год, ни через десять лет. Почти сто человек, как и в Первую, просто исчезли без единой весточки – и Совет на долгие годы наложил запрет на подобные мероприятия. И теперь, когда появились данные о том, что они не одни в этом мире, когда появилась зацепка, след, по которому можно выйти к пониманию, – неужели старейшины не дадут наконец разрешение на новую попытку?..

В дверь стукнули. Серега, погрузившись в свои мысли с головой, вздрогнул – что ж это за день посещений сегодня! Глянул на часы – мать твою!.. Половина десятого! Скоро отбой, а он еще и баул в прачечную не отнес. Вот озадачил Важняк, все позабыл, башка враскоряку...

– Входи, кто там!.. Не заперто! – заорал он, спешно начиная закидывать баул –метровой толщины бетонные стены и гермодверь отменно глушили звуки и нужно было очень постараться доораться через них. Однако командирский голос у Сотникова поставлен на должном уровне, в коридоре услышали. Штурвал повернулся – и в приоткрывшийся прогал сунулась бритая башка с короткой челкой. Букаш!

Серега ухмыльнулся и поманил лучшего друга пальцем.

– Заходи. Вернулись? Здорова, братан...

Гриша заулыбался и протиснул свое тощее двухметровое туловище в проем, волоча такой же, как и у Сереги, баул.

Обнялись.

– Как выход? Вы ж ночью собирались вернуться...

– Быстрее устряпались. Во сходили! – Григорий показал большой палец.

– В прачку тащишь? – кивнул Серега на его сумку. – Сейчас вместе пойдем...

– Да погоди ты... – отмахнулся Гриша. – Ты щас охренеешь, Серег, че нашли... – он скинул ботинки, пуляя их в разные стороны, длинными своими ходулями в несколько шагов одолел расстояние до хозяйского кресла и бесцеремонно плюхнулся в кожаное нутро. Сергей даже бровью не повел. Лучшему другу можно, а больше никому.

Присел на кровать, кивнул – рассказывай.

Вид у Букаша был совершенно победительный. Развалившись в кресле, он хотел взять интригующую паузу – но изнутри, видимо, очень уж сильно распирало, и долго молчать он не мог.

– Сорок девятый! Северная транзитная, где-то пятый-шестой километр... Бывал? – торопливо принялся выплевывать он.

– Ну, – подтвердил Серега. Соседний горизонт, территории хоженные. Северное направление тоже хорошо известно.

– Вот! Свернули в неприметный коридор на восток. Километр прошли – там большой узел. Три этажа, десяток комнат... То ли лаборатория, то ли еще какая-то хрень... колбы, пробирки, вытяжные шкафы, агрегаты... И – хренак, Папа, такой, между вторым и третьим этажом на лестнице полез в дверку. А там – аварийный сейф! Внутри дубак, минус тридцать! Жрачка – крупы, сахар, соль! Отдельным шкафом – семена! Все в вакууме упаковано! И такого добра – целая большая комната!

– Ну и нюх у Большого Папы... – уважительно протянул Серега. Найти аварийный сейф – это пруха. Самая настоящая. Серегина обойма до сих пор ни одного не обнаружила. Может, и повезет когда-нибудь...

– Не нюх. Опыт, – Гриша поднял вверх указательный палец. – Поброди с его по паутине, еще и не таким станешь.

Большому Папе – Игорю Викторовичу Полякову – было уже сильно за сорок. И почти двадцать из них он стоял бессменным командиром первой обоймы ПСО. Чуйка – а скорее и впрямь опыт – у него была феноменальная. Не меньше чем раз в год, а то и чаще случались у первой обоймы подобные находки. Частенько удивлял, вынося из паутины такое, что народ только диву давался. Что стоил хотя бы найденный на триста сорок втором огромный белый экран и проектор, с помощью которых администрации удалось превратить один из углов Площади в кинотеатр, где по выходным дням показывали фильмы. Его заслуга. Или склад с самыми разнообразными лампами освещения – обычными, ультрафиолетовыми, фитолампами⁶². Коммунальщики уже головы начали ломать, откуда свинтить, чтоб дефицит восполнить, – а тут такое сокровище... Но верно говорят: если где-то прибавится – где-то обязательно отнять должно. Раньше, помоложе, Большой Папа был отменным бойцом и командиром. Но чем старше становился, тем все меньше склонялся к риску, а значит – и к охоте. Важняк и Наставники все понимали – возраст, что ж поделаешь. Игорь Викторович, задумываясь о дембеле, давненько уже подал рапорт, но все что-то задерживало – то момент неподходящий, то очередной накат, то выпуск в Академии плохой – и он пока находился в строю.

– Ну, семена, конечно, хрен знает, взойдут или нет...

– Да нет, понятно, все не взойдут, – развел руками Букаш. – Но хотя бы часть!.. Пусть даже десятая! Вдруг что-то новенькое найдется, кроме гречки и пшена. Третий раз семена за все время находим, и первый раз – в такой сохранности! А вдруг?.. Вот я читал, что раньше куча всяких была – и бобы какие-то, и кукуруза...

– На Плантациях разберутся, – согласно кивнул Серега. Помолчал немного, прикидывая, можно другу рассказать или нет... Решил – можно. Важняк вроде не запрещал. – Ладно, Бук,

⁶² **Фитолампа.** Специализированная лампа для искусственного освещения, применение которой оптимизирует рост и развитие растений, обеспечивая полноценный процесс фотосинтеза. Необходима для выращивания растений при полном отсутствии солнечного света. Да и для людей в описываемых условиях чрезвычайно полезна.

слушай сюда. Я тебе тоже расскажу... Но смотри – никому! Только тебе говорю. Чтоб молчал до поры...

Глаза у Гришки загорелись – Серега как офицер ПСО имел доступ к более закрытой информации. Делиться с другом права не имел, но Григорий все понимал, не обижался. И тут вдруг в кои-то веки решил что-то рассказать...

– За полчаса до тебя генерал заходил...

– Прямо к тебе? – недоверчиво нахмурился Букаш.

– Прямо сюда, – подтвердил Серега. – Я сам охренел. Открываю – стоит...

– Ну и?.. – поторопил друг.

И Серега выложил все, о чем говорил с генералом. По мере рассказа физиономия у Гришки вытягивалась все сильнее, и к самому концу он слушал уже с отвисшей челюстью. Эта новость, пожалуй, была посильнее. Аварийный сейф сразу забылся, и Гриша мертвой хваткой вцепился в товарища.

– Серега! Поговори с генералом! Возьми нас второй обоймой!

– Большой Папа не пойдет, – покачал головой Сотников. – Нахрена ему? Он, считай, дембель почетный. Кой черт полезет он в такую даль?.. Да еще и, откровенно говоря, с риском не вернуться. И приказа такого не дадут.

– На Совете скажи! Все же четко выходит! Папу на дембель, нас – второй обоймой! И вперед! Как в старые добрые времена!..

Сергей усмехнулся. Две обоймы совокупной численностью больше тридцати человек, да с тяжелым вооружением... внушительно! Никакой буратина не страшен. Тем более и Важняк про две обоймы говорил... Единственное затруднение – как решит Совет. Скажет руководство «нет» – и все, тема закрыта.

– С генералом я, конечно, переговорю, – сказал Серега. – Но обнадеживаться не стоит. Сам понимаешь...

– Ты ему эту схему прямо и нарисуй! – на Гришку было жалко смотреть. – Вдруг выгорит!

– А выдержите? – спохватился Серега. Друга ему, честно сказать, обижать не хотелось – но давно известно, что Папа не любит долгие выходы. Дня три, четыре – и назад. А ведь для людей это, мягко говоря, совсем не полезно. Потеря боеспособности все же имеет место быть...

– Да выдержим, конечно! – отмахнулся Григорий. – Думаешь, нам неохота в долгий выход? Ребята мне все мозги вынесли. И потом... Ну чего я останусь?.. Ты идешь, Знайка идет... остальные наши тоже... а я? И я бы... на дальние горизонты... хоть одним глазком!

– Постараюсь до Совета его выловить, – успокоил друга Сергей. – В крайнем случае скажу, что вдвоем шансов больше. Короче, придумаю что-нибудь...

Гриша удовлетворенно кивнул – если товарищ обещал, то сделает. По крайней мере, переговорит с руководством. Главное – заранее об этом позаботиться. Пусть даже пойдут они не на этой неделе и даже не через месяц... Только бы генерал согласился. Если Важняк будет на их стороне, шансов склонить Совет к согласию куда больше.

Оставалось дожидаться завтра.

Глава 4. СКАЗКИ О ПРОШЛОМ

– ...Есть!

– Нету!

– Да есть! – горячится Гришка. Ложкой махнул – каша веером по столу...

– Да нет, тебе говорят! – кричит в ответ Антоха. Глаза на выкате, руками машет, словно крыльями. – У меня брат в учениках! Он знает!

Спорят они минут десять, и чем дальше – тем градус повышается. Вот уже и на крик перешли. Как бы кулаки не полетели... Серега оглянулся, шаря глазами в поисках Наставника – далеко он, в другом конце столовой. Рядом майор Хуер-Милославский, который на днях должность коменданта принял. Беседуют. Ладно, авось не услышит. Интересно же, до чего пацаны договорятся...

– Да ведь как-то же их выключить можно! – держится за свое Гришка.

– Нельзя! Брат говорит, не может этого быть! Это же глупо, когда одним разом все механизмы выключаются! Стоит добраться до Рубильника – и сразу всех обесточить! А контроллеры не дурные, чтоб самим себе такую подлянку устроить!

Тут, пожалуй, Антоха прав. Серега годков в пять-шесть тоже думал, что есть он, Самый Главный Рубильник, которым можно разом все машины отключить. А теперь, спустя пару лет, как в Академию пошел да ума поднабрался – нет у него однозначного ответа. Наставников спросишь – плечами пожимают... Научники говорят – нет, бойцы, наоборот, верят, что есть... никто в точности сказать не может.

Гриша, однако же, не сдавался.

– Откуда он может знать, твой брательник! Даже если и научник... Сам не видел – считай, доказательств нет! Они же – сконструированы!

– Да и кем это они сконструированы?! – орет Антоха. – Ты сам-то откуда знаешь? Вон в фильме показывают – когда машины всё захватили, они сами себя делать начали! Так зачем им себе рубильник вставлять?!

– А ты откуда знаешь, что сами себя?! Это же кино! Понял, нет?... И никто не знает! А даже если так – все равно сначала их кто-то должен сконструировать! Не сами же они воспроизвелись! Люди же! А если ты вещь сделал и она вдруг из повиновения вышла – как ее остановить? Выключателем! Рубильником! Это каждый идиот понимает! Получается – дурак твой брательник, не соображает ничего! Совсем процессор набекрень...

Антоха, взвизывая со скамьи, подскочил к Гришке и – бац! – заехал ему плюху. За брата. Прямо в ухо звезданул. Гришка в долгу не остался, лягнул обидчика в живот, да еще и по макушке кулаком приложил. И пошло-поехало. Миски в одну сторону, кружки-ложки в другую... Возьматься на полу, пыхтят, тузят друг дружку куда ни попадя...

Серега, глядя на все это безобразие, молчит. И нужно бы разнять, он сегодня дежурный по подразделению, – да только ему самому интересно, кто верх возьмет. Скосырев, он поплотнее, а Коломицев тощий, цепучий, обלאпил противника, руками-ногами оплел – и сам не двигается, но и Антоху словно веревкой связал.

Засмотрелся – и проворонил момент! Подобравшись неслышно, Наставник остановился неподалеку – группа тут же притихла, ждет, как отреагирует, – поглядел с полминутки, как воспитанники друг дружку физиономиями о пол возюкают, откашлялся...

– А-а-атставить.

Вроде бы и негромко сказал, но Гришка с Антохой сразу услышали. Да и Серега продублировал:

– Товарищи кадеты!.. Смир-р-рна!

Все тридцать человек тут же из-за стола повскакали, вытянулись. Виновники тоже поднялись. Стоят, сопят, смотрят на воспитателя исподлобья... У одного нос разбит, языком юшку подбирает, у второго ухо распухло с два кулака.

– Коломицев... Скосырев... Ребят, вы же одно подразделение. Одна команда. У вас полное взаимопонимание должно быть. А вы?.. – Наставник покачал головой. – Ну и чего стоим?.. Будь я майор Хуер, Серафим Аристархович, я бы вас спросил: что вы смотрите на меня исподлобья бровей?.. – усмехнулся он чему-то. – Но я не он и таким поэтичным слогом не владею... Вы покушали, ребят?.. От безделья кулаки чешутся? Дежурный, строй группу. И на занятия шагом марш.

Сходили в столовку, называется, пообедали...

Пока шли до казармы – навешали двум балбесам люлей. Прямо в строю, украдкой от Наставника. От одного пендель, от другого – подзатыльник... Пашка Чуенков в сердцах к спине Гришкиной так приложился – того чуть из строя не выкинуло. Так ведь сами виноваты, должны понимать! Не получилось нормально пообедать, жди теперь ужина. Одно хорошо – ужинать сегодня дома!

Воспитание в Академии с самого начала коллективное. Один накосячил – вся группа в ответе. Это, считай, основа воинская, когда один за всех отвечает, а все за одного. Так и наказания эффективнее, и чувство локтя до потолка вырастает. Воспитатель коллектив наказал – а уж коллектив сам внутри себя разберется, двоих проучить сумеет.

Наставник, двигаясь слева, параллельно, воспитательных мероприятий, кажется, не заметил. А может, и понял, да сделал вид... Когда в строю то один зашипит, то другой хрюкнет-ойкнет – где уж тут не сообразить. Но и не драться тоже, знаете ли... Как можно пацанам не подраться? Пацаны дерутся – это нормально. Совершенно естественно. Что это за пацан, который кулаками не махал? Может, он болен? Может, не так с ним что-то? Или того пуще – трус?.. Главное, чтоб честно дрался, без никаких выкрутасов: один на один, ниже пояса не бить, без обмана и подленьких приемчиков. За этим особо пацанский кодекс чести смотрит. Тут все просто: либо фильтруй базар, ищи слова убеждения без переходов на личности – либо дерись, отстаивай, отвечай за слова и поступки. Так и батька тоже учит.

У отца и мамы к этому отношению, конечно, разное. Она, понятно, категорически против – а вот батя совсем даже наоборот. Поощряет втихаря. И если кто-то учит только сдачи давать, то Даниил Сергеевич сына учит первым бить – правда, если уже выхода нет и мир меж пацанами к конфликту катится. К драке он положительно относится, считает, что обязательно пацаны должны драться.

В казарме, толкаясь и пихая друг друга, выстроились на взлетке⁶³. Само помещение казармы длиннющее; здесь, в дальнем конце, – молодежь обитает; туда, ближе к началу, где канцелярия, учебные классы, комната досуга и оружейка – старшие группы. У каждой группы свой отсек за толстенной гермодверью – это чтобы ночной подрыв по учебной тревоге старших групп младших не беспокоил. Всего десять отсеков. Столько же, сколько лет в Академии учиться. Каждый год – смена: прежний отсек младшим отходит, группа заселяется в ту, что была у старшей. Группа 2/42, соответственно, во втором отсеке, напротив которого сейчас и построились.

Шеренга длинная получилась, тридцать человек. Но до финиша не все дойдут, хорошо, если треть останется. Остальные отсеются – кто-то в подразделение боевого охранения, кто-то, если успевать не будет, в Ремесленное училище, гражданскую профессию получать, кого, может, и к ученикам примут, бывало и такое. Серега же твердо себе установил – только в ПСО

⁶³ «Взлетка». Центральный проход между кроватями в спальном помещении в казарме.

и больше никуда. Установил – и готов был работать, как проклятый. По крайней мере, на данный момент мог похвастаться неплохими результатами.

Наставник, выстроив воспитанников, произнес короткую, полную иронии речь о вреде недоедания. О наказании вообще ничего не сказал, но и без того понятно, что прерванный обед лишь следствие... Однако не строго сказал, видно, что не сердится, улыбку в густой бороде прячет. И тем не менее, порядок есть порядок. Драться запрещено, и хотя бы видимость наказания продемонстрировать надо. Но тут опять же... и порядок соблюсти – и дать понять, что наказывать, собственно, и не за что. Это ж целое искусство, между буквой и духом Устава маневрировать.

Наставник группы Филлипчук Иван Григорьевич. Это сейчас, в кадетах, пока в курсанты не примут. Потом Наставник меняется, прикрепляется на постоянной основе и ведет ребят уже до самого конца, до выпуска. А бывает, что и дальше, особенно если командир свою обойму соберет. Впрочем, Серега так далеко не заглядывал. Когда еще это будет, десять лет до того... Столько нужно узнать, столько изучить...

Начальные классы – пока не тяжело, хотя и сейчас уже приходилось старание и усердие прикладывать. Вот в пятом куда серьезнее: начинается целенаправленное изучение воинских специальностей, подготовка к воинской жизни. А до тех пор программа от гражданской не сильно отличалась: чтение, письмо, математика, история, окружающий мир... Разве что к физкультуре добавлены основы рукопашного боя и самбо, и вводились в четвертом классе предметы, которых нет у гражданских: «Стрелковое оружие» и «Материальная часть боевых машин и механизмов».

Правда, все же было одно и довольно серьезное отличие: кадеты дома не живут, отпускаются в увольнение лишь раз в месяц, да и то если учишься хорошо. Но месяц – это что... Подумаешь... В первом классе куда тяжелее – всех первогодков на полный учебный год лишали общения с родными. словно сироты, при живых-то родителях. Такова учебная методика. Пусть привыкают к товарищам, к Академии, отрываются от теплого, уютного домашнего очага, от мамы и бабули. На первом же занятии это объяснил Наставник. Говорил он с ребятами как со взрослыми и самостоятельными – и это подкупало, сразу же настраивало на серьезный лад. Куда уж тут реветь... Хотя Серегу все же грела мысль о том, что родители недалеко. Вот и маму не раз видел, когда на экскурсии ходили – она будто специально то там, то здесь попадалась. Помашут друг другу издали – все полегче. Но кто-то, бывало, и хлюпал по ночам. Впрочем – недолго, это все от перемены обстановки. Пара недель – и вливаются в коллектив. А теперь то уже привычные...

Равняйсь-смирно, переключка по строевке⁶⁴, доклад Наставнику по наличию – и развод на занятия.

Историю вела Ольга Ивановна Коновалова. Это касалось как «Истории Дома», начавшейся в этом году, так и просто истории, тех крох, отрывков о прошлой жизни человечества, что смогли найти обоймы в Джунглях и принести в Дом. Но особенно сильно она увлекалась историей России – страны, которая напоминала о себе везде и всюду – на страницах учебников истории и географии, в книгах, фильмах и песнях, в журналах «Наука и жизнь», да и просто тем, что люди Дома осознавали себя русскими. «История России», начинаясь с первого класса, шла все десять лет обучения в Учебном Центре – и у гражданских в школе и Ремесленном, и у военных в Академии, и у ученых. Этому предмету уделялось огромное количество времени, благо именно в этих материалах недостатка не было. «Историю нужно знать для того, чтобы понимать суть происходящего сегодня и предвидеть, что будет завтра. И не повторять своих ошибок. Ведь если вы вооружены знаниями о прошлом – понимаете, что нужно делать,

⁶⁴ «Строевка» (арм. жарг.). Строевая записка, в которой отражается наличие/отсутствие личного состава подразделения, кто и куда убыл, кто болен, в наряде и т. п.

чтоб не повторять их в будущем. У вас есть опыт. А опыт – это все». Так говорил Наставник. А Ольга Ивановна добавляла: «Отними у народа историю – и через поколение он превратится в толпу. А еще через поколение им можно управлять, как стадом». Фраза вроде бы сказана был неким общественным деятелем еще До, Геббельсом, кажется, – но кто это такой, Серега пока не знал. Тем не менее незнание не освобождает от ответственности, Ольга Ивановна спрашивала свой предмет строго. Однако чтобы спрашивать – нужно и знания давать, и потому она старалась всячески заинтересовать своих учеников, рассказать, и рассказать интересно.

Вот и сегодня. Едва вошли в учебную аудиторию и расселись – Ольга Ивановна объявила об экскурсии.

– А знаете ли вы, дорогие мои, что было в истории Дома время, когда община балансировала на грани: выжить или умереть?.. Никто не смог бы тогда сказать, уцелеет ли Дом. Да и не существовал тогда еще Дом, каким мы его знаем сейчас. У нас есть документальные свидетельства о том времени – но вплотную мы начнем изучать их со следующей недели. А сегодня устроим экскурсию к единственному человеку, кто жил в то давнее время. И вы наверняка знаете, о ком я говорю.

Ребята знали. Старик Никита остался один-единственный, кто хоть как-то помнил Первые Дни. Было ему лет сто, а может, и того больше – сам он давно уже сбился со счета, а другие и не считали никогда. Тем не менее послушать его всегда было интересно – живой свидетель как-никак...

До Библиотеки, оборудованной внутри Убежища, было минут двадцать ходу. Как всегда, когда выходили за пределы Академии, шли строем, во главе с Наставником. Если далеко идти, на другой конец Дома, тогда обязательно с песней, если близко – просто так. Конечно, до образцового строя, которым ходили курсанты, кадетам еще далеко – по тем хоть линейку сверяй, когда шагают – но пацаны старались. Взрослые, кто встречался по пути, все как один одобрительно улыбались, приветствовали – молодая смена идет.

Старика на рабочем месте не оказалось – если, конечно, стол с чайником и глубокое кресло можно назвать «рабочим». Работенка непыльная – сиди чаек потягивай, послеживай, чтоб ребятня в Хранилище не лезла. Синекура. А куда его, древнего, еще приспособить? Некуда. А тут хоть какая-то польза общине. Ольга Николаевна слегка удивилась – ведь условились же о встрече – но, пожав плечами, побежала на розыски, оставив ребят дожидаться.

Библиотека состояла из двух комнат: Читального зала и Хранилища. Читальный зал – огромный, квадратов двести площадью. Здесь столы ровными рядами, на каждом – монитор. Все книги, вся информация, всё, что когда-либо нашли в паутине, переносилось на электронные носители и сгружалось в общую базу, откуда ее мог вывести на экран или скопировать себе в планшет любой желающий. Трудилось над базой аж пятеро библиотекарей, и работа эта считалась чрезвычайно важной. Сами же книги хранились в особой комнате, в Хранилище, в шкафах за стеклами, при постоянной температуре, и доступ туда разрешался только в присутствии деда Никиты. Да и то просто снаружи поглазеть. Это было чистое Знание, резерв на случай повреждения баз данных, и берегли его как зеницу ока.

Оглядевшись, Серега ухмыльнулся и, толкнув Гришку локтем, глазами указал на одинокую мелкую фигурку. Знайка по обыкновению сидел на своем любимом месте, за самым крайним столом в углу. Одним глазом на экран смотрит, другим на экскурсию косится. И вид такой недовольный, будто ему как минимум научную работу мешают писать... Увидел друзей, улыбнулся, махнул рукой – и снова в монитор уткнулся.

Гришка кивнул.

– Да понятно, что он здесь. Пятница же. У гражданских сегодня короткий день. Вот он из школы сразу сюда...

Пока Ольга Ивановна искала деда Никиту – посидели рядом с товарищем, поболтали. Илья, узнав, зачем прибыла экскурсия, похвалился:

– Вы только начинаете изучать?.. Я уже и Оперативный Журнал смотрел, и с дедом разговаривал. В журнале ничего нет, а он еще помнит... Все повыспросил у него. Я теперь больше вас знаю.

Сергея улыбнулся: хвастун... Но это потому что мелкий. Однако что есть, то есть: мозгов у Илюхи на пятерых хватит. Пытливый Знайкины ум интересовало все вокруг, и прозвище свое он получил не зря – этот шустрый пацан, как успели убедиться Серега с Гришкой, в свои шесть годов от роду знал куда больше, чем косой десяток его сверстников, собранных вместе. С самого малолетства на него положили глаз научники, лично Ромашкин Федор Сергеевич, замначальника Научного отдела взял шефство, утверждая, что ребенок – вундеркинд. Оно и немудрено: парень еще до школы бегло читал, запросто выполнял довольно сложные математические операции, занимался программированием и робототехникой, всю штудировал «Науку и жизнь», которой в Библиотеке лежала целая огромная подборка. Да и характер соответствовал: сесть, вникнуть, разобраться – это было его.

Гришка равнодушно пожал плечами – подумаешь, дескать, мы тоже много чего изучили – но Серега знал, что ему слегка завидно. А вот сам он не завидовал ничуть, а даже гордился Знайкой. Все ж дружище, как не гордиться. Да и чему завидовать? У Илюхи одно лучше получается, у Сереги с Гришкой – другое. Разными путями пошли, каждый своим делом занимается – но все вместе на благо общины стараются.

Дед Никита нашелся спустя полчаса – ребята уже от безделья по залу разбрелись, за мониторы расселись. Оказалось – забыл совсем про экскурсию, запомнил, отлучился куда-то по своим стариковским делам. Возраст... Пацаны, подтащив стулья, расселись вокруг, приготовились слушать. Серега с Гришкой – а с ними и Илья – подобрались поближе всех. Впрочем, тут подбираться долго не пришлось – дед Никита, заведя любимчика, завсегда Библиотеки, пальцем поманил и на скамью у стола указал.

Аккуратно отрезав ломоть хлеба, степенно нацедив себе кипятка и повторно залив пользованный пакетик чая, старикан откинулся на спинку кресла.

– Сразу скажу – много не помню, – деловито прокряхтел он, довольный вниманием молодежи. Пригубил, почмокал, оценивая вкус. – Даже можно сказать – почти ничего. Оно ведь как... да, помню я и солнце, и небо синее, и деревья... А потом черный провал – и паутина. Словно кусок башки выстригли. И тогда у всех так. Все, что знали и умели, вся память от прошлого – осталась, а как здесь оказались – хоть убей отшибло...

– Газ? – предположил Сашка Чуваков.

– Оно, скорее, так и есть, – кивнул старик. – Прорыв, по всему, разом всех и накрыло. И вроде бы мелькает что-то... – он покрутил пальцем вокруг головы, – но смутно этак, словно тени...

– А много тебе лет тогда было, дедуль? – спросил Гришка.

– А я знаю?.. Может, пять, может – десять, – пожал плечами старик. – Ясно, не младенец, раз солнце помню. А сколько точно – не скажу.

Первые Дни... – он замолк, и глаза его вдруг затуманились, словно повернулись внутрь себя на шарнирчиках. – Первые Дни, сынки, это разговор особый... В Первые Дни-то и стало ясно, кто из нас чего стоит... Было тогда нас, почитай, тысяч десять. Спервоначалу. Потом уж, за год, до семи...

– Умирали?.. – тихонько спросил Сашка.

– Принесет мать банку... – не слыша вопроса, медленно продолжал дед Никита, глядя куда-то вдаль, словно заглядывал в далекое прошлое, в те дни, когда был еще не седым скрюченным загогулиной стариком, а маленьким мальчишкой. – На складе получали. С банкой консервы четыре сухаря полагалось. И все это – на неделю. Запремся. Пока она суп варит – я в углу лежу. Скрючусь, брюхо руками к позвонкам прижму – все полегче. Дух с варева – с ума сойти! А голод жуткий, кишки друг дружку сосут... Из консервы получалось еды на трое

суток. Сначала бульон мясной, его на сегодня, чтоб, значит, с голодухи заворот кишок не случился; завтра уже само мясо едим – волоконце отщипнешь, обсосешь во рту, зубами перемелешь в жижу и после уж только глотай; а на третий день сухари туда, в кастрюлю, где остатки бульона. Снова похлебка... Пока банка в доме – за дверь не думай. Разорвут. Свои же, кто не утерпел, сожрал консерву в присест, по коридорам караулят, теньями неслышными скользят, словно призраки. По духу чуяли, где есть... После уж, на четвертый день, когда снова в доме пусто – тогда можно выйти. И так – до следующей недели, в понедельник снова раздача на складах...

Крыс ловили, жрали. Хоть и мало тогда их было. А ящеров и змей вовсе не видали, после уж они откуда-то взялись... Вся надежда – склад, что в Доме имелся, да свиньи. Но разве прокормишь такую ораву? Десять тыщ человек!.. Куда там... Нормы урезали максимально, только чтоб ноги таскать. Как в блокадном Ленинграде, прости господи. А толку?..

Умирали, спрашиваешь? Умирали. Вечером спать ляжешь – из коридора кричит. Знаешь, как от голода кричат? Безнадежно, монотонно, на одной ноте... Долго, порой и всю ночь. И с каждым часом все тише, и тише, и тише... Утром выходим с матерью за водой – а он под дверью лежит. Неживой, конечно. Шел, упал, сил подняться нет, ползти – тоже. А выйти к нему никто и не вышел – сами такие же. День лежит, смотрит в потолок глазами мертвыми. Вечером придут солдаты, берут его в Отработку волочь. Четверо их – так они сами от голода шатаются. Унесут кой как. Все, прощай, человек. Кто просто тихо умирал; кто пытался своих же грабить, но потом умирал – сам ли, или солдаты помогали; кто охотился с ножом или арматуриной в пустых коридорах и после людей ел – и умирал в петле; кто до последнего на Периметре стоял – и потом все равно умирал, там же, на посту. Обычно это стало. Обычно. Утром выползешь в коридор – а отсек напротив нараспашку. Выносят. Завтра – сосед справа. Послезавтра – через пять дверей или в конце коридора. У кого мать, у кого отец. Сын ли, дочь... Так три тыщи и перетаскали...

А раз собрались кто поотчаяннее, кому совсем уж край – и на ферму! Ферма тогда одна была, да не в Галерее, а на третьем уровне, где Убежище теперь. И давай штурмовать! Свиней-то раз-два и обчелся – так нет... Голод не тетка. Солдаты тогда сотни три народа положили. Прямо с пулеметов резали толпу. Кровищи – море! А не пустили. Иначе, может, и не выжил никто, если б свинок растерзали... Но и тоже, вишь, на пользу получилось. Всех, кого порезали, – на корм свиньям. А как ты хотел?.. Все в дело сгодится.

И ведь сами – сами-то они держались, из вояк, кто свиней стерег! Иные бы плюнули да пожрали все – а эти нет. Берегли... Счет вели скрупулёзно и как прибыль – сразу на всех делили. Говорят, кто и сам там же умирал, а животину ни-ни, не ели...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.